

Васиљева Светлана

ЙОРМУНГАНД

У Локи трое родилось детей, вся сила Фенриру досталась, Хель жаждет власти и любви, а Йормунганд умнее прочих.

История про старшего сына Локи — Йормунганда, его стремление найти место в мире, овладеть могущественными источниками магии и при этом остаться собой.

Для любителей мрачного психологического фэнтези.

Первое, что он увидел, это множество свечей повсюду. И факелы. Пламя тускло отражалось в позолоте кубков, кривлялось и подрагивало. Щиты давних врагов и темные от времени гобелены висели на каменных стенах. Пахло свежим жареным мясом, пивом, медом и пирогами. Зал огромен и полон людей. И все смотрели на них.

Мать вела их мимо столов, поджав губы и выпрямившись во весь свой немалый рост. Ее светлые волосы свободно лежали на спине, перехваченные серебряными кольцами. Йормунганд опустил голову. Краем глаза он заметил, что Фенрир угрюмо косится по сторонам. Только Хель гордо выпятила подбородок и глядела прямо перед собой подражая матери.

— Как похожи, — услышал Йормунганд женский шепот слева.

Трое детей Лодура схожи разве что темно-рыжими волосами. Самый младший Фенрир уже сильнее и коренастее старшего брата. Сестра унаследовала рост и ледяной взгляд матери. Про себя Йормунганд знал, что ниже Хель и тоньше в кости Фенрира, но черты лица у него правильные, а глаза зеленые, как у отца. И светлые веснушки то и дело выскакивают на носу, стоит пригреть солнцу.

В зале натоплено, и от присутствия множества людей душно. Йормунганд жарился в куртке мехом внутрь и кожаных перчатках. Синий шерстяной плащ скреплялся на плече застежкой в виде переплетенной змеи. Изумрудный глазок сверкал на темном серебре. Фенрир одет так же, только брошь с волчьей мордой, а руки без перчаток. Хель надела свое новое зеленое платье с теми немногими ожерельями, которые взяла с собой. Ангаборда же выглядела как обычно и, судя по шепоткам, ее охотничий наряд, в котором она проделала путь, не соответствует ни времени, ни месту, и выглядел более чем необычно. Йормунганд догадывался, что на это мама и рассчитывала, понимала, что богатством наряда здесь никого не впечатлить.

На возвышении восседали Альфедр с супругой. По правую руку от него вальяжно облокотился на стол рослый мужчина, сияющий будто чешуей диковинной рыбы, так затейливо вышит мелким бисером его кафтан. Жена Альфедра, Фригга, сверкала драгоценностями как статуя богини с диадемой в волосах. Фригга уже седая и в морщинах, но заметно молодилась, и взгляд ее синих глаз Йормунганду не понравился.

— Ангаборда! — Фригга привстала с места, звякнули ключи на поясе. Она впервые увидела их мать, но приветствовала ее как старую знакомую, — Мы уже боялись, что вы не приедете.

Встрепенулись толстые псы у ног князя. Один из них лениво тявкнул и улегся обратно к остальным. Ангаборда чуть поклонилась, учтиво улыбнулась.

— Мы счастливы видеть вас. Прошу прощения за несвоевременный визит.

— Это отпрыски Лодура? — спросил Альфедр. — Похожи.

— Это мои дети, — ответила мать, кладя руку Йормунганду на плечо, — Йормунганд, Хель и Фенрир. Йормунганд — старший.

— Сколько тебе лет? — спросил Альфедр Йормунганда. Князь невысок и грузен, в длинной светлой бороде уже довольно седины. Руки крепкие, как у дровосека, кольцами унизаны лишь мизинцы. Один глаз закрыт шелковой повязкой. Такими Йормунганд всегда представлял морских разбойников.

— Пятнадцать.

— А тебе? — спросил князь Фенрира.

— Двенадцать минуло осенью, — Фенрир исподлобья глянул на Альфедра.

— Уже воин?

Фенрир кивнул.

— А Хель так просто красавица, — сказала Фригга с улыбкой. — Чудесное платье!

— Спасибо, госпожа, — Хель потупила взгляд, но кланяться не стала.

— Зеленый тебе к лицу. Чудный цвет! Надеюсь, путь был не слишком утомительным? — обратилась Фригга к Ангаборде.

— Переправа через Гьёлль оказалась неприятной, но дороги у вас ровные, а округи спокойные, — Ангаборда ловко достала из широких рукавов выкованную из меди шкатулку и с легким поклоном протянула ее Фригге. — В знак признательности за приглашение, — сказала она.

— Ох, что ты, милая, не стоило, — Фригга немедленно открыла шкатулку. Внутри лежало золотое лебединое перо. Фригга повертела его в пальцах, показала мужу.

— Тонкая работа, — сказал он, едва глянув.

Фригга улыбнулась и положила перо обратно, на подушечку темного бархата. Шкатулочка с металлическим лязгом захлопнулась.

— Даже не знаю, были ли наши подарки столь же ценными, — сказала она.

— Ваш посланник привез нам множество даров, так что мне неловко за свою безделушку.

— Было бы неправильным одарить только вас, госпожа, — произнес Йормунганд подготовленную фразу. Он протянул Альфедру ларчик из красного дерева с резьбой в виде расправивших крылья сов. Внутри лежал золотой кубок стоимостью с хороший замок. Альфедр коротко кивнул, принимая дар. И на этом церемония приветствия закончилась.

Йормунганду и прежде приходилось участвовать в подношении даров, поскольку он считался старшим мужчиной в доме. У дяди, как бы часто он не навещался, своя семья и свои обязательства. Но раньше Йормунганд проявлял милость и одаривал, здесь же он чувствовал, что оказывают милость ему, принимая сокровище у него из рук.

Цверги тебя побери, подумал он, мы же вовсе не богаты. Посол Альфедра и правда привез с собой подарки, обычные, вроде хорошего вина, камней, украшений и даже скакуна привел Йормунганду. Ангаборда отказалась их принять. Кроме скакуна, которого выпросил Фенрир.

Но у посланника — изворотливого и говорливого Боргхильда оказалось достаточно денег и красноречия, чтобы дядя — брат Ангаборды — Гримунд — принял его. Подоплека такой щедрости была Йормунганду не ясна, разве что Альфедр опять затевал какую-то подлость против них или их соседей. А приглашение погостить выглядело и вовсе зловеще. Пока Хель не напомнила, что Альфедр — побратим отца, и что, может быть, мама не права, что отказывается от даров.

Но, по тем или иным причинам, Гримунд поддержал Боргхильда и уговорил их поехать.

— Садись рядом, милая, посекретничаем, — Фригга встала на цыпочки и положила руки Ангаборде на плечи. — Слуги покажут детям их места.

Йормунганда и Фенрира разве что под руки не подхватили. Люди Альфедра оказались тихими и вышколенными, и сильными, а также немного надменными, как и их хозяин. Хотя Альфедр сидел с супругой, остальные женщины и мужчины располагались за отдельными

столами. Хель отвели к женскому столу. Йормунганда с братом посадили среди детей князя, рядом с румяным и кудрявым парнем похожим на деревенского мальчишку, чуть старше Фенрира.

— Бальдер сын Альфедра, — представился парнишка. Он выглядел пухленьким и разряженным так же пышно, как и его мать Фригга. От нее он унаследовал синие глаза, а в остальном походил на отца.

— Йормунганд из Ирмунсуля, а это мой брат Фенрир.

— Айе, Фенрир! — дружелюбно поздоровался Бальдер. Фенрир кивнул. Им как раз поднесли свежезажаренные куски мяса, сочные, с запахом чеснока и чего-то еще, чего они раньше не пробовали. Фенирира они заинтересовали больше, чем светские разговоры.

Йормунганд проглотил слюну. Стол ломился от яств. Тут и дикий кабан с колбасами, сладкое пюре, хлеб-самопек, пироги с птицей, и каждому наливали превосходное горячее вино с медом. Он старался не торопиться, поднося пищу ко рту. И скрывал удивление, если он пробовал что-то, чего не ел раньше. Йормунганд украдкой поглядывал то на мать, то на сестру. Хель ела так же медленно, а Ангаборда только пила. Бальдер тем временем пялился на него.

— У вас не бывают гости из Ирмунсуля? — спросил его Йормунганд. — Наши купцы часто навещают в Гладшейн.

— Бывают. Но я таких еще не видел.

— Каких?

— Рыжих! — нашелся Бальдер.

Йормунганд вздернул бровь,

— Правда? — спросил он. За столом чуть дальше сидело, по меньшей мере, пятеро с шевелюрами куда более яркими, чем у него.

Бальдер несколько не смутился.

— Они не из Ирмунсуля, — пояснил он. — Говорят, что рыжие ирмунсульцы колдуны и могут сглазить. Их сюда не пускают.

— Мой отец рыжий, — заметил Йормунганд.

— Отец? — Бальдер склонил голову на плечо.

— Лодур, мы сыновья Лодура, — сказал Йормунганд. Ему почему-то казалось, что Бальдер и сам должен это знать.

— Ха, лучше тебе его тут не упоминать! — Бальдер усмехнулся. — Он хоть и побратим папы, но ему здесь не рады. Про него рассказывают всякое, вроде он бабскую ворожбу знает и чего похуже. Да и на счет смерти его жены слухи ходили.

— Моя мать жива, как видишь.

— Не эта жена. Эта не считается.

— Ты о чем вообще? — подал голос Фенрир. — Давно не получал? Про маму так не говори. Все считается.

Бальдер уже сжал кулаки и открыл рот, чтобы ответить на дерзость.

— Мой брат бестактен, простите его, — вдруг произнес другой парень, сидевший за Бальдером. — Он младший в нашей семье и ему много позволялось.

— А теперь не позволяется? — заинтересованно спросил Фенрир.

На стол принесли еще одно блюдо в глиняных раскрашенных чашках. Фенрир тут же забыл и про свой вопрос и про детей Альфедра.

— Что это? — спросил Йормунганд, невольно засмотревшись на кушанье. В прозрачном

душистом меду плавали нежно- желтые ломтики с бархатистой шкуркой по бокам.

— Персики в меду, — ответил насупившийся Бальдер. — Первый раз видишь, что ли?

— Персики? — переспросил Фенрир.

— Фрукт такой, — пояснил Йормунганд. — Отец привозил как- то раз, когда я был маленький. Только они были уже подгнившие.

— Их привозят с юга, специально для пиров, как и вино, — сказал парень, одернувший Бальдера. — Я так и не представился, я Тиу. А ваши имена я знаю. Про вас много говорили, еще бы, дети Лодура и великанши из Ирмунсуля.

— Рад знакомству, Тиу, — сказал Йормунганд.

— Айе, Тиу!

— Айе! — ответил Тиу с улыбкой. Широкий в плечах, ростом он на голову превосходил Йормунганда. Светлая борода только начала расти, и торчала клочками во все стороны, поэтому вид Тиу имел неопрятный — Тяжела была дорога?

— Нет. Твой брат сказал, что у нашего отца Лодура умерла жена. Так он был женат... здесь?

Тиу замялся.

— Да, только я ее не знал совсем. Она умерла.

Йормунганд пробежался взглядом по гостям, но их было слишком много.

— А наш отец здесь? — спросил он. — Он бывает здесь?

— Часто. Но сейчас нет.

— Он бы нас встретил, — проворчал Фенрир.

Его отец был женат, его «настоящая» жена умерла, а теперь его мама и все они приехали сюда по приглашению Альфедра. В сердце Йормунганда появилась надежда достойная разве что его сестры: может быть, семья воссоединится, и теперь брак родителей будет «считаться» и здесь. Но говорить об этом с детьми Альфедра бессмысленно, подумал он, вряд ли они много знают о делах Лодура. Да и много, очень много раз он говорил, что лучше бы отцу не возвращаться вовсе, но то лишь детские злые слова. Почему же отца здесь нет?

Йормунганд единственный по-настоящему помнил его. Веселого, огромного. Лодур появлялся как вихрь, тормозил его, подкидывал под потолок, делал маме нового ребенка и вновь исчезал. А мама оставалась ждать. Ангаборда редко говорила о муже, но если говорила, то только с Йормунгандом, поэтому он даже не был уверен, где начинались ее воспоминания, а где заканчивались его. Еще больше его смущало, что мама сравнивала его с Лодуром и когда хвалила и когда ругала. Он оказывался гордым, упрямым, умным, злопамятным и невыносимым «совсем как отец».

Йормунганд смутно помнил, как Лодур объезжал дикого злобного скакуна. Тот скинул Лодура на землю и чуть не припечатал копытом, если бы отец вовремя не увернулся. Лодур все-таки одолел его, а потом и вовсе ездил только на нем. Страх перед отцовским конем Йормунганд помнил хорошо. Как он взбрыкивал и скалился, какие у него были крепкие мохнатые ноги и растрепанная грива. Чесать себя конь не давал даже хозяину. Но как его объезжали, помнил ли Йормунганд сам, или детское воображение нарисовало ему со слов матери, он не знал. Лодур никогда не катал его на своем скакуне, и первый раз на лошадь Йормунганда посадил дядя. Ты старший в семье, Йормун, говорил ему Гримунд, должен уметь защитить сестру и мать. На твоего папашу надежды нет, отвечаешь за них только ты.

Когда Фенриру исполнилось три, Йормунганд посадил его на Весенний Ветер и

осторожно покатали по двору. Ангаборда увидела это из окна своей башни и сбежала вниз в чем была — широкая ночная рубаха развевалась за ней словно простыня на ветру. Тогда они в первый раз поссорились. А Фенрир ревел сначала из-за того, что его стащили с конской спины, а потом из-за того, что мама отвесила старшему брату затрещину. Сколько времени прошло. Фенрир теперь держится в седле лучше дяди, и куда лучше старшего брата.

Бальдер тем временем уже рассказывал про охоту на кабана, которого подали к столу. Видимо, Альфедр взял сына с собой на этот раз, и по рассказу Бальдера получалось, что это он поднял кабана. Фенрир слушал внимательно, а Тиу поднял брата на смех.

— Но это я его первым увидел! — воскликнул Бальдер с такой обидой в голосе, что даже Йормунганду стало его жаль. Он взял свиной кусочек и с аппетитом съел. После персиков в меду получилось отвратно.

— Очень вкусно, — сказал он Бальдеру. Фенрир фыркнул. Он уже собирал соус с тарелки куском хлеба.

— Сколько всего детей у Альфедра? — спросил Йормунганд, глядя на стол, за который их посадили.

— Много, — ответил Бальдер. — Законных всего трое. Правда, недавно едва не стало двое. Но отец не делает особых различий между нами и другими своими детьми.

— Почему?

— Все равно когда он умрет, наследником станет Ньрд.

— Кто это?

— Он сидит справа от папы.

— А, этот в странной одежде.

Бальдер рассмеялся.

— Вы тоже диковинно выглядите, — сказал он.

— Мне кажется, тут вообще все вырядились кто во что.

— Кто во что, — Бальдер фыркнул, — так не говорят.

— А кто будет наследовать Ньрду?

— Не знаю, Йорд, наверное. Хотя он и незаконный, у него больше всего власти после Альфедра. И он сильный, все его боятся.

— То есть, у тебя шансов вообще нет?

Бальдер надулся и не ответил.

— Мне и не хочется, — сказал он, наконец.

— А кем ты хочешь стать, если не князем? — Фенрир высунулся из-за руки Йормунганда.

— Скальдом и провидцем, — сказал Баль.

— Для этого нужен особый дар, — сказал Йормунганд с почти отческой улыбкой.

— У меня он есть.

— Правда? — спросил Йормунганд Тиу.

Тиу кивнул,

— Что-то у него и правда есть. Не хватает только фантазии и голоса. Ему бы ворожить, но это занятие для женщин.

— Женщин? — переспросил Йормунганд, — В смысле жриц?

— И их тоже. Мужчины воют, а не колдуют, — Тиу усмехнулся, — Но Бальдер у нас муж женовидный, ему можно.

Бальдер ткнул в бок Тиу острой свиной костью. Тиу отвесил брату подзатыльник.

Завязалась потасовка. Йормунганд отодвинулся от этих двоих подальше, оттесняя спиной Фенрира, уж он бы обязательно пнул кого-нибудь исподтишка.

— Почему мы с тобой никогда так не дрались? — спросил младший.

— Потому что я умнее тебя. Да и незачем, — сказал Йормунганд и Фенрир кивнул.

Братьев успокоил огромный, похожий на великана, старик. Мышцы буграми ходили под кожаной курткой, и он разнял дерущихся как котят.

— Смотри, — шепнул Фенрир, — он слепой.

За столами разочаровано заулюлюкали.

— Дурень, — проворчал Тиу.

— Олух! — бойко ответил Бальдер. Похоже, братские оплеухи его совсем ничему не научили.

В чертоге грянула музыка, прервав их перепалку.

Явившись на пир не вовремя, с заметным опозданием, они как раз прибыли ко моменту, когда больше половины гостей уже порядком набрались, но в руках себя еще держат. Но многие уже пьяно смеялись, то и дело вспыхивали и угасали споры, и кое-кто даже пытался орать походные песни.

Несмотря на общество, еда детям Лодура понравилась. Фенрир не стеснялся подкладывать себе персики в меду и куски пирога с тягучей ягодной начинкой. Йормунганд немного захмелел, выпив пахучего крепкого вина. В чертоге уже вовсю танцевали, не обращая внимания на такт задаваемый музыкантами. Среди общих разговоров и хохота надрывался очередной певец. Пел он хорошо, поэтому несколько гостей пересели к нему поближе, преимущественно дамы.

Скальд затянул балладу в честь Альфедра, прославляя его подвиги и желая всех благ. Баллада не новая, отрывки из нее знали даже в Ирмунсуле. Певец хорош собой, высокий, с чистым лицом, глубоким голосом и темными глазами. Смешную шляпу украшали мелкие разноцветные перышки, как крылышки птички-малышки, а на пальцах сияли дешевые, вычурные кольца. Йормунганд взглянул на сестру — она не сводила со скальда глаз.

Йормунганд провел рукой по лбу и откинул падавшие на глаза волосы. Надо выяснить, почему их вообще пригласили ко двору, и почему в отсутствие отца. Если Альфедру нужны заложники, то при дворе наверняка есть и другие дети Лодура, раз уж он был женат. Знал ли он вообще, что его семья приедет сюда?

Ирмунсуль находился севернее Гладсшейна и долгие годы находился в состоянии непрерывной войны с его жителями. Ангаборда рассказывала детям, что Ирмунсуль появился намного раньше Гладсшейна. Что их родной край превосходит Гладсшейн древностью культуры. Но со временем сила Гладсшейна росла, они присвоили многие достижения ирмунсульцев, уверовали в Луноликую, исконную богиню ирмунсульцев, и захватили обширные земли вдобавок. Но жители Гладсшейна оставались соседями Ирмунсулю и их связи были прочны, то поддерживаемые договорами, то разрушаемые очередной войной. Дядя говорил об этом проще. Клял на чем свет стоял неблагодарных гладсшейнцев и превозносил свой народ. Воевал и торговал одинаково успешно и пользовался уважением среди врагов и друзей. Ближе к границам ненависть к жителям Гладсшейна росла, в столице к иностранной знати и купцам относились терпимо. А вот город, в котором жил Йормунганд, почти не задело нескончаемой войной. Но и он знал про злодеяния Альфедра, а еще больше про его сына, который, похоже, ел детей на обед, а перед ужином портил девок. Теперь он мог находиться здесь же, за этим столом, как сын своего

отца.

От этой мысли стало неуютно. Йормунганд разглядывал гостей в поисках кого-нибудь похожего на него лицом или цветом глаз, чем-нибудь, что выдавало бы соотечественника.

Его взгляд натыкался на рыжие или светлые волосы, у некоторых гостей темные глаза, но больше голубых. Мужчины носили цветные кафтаны с драгоценными брошками на плечах. Женщины украшали себя ожерельями и поясами из самоцветов, а платья носили длинные и с широкими рукавами. И почти все они были похожи на ирмунсульцев не больше, чем друг на друга. Йормунганд оценивающе присматривался к самоцветам. Похоже, в здешних краях ценились агаты, яшма и редкий в Ирмунсуле жадеит. Немногие носили настоящий малахит, а люди Ньрда щеголяли украшениями из коралла и жемчуга, как знаками принадлежности к морю.

— А кто это сидит рядом с моей сестрой? — спросил Йормунганд, опять препирающихся Бальдера и Тиу.

— Сестра? Где? — оба отпрыска Альфедра с интересом уставились на девичий стол.

— Вон та темноволосая в смешном платье? Какая большая! — Бальдер выпучил глаза в восхищении.

— Ща от меня выхватишь, — пообещал Фенрир, и Бальдер опасливо отодвинулся.

— Не знал, что вы смыслите в женских нарядах, мужи женовидные, наконец рассердившись, сказал Йормунганд. — А что за милые женщины расселись вокруг нее как куры? Того гляди заклюют.

— Сага, Эйр, Гевьон, Фулла, Ингвия, Съевн, Ловн, Вар, Вёр, Сюн, Хлин, Снотра, Гна, — начал перечислять Бальдер.

— Кто вон та, с косами? — спросил Фенрир. Девушка сидела спиной к нему, слегка наклонилась к Хель, и что-то говорила. Хель отвечала невозмутимым взглядом. Даже с такого расстояния видно, что незнакомка манеры имела властные и умела подчинять себе людей. Красное платье с золотым шитьем обхватывало ее спину и как будто обнимало талию. Йормунганд обратил внимание и на ее тонкие руки с длинными узкими пальцами и кроваво-красными ногтями. В косу девушки вплетена нитка жемчуга и, похоже, это единственное украшение к богатому наряду.

— Это Ванадис, дочь Ньрда. Не обманывайся ее внешностью, она уже старая, — Бальдер скользнул по ней глазами. — Говорят, ее красота наколдована.

— Все красивые — ведьмы, — сказал Тиу.

Йормунганд уставился на нее с еще большим интересом.

— Правда? Она колдунья? А еще при дворе колдуны есть?

— Она Старшая Дочь. А если тебе интересно, то отец сам умеет колдовать.

— Было бы странно, если бы не умел, он же здесь главный.

— Думаешь, если главный, то должен водиться с духами? — Бальдер недоверчиво насупился.

— Не водиться — заклинать. Отводить беду, притягивать удачу.

Бальдер уже забыл о недовольном брате.

— В Ирмунсуле так?

— Ну да.

— Это же так далеко. Я слышал, там очень холодно.

— Холоднее, чем здесь. Много камней и скал и мало ровной земли, и реки у нас маленькие и быстрые, — сказал Йормунганд.

— А девы у вас, верно, тоже маленькие и холодные, — вклинился в разговор Тиу.

— Не хуже здешних, — возразил слегка покрасневший Йормунганд.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда! Скажи, а вот это кто? — Йормунганд незаметно ткнул пальцев в девуцу в голубом.

— Это госпожа Вер, ты с ней осторожней. Она слишком умная для всяких глупостей. Вон та — Съевн, она сговорчивей, — быстро ответил Тиу. Он любил разговоры о женщинах.

— А там что за толстуха?

— Это Фулла. Она моя тетя, но мама больше обращается с ней как со служанкой. Хотя мама всеми помыкает.

— А что за госпожа пристально смотрит на мою маму?

— Это Сигюн, — Бальдер бросил на него смущенный взгляд. — жена дяди Лодура. Ээ, новая жена.

— Вот как.

— Уверен, твоя мать достойная женщина, — быстро сказал Тиу.

Йормунганд улыбнулся.

— Да, только глупая.

— Женщины они такие, — кивнул Тиу.

Йормунганд глотнул еще вина.

— У них с отцом есть дети? — спросил он.

— Двое, еще совсем маленькие. Крошечные. Мам говорит, что Сигюн сумасшедшая, что вот так оставляет их с нянькой и ходит на пиры. И ворчит по поводу ее фигуры, мол, совсем как у девицы, будто это плохо.

— А где сам мой отец... Лодур ты не знаешь?

— Не знаю, — Бальдер пожал плечами. — Он часто странствует. Как папа раньше. Мне кажется, этим они и похожи. Слушай, а у вас на севере в самом деле все умеют колдовать? Ты умеешь?

— Немного.

— Сделай кое-что для меня. Или научи.

— Сначала скажи, что это и что мне за это будет, — Йормунганд поставил кубок на стол. Скальд у женского стола отложил лютню и присел рядом с дамами. Фулла немедленно подала ему вино, а другая блондинка, помоложе, Бальдер назвал ее Гевьон, взобралась певцу на колени. Скальд расплылся в улыбке.

— Ты прямо как твой отец. Только не смейся все время и не щиплешь меня за щеку, — сказал Бальдер.

— Чего ты хочешь? — Йормунганду успели надоесть и материнские сравнения с отцом.

— Я хочу проклясть одного человека, — прошептал Бальдер.

Йормунганд едва не опрокинул кубок.

— Рехнулся? Сам прокляни.

— Я не могу. Ты тут человек новый, на тебя не подумают. А мне очень нужно.

— Подумают. У тебя есть враг, ты разговаривал со мной и о чем-то просил меня. А потом твоего врага настигнет несчастье. Какое совпадение.

— Он мне не враг и я же не убить его прошу.

— Ну, еще бы, — Йормунганд оглянулся. На них с Бальдером никто не смотрел. Фенрир успел незаметно улизнуть из- за стола и вертелся рядом с Хель. Тиу разговаривал с одним из

родственников. Больше же до двух детей и дела никому не было.

— Просто наслать болезнь, слабость, если не хочешь сделать сам, научи меня.

— А почему не попросить об этом кого-нибудь другого?

— Кого? Отца? Или Дочерей? — спросил Бальдер с горькой усмешкой, — Уж они с радостью помогут, да.

Он перебрал хмельного меда, подумал Йормунганд, пьян и не в себе. Он же еще ребенок.

— Кого ты хочешь проклясть? Тиу?

— Нет, Тиу же мой брат. Прокляни Этельгерта.

— Кто это? Зачем тебе его?.. Он что, у тебя подружку увел?

— Это придворный скальд. У него звонкий голос, — сказал Бальдер и ткнул в сторону недавнего скальда, что сидел в обнимку с Гевьон, — И он сам сочиняет баллады. Прескверные.

Йормунганд с секунду смотрел на него.

— Вот как. Рифмоплет, значит, дорожку перешел.

— Ужасный рифмоплет.

— Но успех имеет.

— У меня есть, что предложить тебе.

— Неужели?

Голос Бальдра понизился до шепота:

— Я знаю, что Ванадис предсказала, что дети Лодура станут причиной гибели дома Альфедра. Теперь Лодур в опале, а вас призвали, чтобы посмотреть, опасны вы или нет.

— Не в первый раз сумасшедшая колдунья объявляет нас троих угрозой всему сущему, — прошипел Йормунганд. — И ты, маленький паразит, ничего с этим не поделаешь. Справишься сам со своим певуном. Не докучай мне больше.

Бальдер вытаращил глаза и открыл было рот, но тут же отвернулся. Больше за вечер он с Йормунгандом он не заговаривал.

Как и все знатные дети Ирмунсуля, Йормунганд знал основы чародейства. Ангаборда не поощряла, но и не запрещала его увлечений. Как он понял, даже в этом он «совсем как отец». К тринадцатому году жизни Йормунганд мог заговорить раны и заставить стрелы лететь куда надо. Он научился манипулировать людьми с помощью магии, подтолкнуть к ссоре, а потом так же стремительно помирить. И да, он умел наложить проклятие. Йормунганд испытал свое умение лишь раз, и результат испугал его. Еще больше смутило, что сестра обо всем догадалась.

Хель подарила ему тогда амулет, который он до сих пор носил с собой и никогда не снимал. Маленькие белые камешки назывались у них «жемчужиной дракона» и считалось, что они прибавляют мудрости тем, кто их носит. Теперь такой круглый камешек в серебряной оправе висел у него на шее, спрятанный под воротом рубахи. Изображение длинного ящера вцепившегося себе в хвост опоясывало камешек, а по бокам вырезаны маленькие руны. Хель постаралась, чтобы Йормунганд не мог наложить порчу одним недобрым взглядом. А ведь люди часто раздражали его.

В благодарность Йормунганд смастерил сестре ожерелье из недорогих, но искусно ограненных бусинок агата. Хель и сейчас надела его, вместе с платьем из зеленой шерсти с лисьей меховой отделкой и другими своими украшениями. Платье она шила несколько дней, а доделывала уже в пути и невероятно гордилась результатом.

Ангаборда с тревогой смотрела на старшего сына. Она видела, как он наклонился к Бальдеру, и брови на лице ее сына сошлись в напряженной гримасе. Ему будет сложно приспособиться, подумала Ангаборда.

— Не беспокойся о нем, — сказал пахнувший морем великан — Ньрд, владыка побережья. Ей не нравился его запах, но сам он на удивление симпатичен — крепкие ноги, хорошие зубы. — Твой сын не будет противиться.

— Конечно, будет, — сказала Ангаборда. — И Хель, и Фенрир.

— Йормун выглядит разумным парнем, он поймет, что наш союз выгоден всем, и твоим детям в первую очередь.

Ангаборда раздраженно звякнула ногтем по краю тарелки.

— Не говори мне про их выгоду, если хочешь, чтобы я согласилась. Они дети Лодура, перво-наперво.

— Старый прощельга не принимал участия в их воспитании.

— Потому меня так и тревожит, что каждый из детей в чем-то так сильно похож на него, — Ангаборда вздохнула и убрала выбившуюся прядь за ухо.

Ньрд откинулся в кресле, его бисерный кафтан тускло сверкнул. Сидя он не уступал ей в росте, его усы давно поседели, а тяжелый взгляд выдавал недюжинный жизненный опыт. Он смотрел на статную женщину в мужской одежде рядом с ним и не мог определить, нравится она ему или нет.

— Посмотри на меня, — попросил он, и она посмотрела. По ее взгляду Ньрд понял, что Ангаборда угадала его мысли. Как такие умные женщины сходятся с проходимцами вроде Лодура, подумал он.

— Как думаешь, — спросила она. — А ты нравишься мне?

— Вряд ли, не вижу и тени симпатии на твоем красивом лице.

— Мое лицо — лицо зрелой женщины. А не молоденькой девы, какие греют твою постель.

— И оно красиво. Красивее всех миловидных лиц юных дев, какие есть на свете.

Ангаборда невольно посмотрела в сторону Сигюн, что сидела за женским столом в длинном темном платье с оборками и тонким шитьем по краю. Сигюн не минуло и двадцати, изящные руки с длинными тонкими пальцами, густые волосы, заколотые на макушке, волнами рассыпались по ее плечам, длинная тонкая шея, которую Ангаборде так и хотелось крепко сжать.

— Если у тебя есть надежда, что Лодур вернется к тебе...

— Не морочь мне голову, — резко прервала его Ангаборда. — Я бы не поехала сюда, — она обвела взглядом зал, — в это место, где мои дети считаются бастардами, а я чужая каждому, если бы он был тут. Не прерывай меня! Йормун единственный, кто видел лицо отца, а Фенрир называл папой Йормуна. Я никогда бы не отправилась в путь ради прохвоста!

По знаку Фригги Ангаборде подлили вина. Фригга пыталась прислушаться к их разговору, и по выражению лиц догадалась, что дело не ладится.

— А как у вас с погодой, милая? — зашебетала хозяйка пира. — И правда так холодно, как говорят?

— Правда, — буркнула Ангаборда, — зимой холодно, летом — жарко. Большой приплод зайцев в этом году.

— Заячья охота, — понимающе улыбнулась Фригга.

— Лисья, — сказала Ангаборда, — Лодур говорит, много зайцев — много лис, много... — она осеклась и не стала продолжать фразу.

— Ох, милая, мужчины бывают так коварны, — Фригга всем существом изобразила сочувствие.

— И потому сват у меня сам Альфедр. Я уже выразила свое согласие тем, что приехала сюда. Или, — Ангаборда кивнула в сторону Ньрда, — жених передумал?

— А, — сказала Фригга.

Ньрд расхохотался. Он смеялся, хлопая себя ладонью по колену. Отдышавшись, сказал только:

— Беру!

Ангаборда поднесла к губам кубок.

Песни сменились танцами. Топочущих пьяниц рассадили, а в освободившемся пространстве посреди зала выстроились пары. Йормунганд подумал, что ему тоже стоило бы пригласить кого-нибудь. Гроза морей Ньрд уже взял его мать за руку и повел в середину зала. Несмотря на походный наряд, Ангаборда танцевала не хуже любой из присутствующих. Ее не сковывало платье, и все движения плавные и в такт музыке. Люди хлопали, глядя на них, пока не вышла Сигюн в дорогом платье и с черноволосым улыбчивым кавалером. Она выглядела как цветок, распустившийся среди робкой травы. Даже Йормунганд не смог подавить желание потанцевать с ней, обнять ее талию, почувствовать сквозь ткань ее тепло, вдохнуть запах ее кожи. Он тряхнул головой. Уж она-то, мелькнула мысль, точно ведьма.

Едва танец закончился, певец затянул новую песнь, на этот раз героическую. Гости вновь принялись рассаживаться за столом, и зал потонул в гуле разговоров и смеха.

— У нас пиры не такие людные и веселые, братец, — Хель незаметно оказалась рядом. Фенрир держал ее за юбку, совсем как в детстве. Под взглядом Йормунганда он медленно опустил руку и сделал независимое лицо.

— Пусть его, он еще ребенок, — сказала Хель.

Я в его годы ребенком уже не был, подумал Йормунганд. Он потрепал младшего брата по волосам.

— Потанцуешь со мной следующий танец? — спросил он Хель.

— Почему бы и нет? Я сыта и пьяна, и меня уже пригласили, но я потанцую с тобой.

— Не напивайся сверх меры. У меня дурное предчувствие.

— У тебя всегда так.

— Хм.

— Мы всего лишь попали в незнакомое место, Йормун, и среди незнакомых людей, — она потеревала агатовое ожерелье, — Мне и страшно и весело. Предчувствия гнетут и меня. Только не все они мрачные.

— Особенно те, что касаются поцелуев да объятий. Постарайся не сгруппироваться на первом же пиру.

Хель рассмеялась. Несколько человек оглянулись на ее смех. Она не похожа на остальных женщин в чертоге, в платье с мехом, с сияющими ожерельями из золота и камней на полной груди. И стоя рядом с Йормуном, оперевшись на плечо брата, она чудо как хороша. Такая же красивая как Сигюн, и как их мама в юности.

— Что думаешь о Ньрде? — она понизила голос и придвинулась ближе, обдав его запахом перебродившего винограда.

— Он староват для тебя, нет? — Йормунганд немного отодвинулся, давая ей сесть.

— Его возраст не загадка, я не о том. Что ты о нем думаешь?

— Ничего, — признался Йормунганд, — У меня нет причин о нем думать.

— Он наследует Альфедру.

— Я знаю.

— И он не женат. У него прекрасные земли.

— Хель, он же старик.

— Глупый брат! Я пытаюсь сказать тебе, зачем мы здесь.

— То есть ты тоже думаешь, что не из-за отца.

— Цверги бы побрали этого ничтожного труса! — Хель покраснела, — Он даже не появился. Он, наверное, даже не знает, что мы приехали а Гладсшейн. Притащились всей семьей! А если знает, то так еще хуже!

— Возможно, Альфедр организовал наш приезд в тайне от него? Тогда отца не в чем винить.

— Он женился, — вставил Фенрир, про которого они почти забыли.

— А ты что думаешь о Ньрде? — Хель обратилась к младшему брату.

— Ничего. Маму еще спросишь?

Хель вздохнула.

— Она нам не скажет. Только не мама.

— То есть Ньрд и мама?.. — сказал Йормунганд внезапно догадавшись.

— Дурак, — беззлобно сказала Хель.

Фенрир фыркнул.

— Да, дурак, — согласился Йормунганд, — слепой к тому же, как тот здоровяк.

— Пора заканчивать с празднествами на сегодня, — сказала Хель устало. — Завтра будет новый день.

Новый день и впрямь наступил. Откинув одеяло, Йормунганд сел на кровати. Интересно, столько вчерашних пирующих хотели бы, чтобы утро так и не настало, подумал он.

Ежась от утренней прохлады, Йормунганд подошел к окну. Солнце уже поднялось, и внизу готовились к соревнованиям в стрельбе из лука: устанавливали мишени, огораживали места для зрителей. Слуги как будто и не спали в этом огромном замке. Возле замковой стены зеленел сад. Йормунганду нестерпимо захотелось яблок. Свежих, только что с дерева, влажных от росы. Он натянул кожаные штаны и сапоги, накинул синий шерстяной плащ поверх рубашки и отправился исследовать окрестности в надежде раздобыть свежих фруктов.

В замке и вправду бодрствовали лишь слуги. Из кухни доносились запахи готовящейся трапезы, а служанки драили длинные каменные коридоры. Они проворно прижимались к стенкам при его приближении и вновь возвращались к работе, стоило их миновать. Пройдя сквозь кухню, он оказался в огорожке, за которым начинался плодовый сад. Невысокая светловолосая девушка собирала яблоки в корзинку, ловко сбивая их длинной палочкой. Почувствовав чье-то присутствие, она оглянулась, и Йормунганд поразился ее странным глазам, похожим на расплавленное золото. Она потупила взгляд и перед ним оказалась маленькая, почти девочка, хорошенькая служаночка с повязанной под подбородком косынкой и крепкими и круглыми, как яблочки, грудками. Йормунганд обратил внимание и

на розовые щечки и на крепкие ножки под подвернутым подолом. Вот только глаза... наверное, показалось, подумал он.

Но все-таки она еще девочка, пусть и миленькая.

— Яблоко, — сказал он, протягивая руку.

Девочка взяла самое спелое и вложила его в ладонь Йормунганда, чуть коснувшись ее пальцами. Он еле отвел взгляд от ее лица и заметил красные, отливающие рубином, заостренные ногти. Такие руки предназначены не для работы.

— Благодарю. Помочь донести корзину?

— Не нужно, господин.

И голос славный.

Какая... банальная ситуация, подумал Йормунганд, не двигаясь с места.

— И все-таки я помогу, — сказал он, — Как тебя зовут?

— Ванадис.

«Ванадис»

— Ты здесь не служишь, верно?

— Я живу здесь, господин.

— Дочь служанки?

— Мой отец Ньрд привез меня с собой.

— Вот как. Я мог бы поклясться, что ты всего лишь симпатичная служанка, которая собирает яблоки в саду. А теперь не знаю, что и думать.

— А вы, мой господин?

— Не нужно так меня называть. Я Йормунганд, сын Лодура и Ангаборды. Ты сидела рядом с моей сестрой на пиру.

— Она великанша?

— Кто? Сестра?

— Ваша мать. Говорят, она великанша.

— Она высокая, но не великанша. Нет.

— Простите.

— Посмотри на меня еще раз, Ванадис.

Она вновь глянула на него своими золотым глазами. И на этот раз не отвела взгляд.

— Ты ведь старше чем кажешься, верно? Старше меня. Что за игры? Ты специально ждала меня?

— Неправда, мой господин, — сказала она голосом чуть более глубоким, — я ждала кого-нибудь, кто помог бы мне с корзиной. Возьмите еще яблочко, — она протянула ему яблоко желтое с золотистыми боками, — Скушайте его в свое здоровье, — сказала она улыбаясь.

Зачарованный Йормунганд откусил кусочек, не чувствуя вкуса.

— Ты как будто из мёда и света, Ванадис, — сказал он.

Она подмигнула и отвернулась, взяв у него свою корзину. Наваждение исчезло. Йормунганд стоял один в коридоре перед кухней, держа в руке надкушенное яблоко. Дядя прав, подумал он, женщины здесь опасные ведьмы. Одна хуже другой. Остатки сна окончательно выветрились, и он решил навестить сестру, просто поглядеть, как она там.

В дверь Йормунганд тактично постучал и когда никто не ответил, вошел. Пришлось зажмуриться от ударившего света в глаза. Хель не задернула занавески перед сном, и теперь яркий теплый солнечный свет заливал ее комнату, до слепоты выбеливал постельное белье и

небрежно брошенное на высокую спинку стула полотенце. На полу зеленым комком лежало сброшенное Хель платье, сверху его придавливал сапожок. Второй выглядывал из-под кровати. И ярким пятном поверх дорожного сундука лежал светло-сиреневый, струящийся каскадом атласной ткани, новый наряд.

Хель лежала на постели, завернувшись в кокон из одеяла. Развалившись поперек кровати, посапывал Фенрир. Он даже не стал толком раздеваться, так и остался в помятой праздничной рубашке.

— Принеси попить, — попросила Хель, приоткрыв опухшие глаза. Кувшин с водой и пару кружек предусмотрительно поставили рядом с кроватью. Но Хель не могла до них дотянуться.

— Болееешь? — спросил он, поднося кружку с водой

— Нет, мне просто плохо. Проклятое вино.

— Давно я тебя такой не видел.

Она сделала вид, что хочет ударить его подушкой, он аккуратно увернулся, стараясь не расплескать воду.

— Завидую я твоему здоровью, — сказала Хель. — Как Фенрир?

— Спит. Он опять прибежал к тебе ночью как маленький.

— Зато ничего не натворит без присмотра. Мать нам голову снимет, если с ним что-то случится.

— Знаю, знаю. Слушай, Хель...

— Дааа?

— Ты ничего необычного не заметила? Необычнее всего остального в этом замке?

— Например?

— Не знаю. Что-нибудь. Бальдер вчера намекнул на какое-то пророчество и нехорошие сны про нас троих.

— Что?! Опять какая-то выжившая из ума старуха предсказала, что мы станем концом всему сущему? — Хель в негодовании приподнялась на подушках и тут же упала обратно.

— Вероятно, — сказал Йормунганд. — Я не знаю.

— Мне никто ничего такого не говорил. И кто это — Бальдер?

— Один из сыновей Альфедра. Он просит меня наложить проклятие на одного певуна, тогда он все расскажет.

— Врёт.

— Я тоже так подумал.

— Ндааа, придется вести себя хорошо, иначе решат, что мы и вправду зло во плоти. Даже если этот Бальдер сказал правду, это ничего не значит, пока мы ведем себя осторожно и не представляем угрозы. Хотя бы явной. Хотя бы до поры до времени. Ох, Лунолика, как нехорошо.

— До встречи, сестра.

Хель потянулась к брату и поцеловала в щеку.

— До встречи, — сказала она. — Ты будешь участвовать в состязаниях?

— Еще не хватало, — ответил Йормунганд, — но я посмотрю.

— Я тоже.

Фригга беспокойно поглядывала в небо. Если пойдет дождь, то состязания придется отменить.

Она выбрала зеленое с вышивкой по подолу платье. Фулла помогла ей одеться и поднесла шкатулку с украшениями. Фригга долго перебирала кольца тонкой работы и ожерелья из самоцветов и драгоценных камней. Фулла молча стояла рядом, пока Фригга прикладывала к лицу то одну драгоценность, то другую.

— Как ты думаешь, — спросила Фригга, не глядя на сестру, — янтарь или золото?

— Янтарь, госпожа, будет чудесно смотреться на вашей коже. И господин будет рад, что вы носите его подарок. Фригга улыбнулась и выбрала ожерелье из зеленого стекла в несколько ниток. Подарок дорогого побратима Альфедра — Лодура. Это маленькое напоминание ее супругу о дорогом побратиме. И его детках.

— Ты видела их платья, Фулла? — спросила она.

— Чьи, госпожа?

— Анборды и ее дочери, разумеется. Шерсть с меховой отделкой. Больше похоже на шубы.

— В Ирмунсуле такие платья считаются красивыми, госпожа.

— Знаю-знаю. Платья севера выглядят необычно. Ее дочь дикарка, как и мать, а мальчики недурны. Особенно младший, ерошится как волчонок.

— Вашему супругу он тоже пришелся по душе.

— Неужели? А что думаешь ты?

— Старший очень похож на отца.

— Я заметила.

— Девочка умна и расчетлива, а Фенрир — еще дитя.

— Все верно. Причеши меня. Не могу же я показаться неряхой.

— Вы не можете выглядеть неряхой, госпожа.

— Ты добра ко мне.

Фулла взяла гребень, провела по зубьям своим пухлым пальчиком.

— Я стараюсь, госпожа.

Выпрямив спину, Фригга в зеркало наблюдала, как младшая сестра-служанка, закусив губу, заплетает ей толстые седые косы.

Йормунганд не хотел, но все равно то и дело поглядывал на новую отцовскую жену. Сигюн моложе его матери, этого у нее не отнимешь. Волосы такие же светлые, изящные руки, тонкие запястья, лицо сердечком. Миловидная. Она стояла рядом с другой дамой, одетой, как и они в меховую одежду северян. Но лицо северянки Йормунганду незнакомо. Старая, глаза спрятались среди морщин, острый нос торчит между щек.

Усилием воли Йормунганд отвернулся. Он стоял в тени раскидистого дерева, спрятавшись от докучливых взглядов и зноя. К брату сзади неслышно подошли Хель с Фенриром. Хель оделась по-мужски — в короткий кафтан с капюшоном небесно-голубого цвета, сочетающийся с синими плащами братьев. Предложенное ей платье Фригг было отвергнуто.

Хотя мать сказала, что здесь безопасно, Хель все равно старалась держать младшего брата рядом. Фенрир глазел по сторонам и жаловался на жару.

На поле для состязаний понемногу собирались люди. Праздно шатались, мешали делать последние приготовления к празднику, некоторые присматривались к лучникам и делали ставки у хилого крикливого старика. Фенрир поглядывал на старика с интересом и подсчитывал мелкие монеты в ладошке.

— Жарко, — сказал он в который раз.

— Его скулеж невыносим, — сказала Хель.

— Потерпи, — сказал Йормунганд. — Как только начнется, малыш забудет обо всем.

— Ты видел мать?

— Мельком. Сказала, что Фригга пригласила ее на совместную прогулку после состязаний. Сейчас они на почетных местах, прячутся от жары под навесом.

— Жара не самое страшное. Насекомые... даже в помещениях есть насекомые, Йормун!

— Ты ноешь как Фенрир.

— Смотри, — сестра взяла Йормунганда за рукав, — это Этельгерт. Он пел вчера на пиру.

Мимо прошел тонколицый мужичок. Заметив Хель, он с улыбкой коснулся полы шляпы. Не смотря на нежные черты лица, сам Этельгерт круглый и лоснящийся как засаленный ворсистый шар. Йормунганду он не понравился, казалось, что от мужичонки тянет чем-то неприятным, вроде слежавшегося меха или старых тряпок. Одет Этельгерт, однако, шикарно. На шляпе красуется раскрашенное перо, ноги обуты в ярко-красные щегольские сапоги, на плечах небрежно распахнутый кафтан с вышивкой. Йормунганд не мог вспомнить, тот ли это скальд, что вчера так нравился дамам. Тот ему показался выше.

— А в гульфик он, должно быть, подкладывает тряпочку, — фыркнул Йормунганд, едва Этельгерт удалился.

Хель шутливо шлепнула брата ладошкой.

— Хорошо пел? — спросил Йормунганд, размышляя, почему Этельгерт носит шляпу с пером, а не с бубенчиками.

— Замечательно! — глаза Хель заблестели. — Он все время смотрел на меня.

— Ох.

— И голос у него сладкий-сладкий.

— А ручонки, наверное, липкие-липкие, — Йормунганд пошевелил пальцами, изображая паучьи лапки.

Хель опять шлепнула брата по руке, на этот раз сильнее.

— Твоя сестра уже взрослая.

«И глупая» подумал Йормунганд.

— У этого Этельгерта есть недоброжелатели, — сказал он.

— Что? — Хель удивилась так, будто никто в целом мире не мог иметь зуб на понравившегося ей скальда.

— Меня попросили наложить на него проклятие.

— Кто?

— Не скажу, — он ухмыльнулся.

— Какая-нибудь ведьма. Признавайся, что за ведьма тебя просила! — Хель сжала руки в кулачки.

— Он и вправду тебе нравится?

— Нет... не то чтобы... но... — Хель застенчиво улыбнулась и пожала плечом.

— О, Луноликая, — Йормунганд закатил глаза.

На этот раз Хель наступила ему на ногу.

— Ты оставишь меня калекой, сестренка.

— Так тебе и надо. Кто это был?

— Бальдер, тот мальчик, что сидел возле меня на пиру.

— Пфф, тот уродец.

— Вот как? Я думал, девушкам такие нравятся, кровь с молоком, плечи в воротах застрянут, — Йормунганд дразнил сестру.

— Как и пузо, — ответила она. Хель все-таки рассмотрела и запомнила Бальдера.

— Он говорит, что тоже поет. Может и недурно.

— Вот еще.

Йормунганд засмеялся.

— Ты отказался, конечно же? — строго сказала Хель.

— Конечно.

— И откажешься, если он опять попросит?

— Откажусь. Я же не дурак, вот так ввязываться.

— Ты мой самый умный братец.

— Фенрир еще не вырос, — Йормунганд подмигнул, — вот вырастет и заткнет меня за пояс. Верно, Фенрир?

Улыбка Йормунганда медленно погасла.

— А где Фенрир?

Хель побледнела и принялась озираться.

Пока они болтали в тени, их младший брат убежал.

На большом поле слуги накрывали столы и откупоривали бочки с пивом. Огораживали места состязаний, натягивали веревки между торчащими из земли разноцветными кольшками. Рядом прохаживались участники состязаний. Лучники собрались отдельной группкой и по очереди примеривались к мишеням. Со столов вкусно пахло яблочным сидром и булочками. Фенрир проглотил слюну. Он уцепил за подол пробегающую служанку

и выхватил яблоко из прижатой к ее груди корзинки

Служанка лишь хихикнула и побежала дальше.

Никто не обращал на него внимания, Фенрир лишь успевал уворачиваться, чтоб его не снесли спешащие по своим делам взрослые. И с каждой минутой разочарование становилось все сильнее. Здесь много людей, сладостей и разных диковин, но не происходит ничего замечательного. В Ирмунсуле подобные состязания проходили каждый год, осенью, потом праздновали свадьбы. Во время состязаний женщины сновали туда-сюда, иногда дело доходило до драк, когда женщины начинали свары о победителях еще до начала состязаний. Фенрир мог неспешно ходить между ними или даже гарцевать на своем новом скакуне, и перед ним все почтительно расступались бы, кому ж охота попасть под копыта, совали в руки сладости, а девчонки заигрывали. Йормунганд думал, что младший брат еще мал для девочек, но у Фенрира есть своё мнение. Просто старшему перепало больше внимания, даже мама и сестра его баловали, думал Фенрир. Йормун сам как девчонка и колдун к тому же. А Фенрира интересовали охота, драки и шалости. Дядя не раз просил Ангаборду отдать ему малыша на воспитание, чтобы вырастить настоящего воина, на Йормунганда Гримунд давно махнул рукой. Но Ангаборда не хотела расставаться с младшим сыном и, к тому же, боялась, что брат настроит Фенрира против Йормуна.

— Эй, малый! — услышал он, но не обратил внимания, пока чья-то крепкая рука не ухватила его за загривок. Фенрир стремительно крутанулся.

— Эй, малый? — повторил незнакомец. У теплых карих глаз разбегались морщинки, а виски инеем серебрила седина, но вместе с тем вид он имел моложавый и добродушный. Бороды не было, над губой широкой щеточкой торчали усы. Одежда, раньше дорогая и добротная, выцвела и местами прохудилась.

— Чего тебе, старик? — Фенрир дернулся. От рывка мужчина пошатнулся и плюхнулся на одно колено, но мальчишку не выпустил, только вцепился сильнее.

— Чего тебе надо? — Фенрир рванулся еще раз, затрещала ткань, и мужчина разжал руку, так что Фенрир сделал пару неверных шагов назад, чтоб не упасть.

— Я Гарриетт, — представился мужчина, — Гарриетт из Гардарики.

— Чего тебе надо, Гарриетт? — в третий раз спросил Фенрир, — Чего ты вцепился в меня как клещ в ухо?

— Не обижайся на меня, не ожидал такой силы от подростка, вот и... по-дурацки вышло.

Фенрир вздохнул и произнес медленно и четко:

— Чего тебе от меня надо?

— Я... я первый раз здесь, может, подскажешь, как отыскать шатры жриц?

— Я здесь тоже в первый раз, — угрюмо сказал Фенрир, поправляя одежду, — потому не знаю, и не видел шатров Луноликой. Наверное, они на юго-востоке, где и всегда.

— У нас нет культа Луноликой, спасибо за разъяснения... господин...

— Я Фенрир из Ирмунсуля, — Фенрир выпрямился и глянул надменно, как брат, когда корчил из себя главу семейства, — А Гардарика это где?

Гарриетт посмотрел себе под ноги и задумчиво произнес:

— Хм... далеко. Можно сказать, на краю света.

— А зачем тебе жрицы, если в вашей Гардарике нет присутствия Луноликой? А во что вы верите? Солнцу молитесь или грозе?

— Заговорить болячку. У нас есть знахарки для таких дел, — сказал Гарриетт, —

думаю, что жрицы вроде знахарок, только гонору в них больше. А молимся мы и грозе и солнцу, и небесному дракону. Бабе только бабы молятся.

Фенрир хохотнул,

— Такого лучше не говорить. Не знаю здешние порядки, но в Ирмунсуле ты бы огреб. Так и быть, я пройду с тобой до палаток жриц, а то еще натворишь чего-нибудь не то. Только не делай больше ничего дурацкого.

— Конечно, — сказал Гарриетт, — Буду обязан.

Фенрир повертел головой, потом задрал лицо к небу.

— Юго-восток там, — сказал Гарриетт и показал направление.

— Ага, — важно ответил Фенрир, и они отправились разыскивать жреческие палатки.

Празднества проводились в Гладсшейне чаще, чем раз в год. Пока князь был молод и жаден до завоеваний, он беспрестанно путешествовал по своим землям, лишь изредка заглядывал домой, навестить скучавшую в одиночестве супругу. Сначала он любил воевать, потом Альфедр полюбил выпивать с теми, с кем воевал. И теперь страх и ужас на врагов наводили лишь его бывшие победы и старший из бастардов — Йорд.

Фригга не любила Йорда, даже не потому, что он сын ее мужа. А потому, что походил на Альфедра больше, чем ее сыновья. Что не мешало обращаться за его помощью, когда понадобится. О вражде Йорда и Фригги знали все, даже песни пели и смешные истории рассказывали.

При муже ли или в его отсутствие, Фригга родила ему четверых детей. Ее подозревали в связи с братьями Альфедра, и однажды, в одно из возвращений Альфедра они просто исчезли. Похоронены ли под раскидистым деревом или собрали свои пожитки и умотали в дальние края от родственного гнева — неизвестно. Фригга не горевала.

Альфедр отлучался все реже и реже, но стены Гладсшейна тяготили его. Фригга устраивала празднества, и правители окрестных земель сами стекались теперь ко двору князя, принося с собой деньги, людей и процветание Гладсшейну и окрестным землям. Торговля шла бойко. Центр городка богател, а по краям обрастал хижинами бедняков и ремесленными мастерскими.

Праздник в честь объявления помолвки Ньрда и Ангаборды казался одним из череды обычных пиров, лишь ради развлечения стареющего и скучающего князя.

Фригга появилась на состязаниях в темно-зеленом платье, которое могло поспорить по глубине и насыщенности цвета с платьем Сигюн. Фригга не питала иллюзий, что сможет затмить красотой молодую жену Лодура, но все-таки попыталась сделать это. Волосы поддерживал черепаховый гребень, а на руках и шее красовались многочисленные витые цепочки и браслеты из красного и желтого золота.

Ангаборда, как и ее дочь, пренебрегла щедрым подарком Фригги, и пришла в той же одежде, в которой была и вчера. Ее платье с лисьей отделкой, помялось, так что Ангаборда то и дело одергивала его, чтоб не так заметны стали складки. Фригга такого поведения решительно не принимала. Похоже, думала она, у северных варваров совершенно нет чувства прекрасного и желания соответствовать обстановке. Ангаборда своим мнением не делилась. Служанка с утра сходила на базар и купила для госпожи изящный веер из сандалового дерева. На тонких планках из душистого дерева нарисованные лисицы охотились на зайца. Ангаборда не выпускала веер из рук.

— Не понимаю только одного, — сказала Фригга, перекладывая пышный веер из

позолоченных перьев из руки в руку, — как такая женщина как ты умудрилась связать жизнь с Лодуром?

Ангаборда прикусила губу,

— Что удивительного? Я не одна польстилась на его веселый нрав. Да и в те времена, — Ангаборда вздохнула, — Лодур был хорош собой. А как умел смешить меня! Сейчас-то он, верно, постарел, погрузнел. Облысел.

— Ничуть не бывало, — сказала Фригга с досадой. — Все так же статен и все такой же смешливый. Мужчин года только красят, не то, что нас.

— Вот как.

— Нет ли в тебе сожаления, что так скоро согласилась выйти за Ньрда?

— Я надеюсь, что Ньрд станет отцом Йормуну.

— Йормунганду? Он уже взрослый мальчик.

Ангаборда поморщилась.

— Ты же знаешь, Фригга, что сыновьям нужен отец. У Фенрира и Хель вместо него был Йормун, поэтому он такой... такой, какой есть. А у Йормуна была только я.

— Он не помнит Лодура?

— Он считает, что помнит, но не поручусь.

Фригга понимающе кивнула.

— Дело не в союзе с Ирмунсулем, верно? — сказала Ангаборда.

— Почему ты так решила, милая?

— Предчувствие.

Йормунганд расталкивал людей рядом со столами с питьем и угощением. Если бы ему было одиннадцать лет, думал он, и он был бы Фенриром, то, прежде всего, пошел бы сюда, к вкусным запахам и прохладному сидру. Но Фенрира нигде не было. Йормунганд попробовал спрашивать толкущихся рядом людей, но гости Альфедра отворачивались, слуги отрицательно качали головами, а служанки его пугались. Йормунганд сообразил, что мог попросить своих людей, тот небольшой отряд, приехавший с ними, но тогда мать узнает, что он не уследил за младшим братом. Да и Хильд, командир отряда, не очень хорошо понимал здешний язык. Он бы только пугал местных, но ничего бы не выяснил.

Ни Йормунганд, ни Хель пальцем бы не пошевелили, если бы Фенрир удрал в Ирмунсуле. Там каждый знал их шкодливого братца. За короткий срок Фенрир умудрялся создать неразбериху на ровном месте. Опрокинуть тележку с рыбой ради того, чтоб узнать, правда ли, что свежая рыба лежит только наверху, а снизу она вся гнилая. Украсть жеребенка «всего лишь покататься». Разрисовать охряной краской белоснежные покрывала жриц прямо перед церемонией. Йормунганду за такое шкуру бы спустили, но Фенриру мать прощала, а от старшего брата Фенрир получал разве что подзатыльник. А Хель и вовсе баловала малыша.

Однажды, когда Фенрир был еще совсем маленький, на озере возле их дома поселились тролли. Мелкие зубастые существа задирали мелкую скотину, собак и оставленных без присмотра детей. Хель пришла домой в слезах и с пятнами рвоты на подоле, когда обнаружила тело трехлетнего сына служанки во дворе. Фенрира она не отпускала от себя ни на шаг. Характер у него уже тогда был не сахар, но она терпела. Служанкам не доверяла, памятуя о том, что одна из них не доглядела за собственным сыном. Хель побледнела и осунулась, Ангаборда назначила награду за голову каждого тролля, а Йормунганд все искал

способы извести пакостников. Он ставил ловушки и рисовал защитные руны, но полностью избавиться от напасти не удавалось.

И все было вроде как всегда, солнце светило, трава зеленела, мухи кусались, только дети больше не играли возле ручейков, стих собачий лай во дворах, а пастухи и владельцы отар ходили мрачные и хмурые. И Хель обнимала тонкими ручонками младшего брата, будто и правда могла защитить от мерзких плотоядных существ.

Через три недели Йормунганд нашел своего пса с дырой в брюхе и выпотрошенным. Он лежал с оскаленными зубами, пялясь остекленевшим глазом в серое небо. В животе псины зияла дыра. Йормунганд понял, что его потрошили еще до того, как он успел околеть. Наверное, подобное видела и Хель.

Собирался дождь. Йормунганд вышел к озеру и проверил ловушки. Попалось несколько грызунов. Один был еще жив. Йормунганд взял его за голову так, что тот не мог его укусить, уперся ногами и потянул. Тролль коротко и отчаянно заверещал, потом крикнул, в шее тролля хрустнуло, и голова поддалась. Йормунганд взял ее за ухо, челюсть тролля съехала вбок, как в ухмылке, вынес на вытянутой руке к каменному выступу над озером. Заготовленная палка валялась там, где он ее оставил. Заостренное с двух сторон маленькое копье. Йормунганд воткнул палку в землю и нахлобучил сверху голову тролля. Сына Ангаборды никто не учил этому, но он знал, как нужно поступить.

Рядом с воткнутой палкой он начертил руны складывающиеся в стих, а стих складывался в проклятие. Йормунганд подумал обо всех этих мелких зубастых тварях сидящих сейчас в темноте, думающих только о голоде и убийстве. Он и сам уже чувствовал, что неплохо было бы поесть, но воспоминание о выпотрошенной собаке отбило у него аппетит.

Через голову Йормунганд стащил с себя испачканную в крови тролля одежду, и завернулся от холода только в синий шерстяной плащ, который соткала для него сестра длинными, зимними вечерами. Глядя в расширенные немигающие желтые глаза, вспомнил о собаке, представил на ее месте маленького Фенрира и всей душой пожелал поганым троллям всяческого зла.

Из- за зловонных маленьких трупиков в озере передохла почти вся рыба. Хель подарила Йормунганду подвеску одновременно и благодарность и предостережение. Йормунганд носил ее не снимая, постоянно чувствуя холодящее напоминание о собственной силе.

Через пару дней приехал дядя Гримунд поздравить со счастливым избавлением от напасти. Тогда- то Йормунганд и сказал ему, что воином ему не стать, слишком он брезглив к смерти. Дядя лишь пожал плечами и сказал, что тогда он сожалеет, что Хель не родилась мальчиком, а Йормун — девицей. Йормунганд согласился с ним, чем сильно разозлил дядю. Йормунганду тогда едва исполнилось десять, и он многого не знал.

Опасность ушла, но привычка приглядывать за братом осталась.

В Ирмунсуле Йормунганд нашел бы его за пару минут. Но колдовать в Гладсшейне он не решался, тем более, что ведунов тут не жаловали. Тем более детей Лодура. Бальдер мог и солгать на счет его отца, а мог сказать правду. Йормунганд еще помнил, какой тишиной встретили его семью на вчерашнем пиру.

Но если он мог бы найти брата с помощью колдовства, то и другие, кто может колдовать, тоже смогут.

Йормунганд не глядя поймал за рукав бородатого крепыша. Явно из рода Альфедра.

— Где тут жрицы? — спросил он без лишних любезностей.

— На юго-востоке, как и всегда, — ответил тот сварливо и махнул в сторону шатров, которые Йормунганд и сам уже разглядел.

— Благодарю, — сказал Йормунганд и выпустил рукав.

Крепыш только плечом дернул.

— Что ему нужно, Йорд? — к крепышу подошла златокудрая Сиф.

— Спрашивал, где найти жриц.

— Это ведь щенок Лодура, верно?

— Похож, будто с самым помолодевшим Лодуром столкнулся. И торопится, стремительный, как и он.

— Будь с ним настороже.

Йорд пожал плечами.

— Надо ли? Я не боюсь старого шутника, с чего беспокоиться о его помете.

— Будь настороже, — Сиф откинула золотую прядку упавшую ей на лицо. — Ванадис очень внимательна к нему.

— Это ее дело.

Палатки жриц отличались от тех, что ставили adeptки Луноликой в Ирмунсуле. В Ирмунсуле практически все принадлежавшее Луноликой отличала белизна. Одежда, ткани, даже лица под косынками цвета горных вершин — бледные и холодные как лед. Кроме того случая, когда Фенрир раскрасил жреческие покрывала алыми пятнами и разводами. Здесь же ему пришлось бы постараться, чтоб его творчество заметили на выразительных разводах и кричащих красках обиталища жриц. Йормунганд застыл на мгновение, не в силах поверить в такое богохульство. К нему навстречу вышла молодая ученица, завернутая в серую хламиду, будто в саван, сверху ее украшало розовое покрывало с нарисованными по краям незабудками. Девочка выглядела нездоровой. Возможно, такое впечатление складывалось из-за оттенявшего ее лицо серого платья, а, может быть, ей и правда было нехорошо. Йормунганд обратил внимание на руки девочки — желтые ногти с неровными краями. В Ирмунсуле жрицы, лишённые возможностью соперничать богатством или роскошью наряда, все силы вкладывали в украшение причесок, или, если и это оказывалось невозможным — ногтей. Йормунганд мог подолгу любоваться изящным искусством росписи на ногтях. Под тонкой кисточкой мастера рождались невероятные узоры, смешивались цвета и превращались в мимолетное произведение искусства, что пропадет всего через неделю-другую.

Йормунганд подошел к девочке и едва успел поприветствовать, как та не по-детски серьезным, но все равно тонким голосом произнесла:

— Хранительница просит передать вам, что ваш брат у нее на попечении. Что она не может принять вас, и что, пусть ей и нет нужды объясняться, она готовится к ритуалу недоступному жрицам в ваших землях.

Йормунганд чуть нахмурился.

— Мой брат у нее?

Девочка кивнула и повернулась уйти.

— Стой, я могу забрать его?

Девочка остановилась, бросила на него хитрый взгляд и сказала:

— К нам редко заходят такие милые мальчики. Оставь его ненадолго. Джо начала ритуала.

Теперь Йормунганд по-настоящему встревожился.

— Послушай, отдайте Фенрира немедленно, или...

— Нашлешь на нас проклятие?

— Да, — сказал Йормунганд прежде, чем подумал.

Девочка скорчила лицо, будто сама мысль о проклятии Йормунганда ей неприятна и смешна одновременно.

— Хорошо, подожди здесь. Твой брат скоро выйдет.

Она скрылась за разноцветным полотнищем входа в шатер.

— Йормун!

Йормунганд обернулся на голос сестры. Хель спешила к нему, держась за руку с Этельгертом, тем самым скальдом, который так не нравился Бальдеру.

— Айе! — сказал Йормунганд не приветливо.

— Айе! — чуть помедлив, приветствовал его Этельгерт.

Хель смущенно вынула свою руку из руки скальда. Йормунганд заметил, как скальд сжал при этом пальцы.

— Ты нашел Фенрира? — спросил Хель, — Этельгерт видел его.

— Да, он здесь.

Как будто в подтверждение его слов из-за полога шатра появился сонный зевающий Фенрир. Положив руку на плечо мальчика, позади Фенрира шел Тиу. За ним следовал человек, которого Йормунганд не знал. Человек явно не из этих земель и не с севера, однако одет также тепло не по погоде, как и Йормунганд с Хель.

Фенрир прижимал свой свернутый плащ к груди и, насупившись, остановился перед старшим братом.

— Фенрир, — сказал Йормунганд спокойно, — что случилось?

— Ничего, — ответил за него Тиу.

— Он перегрелся, — сказал молчавший до того мужчина. Он хотел добавить еще что-то, но передумал.

— Фенрир, — мягко позвал Йормунганд.

— Отстань. Спать хочу. Жарко.

Йормунганд беспомощно оглянулся на Хель. Та чуть заметно пожала плечами.

— Ему надо прилечь, — сказал Йормунганд, — А потом мы с ним поговорим, — он бросил на Фенрира грозный взгляд. Не распекать же младшего при посторонних, да и вид у Фенрира и правда неважный.

— Я помогу его отнести, — сказал Тиу.

Йормунганд взвалил сонного брата на плечо. Тиу поднял оброненный Фенриром плащ.

— Жарко, — проскулил Фенрир.

— Вот задам я тебе, — пообещал Йормунганд.

Хель обеспокоенно прикоснулась к младшему.

— Ему плохо, — сказала она, — Пойдем уже.

Тиу разгонял людей перед Йормунгандом, Йормунганд тащил брата как мешок с мукой. Хель шла рядом, смущенно уставившись в землю. Этельгерт степенно следовал за нею. Фенрир не подозревал, что ради того, чтоб уложить его в постель, собралась целая процессия. Люди провожали их любопытными взглядами.

— Стыдоба, — сказала Хель.

Йормунганд поморщился,

— Он всего лишь ребенок, — сказал он, — Тут нечего стыдиться. Когда у тебя будут свои дети...

Хель глубоко вздохнула. Этельгерт криво улыбнулся.

— Господин Этельгерт, — сказал Йормунганд, — Сегодня вы опять будете услаждать наш слух своими балладами? Вчера вы произвели впечатление на мою сестру.

— А на вас, мой господин?

— Было шумно. Один пьяный гомон не отличить от другого.

Хель испепелила его взглядом. Йормунганд восхитился, настолько она сейчас походила на мать. Ее выражение лица, осанка. Если бы сестра всегда оставалась такой.

— Уверен, что если вы послушаете, то вам понравится. Я сочиню песню специально для вас. У вас же уже есть подобающие подвиги? — Этельгерт почти заискивал.

— Смотря, что считать подобающим, — ответил Йормунганд, отводя взгляд от сестры. Он поудобнее перехватил Фенрира. — У вас баллады про то, как кто кого обманул, или поимел, или про то и другое. Вряд ли я хотел бы стать ее героем. Если вы не владеете даром врачевания, то...

— Понял, не тревожу вас более, — сказал Этельгерт. Тонкие губы изогнулись в улыбке, но взгляд остался недобрый. Хель беспомощно посмотрела на брата. Тот едва заметно пожал свободным плечом. Хель просияла и вновь ухватила Этельгерта за руку. Теперь она походила на саму себя лет пять назад, юную и наивную. Этельгерт увлек Хель за собой.

— Есть в нем что-то противное, — вполголоса сказал Йормунганд Тиу. — Чем он только ей нравится?

— Что? — переспросил Тиу. На поле для стрельбы уже натягивали луки, гудела тетива, летели стрелы. Толпа шумела. Громко блеял призовой баран. Для лучников познатнее предусмотрен другой приз, им одаривала жена самого Альфедра.

— Этот Этельгерт, — сказал Йормунганд, — кто он?

— Скальд, — пожал плечами Тиу, — Не очень хороший, здесь Бальдер прав, но он умеет угодить матери. Я бы с ним за один стол не сел, но он знает почти все обо всех. И прости за совет, но я бы предостерег тебя связываться с ним, он мстителен и злопамятен. И сестру держи от него подальше.

— Охоч до женщин?

— Он до всех охоч, если ты понимаешь.

— Ясно. Значит, Бальдер не зря его ненавидит.

— Бальдер его ненавидит? Да он за Этельгертом хвостом ходил..., - Тиу нахмурился, потом тряхнул головой, будто отгоняя непрошенные мысли.

— Нет, нет, — произнес он про себя, — нет.

Йормунганд наблюдал за ним краем глаза. Хель не дура, но может дать себя одурачить, думал он.

— Кстати, о женщинах. Я могу тебя поздравить, — сказал Тиу. Йормунганд чуть замедлил шаг. Фенрир отозвался слабым стоном.

— С чем?

— Все уже знают, что в скором времени твоя мать и Ньрд соединятся узами брака.

— Тогда поздравлять следует мою мать и Ньрда.

— Твоя мама рада, что выходит замуж?

— Я не знаю. Я не читаю ее мысли.

— Она вам ничего не говорила?

— Мне — нет.

Тиу выглядел озадаченным.

Лестница наверх показалась Йормунганду длиннее обычного. Тиу взял у него обмякшего в забытье Фенрира и донес его до комнаты сам. Йормунганд позвал служанку присмотреть за ребенком. Пока дожидался ее прихода, смочил полотенце и положил Фенриру на лоб. Вода в рукомойнике уже согрелась с утра, пришлось обойтись пока ей. Фенрир застонал, в уголке губ влажно выступила слюна. Йормунганд нахмурился, принялся стаскивать с младшего брата чересчур теплые вещи.

— Я должен поблагодарить тебя, — сказал Йормунганд Тиу, — за помощь. Кроме тебя больше никто не изъявил желания помочь. Я не просто чужой здесь, меня чураются.

— После свадьбы будет легче, — сказал Тиу, присаживаясь на другой край кровати, — Вы станете родней Ньрду, а его здесь уважают. Да и наша с Бальдрем дружба чего-то стоит.

Скрипнула дверь, в комнату осторожно вошла служанка, которая обычно помогала Хель. Засуетилась, забормотала по-ирмунсульски, отгоняя злых духов и охая.

— Сомневаюсь, что свадьба что-то изменит, — Йормунганд посмотрел Тиу в глаза, — Что такого натворил наш отец? — ему пришлось встать, чтобы девушка могла помочь Фенриру. Тиу тоже встал, почти виновато отвел взгляд.

— Дело не в нем.

— Вот как.

— Ты вроде хороший человек, Йормунганд, только очень похож на своего отца.

— И что с того?

Тиу вздохнул, взъерошил светлые волосы.

Сквозь задернутые занавеси едва пробивался луч света и поднятые плащами пылинки вихрем кружили по спирали. Пахло гвоздикой и пудрой. Рядом с кроватью, поджав ноги, сидела молоденькая служанка в заляпанном платье и то трогала Фенриру лоб, то поправляла накинутое на него легкое одеяло. Фенрир шевельнулся, попытался перевернуться на бок и затих.

— Наш отец, Альфедр, очень серьезно относится ко всяким предзнаменованиям, гаданиям и всему такому. Он умеет колдовать, всякий знает, что он умеет. Как и Лодур, твой отец. В общем, они поссорились. Они и раньше ссорились, только на этот раз все серьезней. И Альфедр что-то сказал твоему отцу, что-то про то, что тот делает детей чужим женам, но не своей.

Йормунганд поднял бровь.

— И это было неправильно. Потому что и у Лодура есть дети кроме вас. Но он просто рассвирепел тогда, и сказал, что у него в Ирмунсуле есть семья, и что его дети смогут отомстить за него, если что.

— Вот как.

— Альфедр лишь посмеялся. А потом кто-то из жриц, может даже Ванадис, напела ему, что дети Лодура и правда могут отомстить, и что старший из них убьет любимого Альфедрова сына. Никто не удивился бы, если бы ты и в самом деле убил Йорда в один из его северных походов.

Йормунганд фыркнул.

— Мы доставляем неприятности, когда вы приходите на наши земли. Как необычно.

— И отец решил вас позвать, посмотреть, насколько вы опасны.

— И что?

— Вы неопасны, — Тиу снова пожал плечами. — У вас нет ни армии, ни каких-то особых способностей. Единственное — вы похожи на своего отца, только и всего.

— Значит, все хорошо?

— Кажется, этой женитьбой отец берет вас в заложники.

— А смысл? У него уже есть Сигюн, новая жена Лодура.

— Она его жена, но это не значит, что она по-настоящему ценна для него. Он для нее — да. А как Лодур к ней относится — неизвестно. Он же еще тот волокита, хуже Этельгерта. Только не такой... извращенный.

— Если от нас может исходить угроза, почему нас просто не убили?

— Наверное, на вас хотели посмотреть и увидели, что угрозы-то нет. А убивать налево и направо детей побратимов как-то не по-людски. Наверное, потому вы и живы. Хотя не могу поручиться, что там на самом деле в голове у отца.

— Хорошо, я понял, зачем мы здесь, но почему они все, — Йормунганд неопределенно махнул рукой, как бы указывая на всех людей, — ненавидят нас?

— Наверное, ждут шуточек, как от Лодура. Обрезание волос по ночам, змеи в постелях.

— Что за чушь?!

— У твоего отца грубоватое чувство юмора. Его недолюбливают даже те, кому он не враг. Не пойми неправильно, Лодур неплохой человек, то есть, наверное, не такой уж плохой, но своими кознями насолил многим. И язык у него как помело. Прости мои слова, но так и есть.

Тиу бросил быстрый взгляд на служанку.

— Она ничего не понимает, — сказал Йормунганд.

— Положи ему на лоб что-нибудь холодное. Раздобудь льда на кухне, — сказал он служанке на ирмунсульском.

Тиу опять вздохнул.

— Началось, — сказал он. За окном и правда стало шумно. Тиу отодвинул занавесь.

— Дочери Луноликой сообщили вчера, что состязания пройдут успешно и что любящие сердца найдут друг друга. Скорее всего, весть о свадьбе Ньрда будет сказана, вот, уже сейчас. Пришлось забить двух баранов, прежде чем Дочери сообразили, чего от них хотят.

— А что сообщили кишки первого барана?

— А шут его знает.

Хель держала Этельгерта за руку. Ей нравилось его благородное лицо, гладкая кожа, темные с легкой сединой волосы собранные назад в тугой длинный хвост. Ей нравились его светлые, обрамленные темными ресницами глаза. Когда Этельгерт улыбался, возле глаз разбегались мелкие лучистые морщинки. И голос — нежный бархатистый голос. Она и представить не могла, что на нее обратит внимание такой мужчина.

И не важно, что остальные ее сторонились, хоть и заглядывались липкими взглядами. Хель привыкла не обращать внимания на мнение людей. Как говорила ей мать, не люди будут решать за нее как ей жить и с кем жить. К тому же, мужа, так или иначе, ей все равно найдут. Даже матери нашли, хоть она и не просила.

Беспокойство за Фенрира улеглось, раз Йормунганд с ним, так что можно насладиться и состязаниями.

— А вы участвуете, — спросила она Этельгерта, — в стрельбище или кулачных боях?

— Я собираюсь перепить Хеда на вечернем пиру, — Этельгерт был на удивление

серьезен. — И на этот раз я одолею старого слепого хрыча.

Хель рассмеялась, прикрывшись ладошкой.

Они стояли в тени навеса. Незнакомый мужчина с резным луком в руках, улыбнулся Хель. Этельгерт ответил ему выразительным взглядом.

— Я не нравлюсь твоему брату, — сказал Этельгерт.

— А ты желаешь ему нравиться? — Хель бросила насмешливый взгляд.

— Я надеюсь понравиться тебе, — Этельгерт улыбнулся краешком губ.

— Вот как, — сказала она.

— В чем причина его недовольства? Ты уже обручена с кем-то?

— Нет.

— Может быть, у тебя есть возлюбленный из числа его друзей?

— Нет. У моего брата не много друзей. И никому из их числа я не дала бы обещания.

— Хм, может быть, он боится, что я опозорю тебя?

— Возможно, но не думаю, что мнение кучки незнакомцев для него важнее, чем мое.

— Или что я сделаю тебе ребенка? — Этельгерт отпустил руку Хель и обнял ее за бедро.

Хель усмехнулась, но не отодвинулась,

— Этого он точно не боится.

— То есть?

— Ты не там ищешь. Йормунганд не просто мой старший брат, он хороший брат. У нас нет секретов. И он боится, что ты сделаешь мне больно. Воспользуешься мной, и да, опозоришь, разобьешь сердце, — она механически одернула платье.

— Но!..

— И главное — ты ему не нравишься, — Хель посмотрела ему в глаза. — Есть в тебе что-то противное. Как у липких тянучек — кому-то нравится, а у кого-то в зубах вязнет.

— Хель, я не причиню тебе никакого вреда.

— Не причинишь, — легко согласилась она, — Йормунганд ошибается, когда думает, что ты можешь.

— А ты самонадеянная девочка.

— Хах.

Йормунганд и Тиу едва успели на церемонию благословения Дочерьми. В белых льняных одеждах, скрепленных на плечах медными застёжками, Дочери Луноликой шли в белых полупрозрачных покрывалах, развевающихся позади них белоснежными лепестками. С распущенными волосами, босые, ступали они к жертвенным животным распевая погребальную песнь. Посреди отведенного поля стояла большой медный котел какие используют для варки пива. Рядом стоял одинокий баран, и равнодушно взирал на происходящее. Самая молодая из Дочерей достала длинный острозаточенный нож, солнце ярко сверкнуло на его лезвии.

Йормунганд узнал ту девочку, что разговаривала с ним у палаток жриц. Теперь она выглядела напряженной, от бывшей болезненной расслабленности не осталось и следа. Она осторожно подступила к барану. Видно, что опыта у нее маловато.

— Как думаешь, в этих кишках и в самом деле можно что-нибудь разобрать? — спросил шепотом Тиу.

— Ты сомневаешься в силе Луноликой?

— Нет, нет, не то чтобы. У вас тоже бывают такие, хм, церемонии?

— Да, бывают.

Йормунганд вспомнил, как видел он однажды подобное шествие на поле брани. Оба войска сопровождали жрицы призывающие милость Луноликой и посвящали ей войско противника. Белые одежды испачканы кровью побежденных, выглядело это страшно, но и красиво одновременно. Вместо баранов, они вскрывали брюхо побежденным и на их кишках предсказывали будущее. Воины в очередь становились, чтоб узнать свою судьбу, человеческие внутренности куда точнее бараньих.

Что поделать, по мнению Дочерей, вероятность удачного исхода войны пропорциональна количеству крови в медном котле.

— Что-то они долго, — заметил Тиу. Рядом с ними сгрудились и также напряженно вглядывались борцы. Они выступали после лучников. Йормунганд кивнул одному из них, тому, что сопровождал их из Ирмунсуля до Гладсшейна. Тот поклонился в ответ. Бритый наголо, без бороды и усов, он выглядел серым булыжником, огромным монолитом.

— Господин, черканите руну на удачу, — прошептал Торвалль Йормунганду и подставил ладонь. Йормунганд быстро провел по ней кончиками ногтей, оставляя белесые следы.

— Спасибо, господин.

— С вами не прибыло ни одной Дочери, — сказал Тиу, — поэтому я и подумал, что вы не слишком набожны.

— Вера в сердце каждого, у кого-то больше, у кого-то меньше, — сказал Йормунганд. Пока Торвалль стоял за его спиной, он почувствовал себя уверенней.

— А что думаешь ты? — Тиу не отрывал взгляда от Дочерей.

— Я верю, что Дочери обладают знанием, которого и сами зачастую не понимают. Я выяснил некоторые их секреты, но многое еще за гранью моего разума.

— Бальдер просил тебя проклясть Этельгерта, верно?

— Он тебе сказал?

— Я понял по тем намекам, что ты позволил.

— Хм, тогда я предпочту не отвечать на этот вопрос прямо.

— Здесь у каждого есть враг, — сказал Тиу, — у каждого. Дочери иногда вмешиваются, чаще всего нет. И только когда им выгодно.

— Разумное поведение.

— Послушай, Этельгерт вовсе не заслуживает того, чтобы жить.

— Вот как.

— И, я мог бы кое-что предложить тебе взамен небольшой услуги.

— Отказываюсь, — сказал Йормунганд сухо.

— Йормун, — Тиу придвинулся ближе и заговорил так тихо, что даже Йормунганду пришлось прикладывать усилия, чтобы расслышать, что Тиу говорит, — ты только что приехал, и здесь у тебя нет ни друзей, ни союзников. Но ты можешь их легко приобрести.

— Я не думаю, что ты имеешь какое-то влияние на отца, а любимый сын твоей матери — Бальдер.

Тиу дернулся, будто посадил занозу под ноготь.

— Честность — лучшая политика? Тогда я тоже буду честен с тобой.

— Жду не дождусь.

Главная Дочь, наматывая бараньи кишки, уже пообещала собравшимся отличный год, чудесный праздник, хорошую погоду и победу тем, кто достоин. Собравшиеся ответили

ликованием и радостным свистом и воплями. Йормунганд присмотрелся.-

— Это же Ванадис, — сказал он.

Тиу проследил за его взглядом и досадливо крикнул.

— Да, это Ванадис, Ньрдова дочка. Она Старшая Дочь и уже давно. А что? Ты с своей сводной сестрой уже знаком?

— Немного.

— Она со странностями. Чародейка. Послушай, Йормун... Йормун!

Йормунганд уже шел, расталкивая плечами или проскальзывая между плотно стоящими людьми. Тиу дернулся было за ним, но его удержал Торвалль всего лишь положив руку на плечо.

— Не надо, — сказал Торвалль, — он вас, милсдарь, слушать все равно не будет. Ежели вы хотите, чтобы он кого-то ради вас проклял, этот кто-то должен ему самому насолить. А ради встречного поперечного он напрягаться не будет.

— А ты хорошо его знаешь? Можешь повлиять как-то? — Тиу потер потер большой и указательный пальцы, что означало деньги.

— Хе, а кого вам проклясть надо, милсдарь, и почему бы вам со своим врагом попроще не разобраться? Если есть чо, можно заплатить нужным людям, чтоб прибили и все дела. И на вас не подумают, и проблему решите. Обращаться к стороннему колдуну — не опаснее ли? Он враз над вами власть возьмет, это я со всем уважением говорю.

Тиу сплюнул и случайно попал на чей-то башмак. Хозяин башмака оскорбления не заметил.

— Подослать убийцу? Его проще поймать, лихих людей могут найти и выбить имя нанимателя, а колдовство останется незамеченным, либо источник окажется неизвестным. Скажи своему господину, — тихо заговорил Тиу, — что я знаю, как воскресить человека. Не так, как это делает отец, но метод действенный. И если он захочет узнать этот секрет, то я ему помогу.

Торвалль наградил Тиу тяжелым взглядом. Тиу тут же достал из ременного мешочка серебряную монетку.

— Хорошо, милсдарь, — Торвалль спрятал монетку в потайной карман на борцовской жилетке, — переговорю, но обнадеживать не буду.

— Если согласится, в долгу не останусь.

Ванадис рукавом отерла кровь с лица. Все эти животные порядком надоели ей. Особенно Фригга. Упрямее любого барана, она каждый день заставляла смотреть Ванадис в сплетения кишок и рассказывать, скоро ли прибудет Ангаборда с отпрысками, не заявится ли случайно Лодур, не испортит ли все сватовство Йорд или другой бастард Альфедра. И Бальдер, постоянные вопросы о Бальдере. Она и в самом деле боялась за сына.

Платье придется выбросить. Необходимость иметь множество одинаковых белых платьев злили Ванадис. За ритуальные одеяния приходилось выкладывать немалые деньги, ради которых приходилось удовлетворять навязчивое любопытство Фригги и других кумушек. Ванадис уже тошнило от их одинаковых вопросов, хотя за столько-то лет могла бы и привыкнуть, думала она.

— Платье придется выбросить, — сказала она вслух. — Остальное — постирайте. Отдайте этой новой прачке, как ее...

— Эмма, — подсказала Эгна, самая младшая из ее помощниц.

— Да, ей. И принесите мне новое платье, скорее, — Ванадис не могла унять раздражение. Она провоняла бараньей кровью.

— Можно мне тоже? — девочка, перерезавшая барану горло, находилась в плачевном состоянии. Она растопырила руки, чтобы случайно не прикоснуться к грязной одежде. Хотя руки у нее не чище одежды.

— Да, иди, переоденься. Воды мне! Наполните ванную!

Девочка поклонилась и убежала, громко топая босыми пятками.

Полог шатра шевельнулся. Ванадис расстегнула медные брошки на плечах и скинула одеяние. Она слышала, как отодвинулась ткань у входа и ощутила поток свежего воздуха, но продолжила раздеваться.

— Я не вовремя?

Голос прозвучал насмешливо и вместе с тем мягко. Ванадис неторопливо развернулась. Молодой мужчина придерживал полог вытянутой рукой так, чтобы свет выхватывал ее фигуру в сумраке шатра. Нагая, с алыми разводами на теле, она распустила золотистые волосы и подошла к нему, покачивая бедрами.

— Кто это у нас такой богохульник? — Ванадис провела пальчиком по его скуле, — Если Эгна окажется расторопнее обычного, будет скандал.

— Ойя-ойя, — мужчина опустил полог. — Эгна новенькая? Симпатичная?

— Не глупи, — Ванадис легонько ударила оказавшегося внутри мужчину по плечу.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что мужчина вовсе не так молод, как можно было подумать на первый взгляд. В отличие от местного люда, он оказался гладко выбрит, над верхней губой виднелись редкие светлые усики, а волосы коротко острижены. Одет он тоже для Гладсшейна необычно, в зеленый, цвета молодой травы, камзол и такие же штаны. Голову украшала шляпа с маленьким пестрым перышком. Сбоку болтался короткий меч, больше для красоты, чем для устрашения.

— До меня дошли слухи, что вчера к Альфедру явился весьма любопытный субъект. Некий Йормунганд, сын Лодура.

— Вы даже знаете мое имя. Я должен быть польщен. Наверное, — Йормунганд незаметно скользнувший за братом Ванадис в шатер, ухмыльнулся, — Ваше имя я тоже знаю, Ингви. Мой, в скором времени, сводный брат.

Йормунганд, пусть не сразу, устремил взгляд на Ванадис. Она замерла на мгновение, затем подхватила сброшенное покрывало и завернулась в него. Полупрозрачная ткань все равно ничего не скрывала.

— Практически семейная встреча, — Ингви выглядел обескураженным, но взял себя в руки. Полог опять отодвинулся и вошла Эгна, неся полотенце и ведро горячей воды. Она остановилась, пока Ванадис не сделала ей знак, вылить воду в металлический таз на гнутых ножках.

— Выйдете, — сказала Старшая Дочь сухо, — Мне надо привести себя в порядок. Я справлюсь и без помощи братьев, родных или сводных.

Йормунганд вновь украдкой взглянул на нее. Сейчас Ванадис выглядела куда взрослее той девочки, что угощала его яблоком еще утром.

Ингви пропустил Йормунганда вперед.

— Значит, ты знаешь, кто я? — дружелюбия у светловолосого заметно поубавилось, стоило оказаться на воздухе.

Йормунганд кивнул. Объясняться он не собирался. Тем более что узнать все возможное

о семье будущего отчима вполне естественно. Ингви давно жил отдельно от отца, и имел доход с собственной земли. С Ньрдом отношения у него неважные, но враждебными не назвать. Любит сестру, навещает ее. Отличается лихостью, храбростью и хвастовством. Умеет колдовать, по мнению маленькой служанки, что убирала комнаты в замке. По древней традиции системное магическое образование получали только Дочери. Ходили слухи, что на самообразовании Ингви наличие жрицы-сестры сказалось очень хорошо.

Снующие по своим делам жрицы не поднимая глаз, обходили их, некоторые прикрывали лица покрывалами. Светила солнце и день выдался ясным, но Йормунганду казалось, что вокруг сгрудились тени. Отсветы от ярко- красного шатра Ванадис придавали окружающему нездоровый вид.

— Итак, — сказал Ингви, — мой отец уже назвал тебя сыном?

Йормунганд чуть не скрипнул зубами.

— Не думаю, что ответ тебя и впрямь волнует, — в тон Ингви сказал Йормунганд.

— Верно, — Ингви скривил губы, — Но я вот, в отличие от тебя, со своим отцом поговорил. И он желает увезти любимую жену в свой дом, сразу после свадьбы.

— На побережье? — брови Йормунганда дернулись вверх.

— Куда же еще? — Ингви фыркнул. Йормунганд слегка покраснел.

— Моя мать взрослая женщина, делает что хочет. Я с этим смирился, думаю, и твоему отцу придется. К чему весь сыр бор, Ингви? Что ты зверем на меня смотришь?

— Я слышал, ты отказал Бальдеру в маленькой услуге.

— Да быть не может, — Йормунганд хлопнул себя ладонью по лбу, — вам тут не Дочери нужны, а хороших розг всем, чтобы мозги вправить через одно место.

Ингви открыл было рот.

— Я отказываюсь, — сказал Йормунганд, — я второй день здесь и роль наемного проклинателя меня совсем не устраивает. Тем более, о просьбе Бальдера тут знает каждый встречный поперечный. Если со злополучным скальдом и вправду что-нибудь случится, меня вздернут, или сожгут. Вы добьетесь того, что придется следить за Этельгертом, чтобы, не дай Лунолика, с ним что-нибудь не случилось.

— Мне есть, что тебе предложить, — сказал Ингви, — сын Лодура.

— Не сомневаюсь.

— Ванадис видела, что ты станешь причиной смерти одного из детей Альфедра. Тебе опасность грозит здесь на каждом углу.

— Да ну? Да ко мне никто не приблизится лишний раз.

Ингви подошел ближе и взял Йормунганда за локоть.

— Ты убьешь Йорда. Не перебивай. Это то, что она видела, и что сказала Альфедру и Фригге. Но вначале погибнет Бальдер.

Йормунганд спрятал лицо в ладонь.

— Ты мне не веришь?

Йормунганд сквозь пальцы посмотрел на наглые усики, на кривящийся рот, глянул в светлые глаза.

— Нет, — сказал он, — Не верю. И ты бы на моем месте не поверил. Твоя сестра напустила на меня дурман этим утром. Мой брат получил тепловой удар, пока шатался рядом с шатрами Дочерей. Меня наперебой просят разобраться с каким- то Этельгертом, я даже не знаю, как он жив до сих пор с такой кучей врагов. Твой отец игнорирует мое существование. А ведь еще и суток не прошло как мы здесь. Нет, становиться чьим- то

орудием, чтобы мне за это не пообещали, я не желаю.

Ингви сузил глаза.

— Смотри. Как бы и у тебя тут не появились враги, Йормунганд.

— Уж с ними-то я умею справляться самостоятельно, Ингви.

Ангаборда не смыкала глаз уже две ночи подряд. Широкоплечий и неуклюжий Ньрд протиснулся в дверь опочивальни бочком, постоял немного рядом с суженой. Ангаборда едва его заметила. Йормунганд уже всерьез начал волноваться за мать, когда Эгна предложила украдкой подлить немного снотворного в ее кубок.

Мать троих детей уснула повалившись на постель рядом с Фенриром. Йормунганд помог уложить ее и послал за покрывалом из ее покоев. Служанка матери сидела тут же, сложив тонкие исхудалые руки на колени. Она непрерывно молилась Луноликой и часто плакала.

Про свадьбу Ангаборда ни с кем так и не заговорила. Самым черным уголком души Йормунганд надеялся, что затея провалится. Или отложится на долгое время, а там, думал Йормунганд той частью души, в которой еще осталась жива детская мечтательность, отец вернется и заявит права на мать своих детей.

Эгну прислала Ванадис. Старшая Дочь переполошилась, едва стало известно о странном забытье младшего из детей Лодура. Фригга прислала личного лекаря, но Ванадис, лично явилась осмотреть будущего сводного брата и прогнала старика. Теперь у постели постоянно находилась одна из Дочерей, присматривала и за Ангбордой и за Фенриром.

Йормунганд заходил к ним лишь время от времени, не мог выносить запах курений, тот мог и мертвого поднять. Приоткрыв дверь, он заглянул внутрь, глаза тут же заслезились. В душном полумраке бледное лицо ребенка выделялось светлым пятном. Рядом с ним склонилась Дочь и считала пульс Фенрира. Увидев заглянувшего в проем двери Йормунганда, она выпустила маленькую ручку и встала. Ее лицо показалось ему смутно знакомым, должно быть он видел ее во время церемонии на состязаниях, а может, возле шатров Дочерей. Эгны не было, видимо, ушла отдохнуть.

— Я тебя знаю? — спросил он вместо приветствия.

— Нет, — сказала она, опустив глаза, — мое имя Бестла. Вы родственник мальчика?

— Брат.

— Вы очень похожи.

Йормунганд криво улыбнулся. Хотелось захлопнуть дверь и отдышаться.

— Как он?

— Пока не очнулся. Если так продолжится, он умрет, — Дочь сказала «умрет» так просто, что у Йормунганда екнуло сердце.

Йормунганд почти не сомневался, что забытье Фенрира магического происхождения. Но Ванадис прикладывала все силы, чтобы вернуть Фенрира, и Йормунганд не чувствовал и золотоглазой Дочери ни капли враждебности.

А вот Хель вела себя странно. В Ирмунсуле она заботилась о младшем брате больше матери. Теперь же, казалось, все ее время занимали пашни с Этельгертом. Скальд же будто сошел с ума от дочери Лодура. Ванадис даже тихонько спросила Йормунганда, не знает ли он, какими чарами воспользовалась Хель, чтобы привязать певуна к себе.

Йормунганд, измученный заботами о матери и брате, в тот же вечер едва не уснул, поджидая сестру в ее комнате. Она вбежала с шелестом сиреневого атласного платья, взятого у Фригги, запахом крепких восточных духов, с насвистыванием под нос развеселой

песенки.

— Совсем о брате не беспокоишься? — у Йормунганда красовались темные круги под глазами, и сам он выглядел бледнее обычного.

— Беспокоюсь, — возразила Хель, — я очень о нем беспокоюсь, но ведь это твоя подружка его зачаровала.

— Для начала, Ванадис мне не подружка.

Хель фыркнула. Йормунганд сделал вид, что не заметил.

— Потом, — продолжал он, — она ничего не делала, а в-третьих, лучше бы последила за собой. О тебе и Этельгерте уже болтают всякую чушь. Не наделай глупостей.

— О, наш старший брат снова за свое, — Хель закатила глаза. — Ты мне не отец.

— Да. Я твой старший брат, — Йормунганд тяжело поднялся с постели и встал перед Хель. — И я старший мужчина в семье.

— Здесь, — Хель выставила вперед плечо, — твое старшинство роли не играет.

— Я заметил, — Йормунганд закусил губу, — но не думал, что семья ничего не значит для тебя. Что с тобой такое?

— Выметайся из моих покоев. Побудь с Фенриром, или навести свою пожилую подружку. Заставь ее сжалиться над малышом.

— Нет у меня ничего с Ванадис! — взорвался Йормунганд, — Ох, цверг тебе на голову. неужели ты совсем ослепла и оглохла? Фенрир умирает! Мать истает вслед за ним, если ничего не изменится. Пожалуйста, прошу тебя, не будь ты такой самодовольной дурой, отвлекись от своего хахаля хоть на миг, помоги мне.

— Вон, — сказала Хель, сверля стену над головой Йормунганда ледяным взглядом.

Йормунганду нестерпимо захотелось дать сестре затрещину. Он резко развернулся и вышел.

Он нашел Ванадис рядом с аллеей в саду. Она стояла в обычных белых жреческих одеждах и смотрела, как Эгна плетет для нее венки из садовых цветов. Днем шел дождь и трава все еще оставалась мокрой. Подол Эгны потемнел от влаги.

— Какая пасторальная картинка, — сказал Йормунганд, остановившись рядом с Ванадис.

— Верно, — согласилась она, и тут же добавила. — У тебя появился зуб на Этельгерта?

— С чего ты взяла?

— Ты недобро смотрел на него за завтраком.

— Ерунда. Он всего лишь завладел моей сестрой. Того гляди придется их женить.

— Чудесная пара, — сказала Ванадис.

— Не пойму, шутишь ты или нет.

— Что с твоим братом? — Ванадис решила сменить тему разговора так резко, что Йормунганд помедлил с ответом.

— Все так же. Твои девчонки ни на что не способны.

— Может, сам попробуешь его вылечить? — Ванадис язвительно улыбнулась, но тут же стерла улыбку с лица, — Прости. Тебе и так нелегко.

— Рядом с вашими шатрами с ним что-то случилось. Кто-то из твоих девчонок зачаровал его.

— Неправда. Я уже говорила тебе. Его принес нам человек из Гардарики. Ты его видел тогда у шатров. Он несколько раз пытался поговорить с Альфедром, но каждый раз его

прогоняли. Личность темная и ради цели пойдет на все. А что у него за цель? Что ему вообще надо? Он стремился и со мной встретиться, но мне недосуг выслушивать просьбы всяких... — Хель дернула плечом, — безбожников.

— Да-да, я уже слышал, как человек из Гардарики возмутил тебя неверием в Луноликую и одновременно просьбами о каком-то там чуде. Или помощи. Обратила бы его в веру, наставила на путь истинный. Истинная вера творит чудеса.

— Хватит ерничать.

— И в мыслях не было.

— Иногда ты кажешься таким взрослым, совсем как твой отец, — сказала Ванадис задумчиво, — и таким же невыносимым.

— Вы с братом тоже похожи. Родственники, наверное. Кстати, а где твой брат сейчас? Обдумывает, чем бы еще досадить новым родственникам и заставить меня выполнить его каприз? — Йормунганд глубоко вздохнул, — Ведь на самом деле возможность зачаровать Фенрира была у многих, как и желание. Но теперь, кого не тронь, Тиу не умеет колдовать вовсе, Бальдер слишком слаб и неопытен для такого, Ингви... ну, если бы он мог, то Этельгерт уже спал бы, как в сказке про красавицу в покинутом замке. Тот парень из Гардарики? Не знаю, зачем ему это. Ну а ты причастность отвергаешь. Может, все-таки Ингви? Я ему не нравлюсь, причем сильно.

— Умные мальчики не станут подозревать членов моей семьи в моем присутствии, — сказала Ванадис вкрадчиво. На мгновение он увидел, как полыхнули золотом ее глаза.

— Я пошутил, — сказал Йормунганд. — Надеюсь, если придется, меня ты будешь защищать так же ревностно.

Улыбка Ванадис стала чуть теплей.

— Я постараюсь, — сказала она. — Что наденешь на свадьбу? Я подберу платье в цвет.

— Я не пойду на церемонию.

— Я не про церемонию. Я же Дочь, забыл? На церемонии я буду в белом, и соединю узами молодых, — она хихикнула. — А с тобой мы будем танцевать на пиру, держаться за руки. Самая красивая пара.

— Кого ты хочешь заставить ревновать? У тебя размолвка с ухажером, потому ты внимательна ко мне, да?

— Во всем искать подвох, — Ванадис притворно вздохнула и погладила его по волосам, — какое милое качество.

— И полезное. Ванадис, я ценю все то, что ты даешь мне, но я тебя не понимаю.

— А если я всего лишь по-женски влюбилась? А ты, жестокосердный, мучаешь и отвергаешь меня.

Йормунганд дернулся.

— Что за глупости? — сказал он сварливо.

— Тем не менее, ты не слишком противишься.

Эгна уже давно сплела венок и теперь смотрела, как они переговариваются.

— Унеси в мои апартаменты, — сказала ей Ванадис повелительно, — и положи в воду, сохранить свежесть.

Эгна поклонилась и убежала, оставляя мокрые отпечатки босых ног.

— Уже скоро, — Ванадис прищурившись, посмотрела в прояснившееся небо. — Совсем скоро.

Йормунганд поморщился. Он не любил внезапных странных фраз и перемен настроения

Старшей Дочери.

— Я научу тебя, — неожиданно сказала Ванадис, — простой уловке, как освободиться от печалей. Как забыть про горести и радоваться жизни.

— Это ведь не связано с поеданием определенных грибов? У меня от них несва...

Она наклонилась и поцеловала его прохладными губами. Ванадис пахла яблоками. Теперь всегда, подумал Йормунганд, прикасаясь к ее округлым бедрам, яблоки для меня будут пахнуть Ванадис.

Гарриетт протянул уличной торговке две медных монеты. Монеты круглые, без обточенных краев, на каждой широкий горбоносый профиль красовался с одной стороны и завитушка с другой. Старушка с лицом запеченного яблока и пахнувшая лежалым хлебом ловко выхватила у него денежки, поднесла к глазам, а затем положила на деревянную тарелку порцию рыбы с картошкой.

— Эй, картошки маловато, — сказал Гарриетт.

Старушка подкинула еще одну картофелину со дна, горелую. Гарриетт скривился, но спорить со старухой не стал. Еще и плюнет в качестве подливки.

— Тарелочку-то верни потом, — старушка подала ему посудину скрюченными пальцами.

— Ага, — Гарриетт присел неподалеку, на завалинку постоянного двора, в котором остановился. Ему не хотели сдавать комнату, на пиры Альфедра всегда прибывало много народу и мест не хватало. А тут еще свадьба. Пришлось посулить больше, чем мог заплатить. Глазея по сторонам и пережевывая кусочки рыбы, он раздумывал, как выполнить цель своего путешествия и где раздобыть денег на обратную дорогу.

Поев, он отряхнул посудину и подал ее торговке едой. Та сунула ее в стопку других разномастных тарелок.

— А ты хорошо говоришь по-нашему, — сказала онаю — И выправка у тебя не простая. А лицо черное и в лохмотья завернут.

— Да у тебя глаз-алмаз, бабушка, — Гарриетт усмехнулся.

— Купец разорившийся? Али воин заморский?

— Нет, — Гарриетт провел пальцами по усам. — Скажи, в этих местах еще помнят о сыне Альфедра — Сиги?

Старушка пристально вгляделась в него.

— Да ты, вроде, помоложе его.

— Да не, бабуля, куда мне до родства с князем.

— Я помню, — сказала она, — сына Альфедра по имени Сиги. Хочешь услышать историю о нем, или ты ее знаешь?

— Я хочу услышать и сравнить с тем, что знаю, — ответил Гарриетт.

— Прижила его Фригга с братьями мужа. Пока тот в походах был, а они его землями правили. Так что не родной он ему, по крови вроде как и родной, а не его. Пригожий был, вот как Бальдер сейчас, толстенький, румяненький.

Гарриетт вспомнил мелкого и пузатого подростка Бальдера и хмыкнул про себя.

— Только нрав у него с детства был не чета Бальдеру. Трусливый был, из Гладшейна ни ногой. Еще и воровать умел, слуханное ли дело? Бабское ремесло, — сказала старуха так, словно сама не женского племени.

— Воровать? — удивился Гарриетт.

— Ага, ворожкой своей проклятой друга своего в могилу свел. Друзей мало у него было, да и тем завидовал. Сиги, — сказала она, — после того из города выгнали, сам Альфедр его до кораблей довел. И больше не видели. Сгинул.

— Бывает же, — сказал Гарриетт,

— А какую сказочку ты знаешь, милок?

— Да ту же самую, бабуля, — он положил ей еще медную монетку. Торговка едой накрыла ее ладошкой.

— Только в моей сказке, — сказал Гарриетт, покручивая ус, — Сиги не умеет колдовать.

Выглядел Гарриетт и правда как бродяга, от долгого пути лицо потемнело, а одежда обветшала. Деньги зашитые в седло коня потрачены, да и сам конь продан. Надежды, что его пустят ко двору князя, нет никакой. Гарриетт было попытался завербоваться в дружину. Но и здесь неудача. Места в дружине Альфедра считались тепленькими и тщательно охранялись старыми вояками. Гарриетт первый раз оказался в Гладсшейне, поручиться за него некому.

Когда Сиги отправлял его в путь, он дал Гарриетту свое кольцо, письма к тем, кто мог его помнить и помочь, и напутствия. Напутствия негодились. Кольцо пришлось заложить и не выкупить, а письма потерялись при переправе через широкую реку, названия которой он не запомнил.

Теперь Гарриетт шел по тесным улочкам и раздумывал, где бы раздобыть денег и как, во что бы то ни стало, встретится с князем. Он надеялся, что во время соревнования такой шанс у него будет, но старик то ли устал от людей, то ли действительно боялся за свою жизнь, но пробиться через слуг не удалось. А встреча со жрицами ничего не дала, кроме чувства попранной гордости.

Гарриетт почесал нос. Верная примета, что сегодня нужно выпить, усмехнулся он про себя. Только вот с горя ли или обмывая удачу? Два утра минуло со дня состязаний, денег осталось еще на два дня, потом придется жить на улице и добывать еду смекалкой. Он не чурался наемничества, да меч отобрали при въезде в город. Пришлось сдать городской страже. А тут еще появились дела помимо того, как встретится со старым князем.

Скрипнул ставень наверху и Гарриетт едва успел увернуться от потока помоев.

— Смотри куда льешь, цверга! — крикнул он.

— Пусть заберут тебя тролли! — откликнулся женский голос сверху.

Гарриетт представил себе располневшую хозяйку дома, со злым и усталым лицом, опухшую от вечной стряпни и свар с мужем. Достойная жительница достойного городка. Соль земли. Гарриетту не нравился Гладсшейн. Он был наслышан про него, рассказывали всякие байки про ведьм и чудеса, про богатых купцов и про родичей Альфедра, важных, в дорогих одеждах, про всяких людей с разных концов земли. Приезжих и впрямь много. Они выделялись среди местных, каждый на свой лад. Многие даже языка не знали. Местные чужаков не любили, хотя когда-то жители Гладсшейна и завоевали их земли, но терпеть на своей земле пришлых не хотели. Гарриетт гладсшейнцев не винил. Стоило кому-то из приезжих возвыситься, так он тут же начинал смотреть сверху вниз на завоевателей и всячески их притеснять, при этом лебезя и заискивая перед приближенными князя. Простые люди отыгрывались на приезжих победнее, и круговорот повторяется снова.

На базаре Гарриетта настигла удача. Разодетый как боевой петух, с перьями на куцей шапочке, человек, которого он искал, приценивался к цветам и хорошенькой цветочнице с круглыми голубыми глазами. Сейчас цветочница смотрела на кончики ботинок, ресницы ее

трепетали, а левую руку она манерно приложила к щеке, полная смущения. Правой она заслонялась от господина корзиночкой с цветами. Гарриетт прошелся рядом, потом еще раз, и срезал у мужчины кошелек так ловко, что никто ничего не заметил.

Задерживаться на базаре он не стал, конкуренции воришки не жаловали. Денег в кошельке, к разочарованию Гарриетта, едва хватило на новую куртку, вроде тех, что носили в Ирмунсуле. На пару медяшек Гарриетт купил персиков и завернул их в широкий, выдавший виды платок. Этот платок вышила ему жена, давно, сразу после свадьбы. Гарриетт вспомнил ее и детей, особенного старшего сына. Когда Гарриетт уезжал, старшенький уже научился бегать и носился по избе с громкими «тятятятятя!». Младший тогда болтался у жены возле груди и был для Гарриетта безлик, как и все младенцы. Гарриетт потрепал уголок платка, подумал о круглой и нежной, как персик, женушке, и отправился выполнять свой долг.

Сердце Гладшейна — чертоги Альфедра располагались, как это было принято, на возвышении, откуда хорошо видно окрестные земли. Ворота всегда закрыты, и мрачного вида слуги, которым уже приходилось общаться с Гарриеттом, сделались еще мрачнее при его появлении. Бритые наголо головы уродовали шрамы. У одного из них шрам проходил сквозь левую глазницу и до самого рта. Поэтому губы он кривил особенно мерзко.

— Тебе нельзя, — буркнул один из них, едва Гарриетт приблизился, — сказано же уже.

— Ходишь тут, вынюхиваешь, — добавил другой, одноглазый, — вздернуть тебя и вся недолга.

Эти могли. Им и приказа не надо.

Помогла случайность. Йормунганд увидел Гарриетта, заметив перебранку у ворот. В первое мгновение он оторопел, мужчина выглядел все таким же потрепанным, и два дня назад, но теперь сверху на плечи накинул теплую меховую куртку. Возможно, подумал Йормунганд, он хотел, чтобы его приняли за ирмунсульца, но ведь даже он сам знал, что этот человек из Гардарики.

Гардарика государство почти что вымышленное, небольшое и находится так далеко, что редкие купцы рискуют туда забираться, так думали вне самой Гардарики. Тем больше мифов рассказывали про эту страну. Если происходило что-то совершенно немыслимое, то происходило все в Гардарике.

Гарриетт тоже заметил Йормунганда и отчаянно замахал обеими руками.

— Я пришел справиться о здоровье вашего брата! — крикнул Гарриетт. — И передать ему кое-что. Вы помните меня?

— Вы были с Фенриром в день состязаний, — сказал Йормунганд.

— Да, точно! В тот день.

— Мой брат погрузился в сон и до сих пор не очнулся.

Гарриетт закусил губу.

— Тем не менее, — сказал он, — могу я поговорить с вами?

— Пшел вон, проходимец, — цыкнул один из стражей.

— Я и сам хотел искать тебя. Поговорим, — медленно сказал Йормунганд.

— Его не велено пущать, — заявил второй страж, кривой на один глаз. Йормунганд лишь мельком взглянул в его лицо.

— Тогда, может, господин желает посмотреть город и выпить пива? Я знаю отличное место, — нашелся Гарриетт.

— Лучшее пиво в «Чудесной корове», — хохотнул страж, — Но тебя туда, оборвыш, не пустят.

Йормунганд не носил при себе денег, да и выходить одному, без сопровождения он опасался. Фенрир бы сбежал в город не раздумывая, Хель, окажись Гарриетт в ее вкусе, тоже. Йормунганд потер подбородок.

— Я пошлю за деньгами, — сказал он.

— Я угощаю, — ответил Гарриетт. — А такого знатного господина пустят хоть куда, хоть в «Корову», хоть не в «Корову».

— Хех, смотрите, чтобы он вас не зарезал, — сказал охранник.

— Ну, это вряд ли, — улыбнулся Гарриетт, — ведь слуги Альфедра пьют там каждый день. С такими-то посетителями бояться нечего.

Йормунганд видел Гладшейн во второй раз. Первый был, когда их семья въехала в ворота. Тогда он устал и хотел скорее поглядеть на знаменитого князя и на сердце Гладшейна — замок на холме. И не заметил ни широкой площади с постаментом посередине, где казнили преступников и откуда зачитывали приказы. Не видел и башенки Дочерей. Из замка можно разглядеть лишь шпиль устремленный в небо. Покрытая белой известкой, вблизи она показалась и грязнее и величественнее.

Йормунганд с интересом смотрел на товары, яростно навязываемые лавочниками проходящим зевакам. Особенных чудес не предлагали, но Йормунганд глянул и на железные кинжалы и на длинные посохи, и на всякие травы и безделушки для заклинательниц. Он смотрел на лица людей, выглядевших иначе, чем в его родном городе, чем, даже, в чертогах, откуда он не выходил со дня прибытия.

Гарриетт не мешал ему вертеть головой и осматриваться. Ему все эти деревянные, иногда каменные, дома с неизменными цветами во мизерных двориках и на окнах прискучили уже так же, как и крестьянские хижины вокруг Гладшейна с простирающимися вокруг них полями и рощами, и так же, так же, как и лачуги слипшиеся возле пирса. Стоит увидеть что-то вблизи и провести рядом хотя бы пять минут, и это что-то перестает удивлять. Исключение составляли, разве что женщины. Женщины в Гладшейне на любой вкус. Высокие белолицые северянки, с оливковой кожей и миндалевидными глазами уроженки юга, закутанные с ног до головы, так что не разберешь, какие они, крикливые девы востока.

Когда они почти подошли к «Чудесной корове», Йормунганд потянул носом воздух.

— Пахнет свиными рульками, — сказал он, — я соскучился по ним. У Альфедра таких не подают. Ты их пробовал?

Гарриетт остановился.

— В «Чудесной корове» они тоже могут быть, — попробовал возразить он, но Йормунганд уже шел на запах. Гарриетт последовал за ним.

Рульки шипели и покрывались корочкой на большой сковороде смазанной вонючим старым маслом. Жарил их невысокий человечек в зеленом, протертом на локтях, кафтанчике. Шляпу он сдвинул на затылок, поношенные, с дыркой на указательном пальце, перчатки лежали рядом с жаровней. Человечек напевал и сладко шурился, касаясь рулек кончиком ножа.

— Когда Фенрир поправится, надо будет сходить с ним сюда, — сказал Йормунганд.

Гарриетт промолчал.

— Заплати ему, — сказал Йормунганд, когда четыре сочные горячие рульки шлепнулись на тарелку. На сдачу человечек налил сильно разбавленного пива в огромные деревянные и

давно не мытые кружки. Йормунганд со спутником сели рядом на скамью под коротким, ни от чего не защищающим навесом.

— Зачем ты приехал сюда? — спросил Йормунганд Гарриетта, осторожно нарезая рульку острием кинжала.

— Меня отправил мой князь Рери, — ответил Гарриетт, — он внук Альфедра. Когда-то давно его отца изгнали из Гладсшейна, неважно уже за что, дали пару боевых кораблей и отправили куда глаза глядят. Его отец завоевал себе земли рядом с Гардарикой, а потом женил своего сына на нашей царевне.

Он покосился на Йормунганда, слушает ли. Йормунганд внимательно слушал.

— Все складывалось нельзя более удачно, — продолжил Гарриетт, — Но Рери, единственный сын Сиги, бесплоден. Он женился не единожды, ни одна не сделала его отцом.

— Проблема в нем? — спросил Йормунганд, гоня рульку по тарелке.

— Даже бастардов нет.

— Обычно, — осторожно начал Йормунганд, — для решения проблемы достаточно пригожего слуги или...

Гарриетт покачал головой.

— Так не пойдет, — сказал он, — Рери хочет детей, своих детей, хоть мальчиков, хоть девочек, и поэтому я здесь.

— Думаешь найти помощь? — в голосе Йормунганда прозвучало все презрение к целительницам Гладсшейна.

— Все, что могли сделать наши заклинательницы и травницы уже перепробовали. И по дороге спрашивал многих. Альфедр славится как колдун, и в родстве с Рери, так что, может, сжалится над внуком.

— Песни часто врут, — заметил Йормунганд.

— Тогда надежды нет и я вернусь ни с чем.

— Ты вообще, просил его?

— Меня не пускают! — на его возглас обернулись несколько человек.

— Меня не пускают, — повторил Гарриетт потише, — вокруг него как будто стена — не пробиться. Слуги гонят меня, письма не передают, не помогают ни посулы, ни угрозы.

— Ты угрожал?

— Да, дошел даже до такого.

— Может быть, Альфедр все еще злится на своего сына, а заодно и внука, и не желает помогать им? Ты пробовал говорить с Фриггой, ведь Сиги и ее сын, если я правильно понял.

— Я перепробовал все.

— Редко встретишь такого преданного человека, — сказал Йормунганд. — Или упрямого.

Гарриетт невесело усмехнулся.

— Если вы поможете мне господин, я помогу вам.

— Чем же?

Гарриетт порылся в кармане и вынул опустевший кошелек, который украл утром.

— И зачем это мне?

— Это принадлежало тому, кто посмотрел на вашего брата особенно недобрым взглядом тогда, на состязаниях. Если кто и навел порчу — то точно он.

— Точно? Ты уверен? Слушай, это не шутки! — Йормунганд внимательнее всмотрелся в

лицо Гарриетта, не врет ли.

— Я же был рядом, я запомнил его.

Йормунганд выхватил кошелек из синего бархата с завязкой сверху. Ничего примечательного. Пропустил ткань между пальцев.

— А ты вор.

Гарриетт пожал плечами.

— Всякое бывает, — сказал он.

Ничто не смогло бы заменить ему этого. Йормунганд стоял под проливным дождем, чувствуя, как вода заползает за воротник, холодит тело, капает с волос. Он сосредоточился. Заклинание не нужно было произносить, ни делать пассы руками. Под закрытыми веками вспыхнули и загорелись руны. Дождь превратился в тонкие золотые нити, свисающие с неба. Паутина влаги покрывала все вокруг, землю и небо, тяжелым узором свисала с деревьев и серых каменных стен. Йормунганд протянул руку ладонью к земле, золотые нити метнулись к его телу, опутывая и пригибая к земле. Он тяжело опустился на колени и наклонил голову.

Тысяча больших и маленьких глаз открылись в тот же миг, наделенные частью его сознания. Выбор пал на ворона, нахохлившегося на ветке прямо над головой Йормунганда. Ворон каркнул, темные глаза его окрасились золотом, и он полетел к чертогам Альфедра.

Стена, о которой говорил Гарриетт, и правда существовала. Для ворона она оказалась осязаемой, в окружающем влажном золоте сверкала голубоватой изморозью и веяла холодом. Ворон сделал пару кругов, каркнул злобно и опустился на каменную кладь стены. Ворон был глуп, вороны вообще глупые птицы, но его золотые глаза видели то, что птицам недоступно.

Этельгерт развалился на обитом бархатом стуле, поигрывал кубком с вином и улыбался у усы. Полный, в красном кафтане, как сытый клоп. Бальдер, любимый сын Альфедра, сидел у его ног, сжав кулаки до побелевших костяшек, и подобострастно смотрел ему в рот. Смех у Бальдера выходил фальшивый, да он и не старался. А Этельгерт не замечал. Перед ними туда-сюда неторопливо расхаживала Фригга. Зеленое платье струилось у ее ног, на заново убранных волосах красовалась диадема с опалом в середине. Губы жены князя поджаты, а взгляд недовольный, она злилась то ли на Этельгерта, то ли на Бальдера, то ли что иное испортило ей настроение.

— Девчонке уже можно забыть про выгодный союз, — сказал Этельгерт, от него так и веяло довольством. — Нет ни одной женщины, которая возьмет ее за своего сына. Дура. Думает, что здесь как в Ирмунсуле. И мелкий скоро скончается. А старшего — на сладкое. Он думает, что силен, даже Ингви думает, что он силен. Дурак!

Бальдер молчал. Ворон взъерошил перья. Этельгерт поставил пустой кубок на столик рядом и зевнул.

— Не будь таким самодовольным, — сказала Фригга. — Старший похож на отца больше остальных, он наверняка постарается убить тебя.

— Как будто у меня мало врагов, — Этельгерт пожал плечами. — Одним больше, одним меньше.

— А Лодур? — спросил Бальдер. — Вдруг он захочет отомстить за детей?

— А он по возвращении испробует пиршественного меда, — Этельгерт зевнул. — У меня сегодня кошелек украли, вот мразота.

«То, чего желаешь, никогда ты не получишь» каркнул ворон.

Бальдер приложил ладонь ко лбу. Этельгерт потрепал его кудри,

— Сны все еще снятся тебе? — спросил он Бальдера, а дальнейшие его слова поглотил шелест. Он все усиливался, пока Йормунганд не закрыл глаза ворона и открыл собственные. Вокруг снова шумел дождь. Он стоял в грязи на коленях и его шерстяной плащ уже не мог защитить его ни от сырости, ни от ветра. Йормунганд провел рукой по лицу, возвращая себя в реальность.

— То, чего желаешь, никогда ты не получишь, — прошептал он. — То, чего желаешь, никогда не получишь.

Он начертил эти слова на земле. Дождь смыл их.

— Вас ищет ваша мать, господин, — низкорослая служанка стояла рядом. Мокрые волосы липли к лицу, а на плечах лежал старенький плащ.

— Как ты меня нашла? — в ушах все еще шумело, Йормунганд едва различал собственный голос.

— Вы и в Ирмунсуле любили гулять под дождем, — сказала она. — Да и хозяйка крепко велела вас поискать.

Когда они вернулись в замок, девушка принесла ему горячей воды и полотенце, пока он раздевался. Йормунганд стянул с себя мокрую одежду, насухо вытерся, завернулся в одеяло и сунул ноги в таз с горячей водой. Служанка замешкалась, любуясь его тонкими икрами.

— Иди-иди, — сказал он ей. Забавляться с кем бы то ни было, не было ни малейшего желания. Дверь скрипнула.

— Тебя искали, — на пороге появилась Хель. — Мама хочет тебя видеть.

— Ах да... я оденусь и приду к ней. Про меня не вспоминали несколько дней, а стоило потеряться — и оказался нужен.

— Где ты был?

— Улаживал кое-какие дела.

Хель пристально смотрела на него. Ее голубые глаза стали почти прозрачными, ни кровинки в лице.

— Ты и вправду любишь его? — спросил Йормунганд.

— Не знаю, иногда, кажется, что нет, а иногда — что умерла бы за него. Думаешь, Фенрир очнется?

— Конечно, — Йормунганд встал, отложил одеяло и переступил из таза, по очереди отряхивая ноги. — Уже скоро.

Хель кивнула.

— Скорей бы домой, — сказала она, поежившись.

Фенриру снились странные сны. Ему снился отец. Фенрир никогда не видел его и не мог помнить, но сразу понял, что это он. Вокруг скалы, под ногами песок, дул влажный ветер и пахло солью. Он никогда не видел моря, но понял, что это оно. Огромная беспокойная вода простиралась далеко-далеко. Отец сидел на скале и смотрел на море, он выглядел совсем как Йормун, только старше, обросший и в лохмотьях. На нем синий плащ Йормуна и широкополая шляпа, сдвинутая на затылок, что-то странное с его лицом. Фенриру показалось, что отец злится на него, поэтому и глядит в сторону с поджатыми губами. Но тут Лодур повернулся и глянул на него. Широкополая шляпа упала, покатилась по песку, и отец стал еще больше походить на Йормуна, только губы у него оказались не

сжаты, а переплетены кожаным ремешком.

От удивления Фенрир проснулся.

Сначала ему показалось, что он в Ирмунсуле, спрятался в погребке и заснул там. Так было темно, холодно и сыро. Потом Фенрир вспомнил путешествие в Гладсшейн, как хотел он поглядеть на кривляющихся паяцев, как выпил кислого пива, а потом его затошнило. Как пекло солнце, так сильно, что в глазах потемнело.

Так я болен, подумал он, и, видимо, подумал вслух, потому что тут же рядом оказалась девочка в белых одеждах и положила руку ему на лоб.

— Как себя чувствуешь? — спросил она.

— Пить хочу, — сказал Фенрир.

Девочка поднесла воды, заботливо приподняла и наклонила голову мальчика. Фенриру вода понравилась, хотя слабость никуда не делась.

— А где мама? — спросил он.

— Ты чем-то расстроен? — спросила Ангаборда, едва он вошел. Он остановился у двери. Мать выглядела усталой. Беспорядок царил в комнате, пахло розовой водой и духами. Йормунганд окинул взглядом ее нарумяненные щеки и блестящие глаза, золотые нити вплетенные в прическу, суетливые движения рук.

— Мама...

— Фенрир очнулся, — сказала она просияв, — Вот только что.

— Я рад, — сказал Йормунганд. — Давно пора. Как он?

— Пока еще слабенький, — Ангаборда не могла сдержать счастья. Она побледнела и осунулась за время болезни сына, но теперь выглядела оживленной.

— И я хотела поговорить с тобой. Ты знаешь, я выхожу замуж, милый.

Йормунганд на мгновение прикрыл глаза.

— Да, знаю.

— Знаешь? Конечно, знаешь, для тебя не бывает секретов. С твоим отцом мы жили в Ирмунсуле, но здесь наш брак не считает законным.

— Поэтому он взял себе новую жену.

Уголок ее губ дернулся.

— Он всегда был таким. Да, теперь у него новая жена. А я могу взять себе нового мужа.

Йормунганд прислонился спиной к дверному косяку.

— Ты же не ради мести это делаешь? Ты же подумала о нас? Если твой брак здесь не законен, то и мы тоже...

Ангаборда подошла вплотную к сыну и взяла его за подбородок.

— Я люблю тебя, дорогой. Никакое замужество это не изменит. Вы — мои дети, все, что мое — ваше.

Йормунганд отвел взгляд.

— Ты совсем как отец, — сказала Ангаборда. — Любую победу обращаешь в пепел.

«То, чего так хочешь, никогда ты не получишь», — подумалось Йормунганду.

— Нет, я рад за тебя. Ньрд — хороший человек.

— Может быть, тебя смущает его возраст?

Йормунганд невольно хохотнул.

— Это тебя он должен смущать. Я же не женщина, не мне делить с ним ложе.

— Иди, — сухо сказала Ангаборда.

Он поклонился. Она не шелохнулась. Последнее, что он увидел, прежде чем закрыть дверь, ее профиль в свете окна.

Ванадис дожидалась его все там же, у аллеи.

— Где ты был сегодня утром? — спросила она тихонько приблизившегося сзади Йормунганда. Не дождавшись ответа, она развернулась и уставилась на него желтыми глазами.

— Не делай ничего, — сказала она. — Свадьба все равно состоится, не пытайся все испортить.

Йормунганд поднял руки,

— Сдаюсь, сдаюсь, — сказал он, рассмеялся и тут же стал серьезным, — Я встретился с одним парнем из Гардарики.

— А, этим, — Ванадис пренебрежительно фыркнула.

— Да, наверное, этим.

— Просил у тебя устроить встречу с князем? Чтобы он не пообещал тебе, не верь. У него ничего нет.

— Как скажешь, — сказал Йормунганд. Он оперся о покосившуюся колонну, так, что со стороны казалось, что это он ее подпирает.

— Что с тобой?

— Мой брат очнулся, — сказал Йормунганд впервые искренне улыбнувшись.

Ванадис замерла с открытым ртом.

— Я уже не надеялась, то есть, это же чудесно!

— Ага, только он еще слаб, так что прошу оказать ему покровительство еще какие-то время. Моя мать выходит замуж повторно, а сестра совсем голову потеряла. Я и не думал, что такое возможно.

— Я вижу, ты собираешься погрузиться в пучины жалости к себе?

— Это слишком поэтично для меня. И у меня просьба — выслушай того парня из Гардарики. Он помог мне намеренно, и я обещал замолвить за него слово. Обещай мне.

— Хорошо, — Ванадис наклонилась было поцеловать его, но Йормунганд отвернулся и сощурился на темнеющее небо. Солнце опять скрылось за большой серой тучей.

— Ненастье за ненастьем, не хотел бы я отправляться в дорогу при такой погоде.

Ванадис пожала плечами.

— Ты часто путешествовала? — спросил ее Йормунганд.

— Паломничество — обязательная ступень для Дочерей, — сказала Ванадис. — Мне нравятся новые места, но дорога изматывает. Я родилась у моря, но терпеть не могу корабли. От качки болит живот. Ингви любит их, видел бы ты его прежде — настоящий моряк.

Она прикоснулась к его уху губами,

— Ты же будешь хорошим мальчиком, верно?

— Я постараюсь. На нас смотрят, — сказал он, останавливая ее руку, скользнувшую по его груди.

Ванадис плавно повернула голову. Рядом с покосившейся колонной стояла Сигюн. Все такая же прекрасная, в алом платье и с алыми губами.

Йормунганд едва заметно поклонился. Ванадис подмигнула ему и направилась к Сигюн. Йормунганд предпочел уйти.

На этот раз детей Лодура посади рядом в конце стола.

Мать сидела рядом с Ньрдом во главе. По обе стороны от них — Ингви и Ванадис. Ванадис с лилиями в белокурых волосах и платье розового шелка. Ингви оделся ей в цвет и выглядел как пирог с глазурью.

Фенрира оставили в постели. Мальчик возмущался, но ему принесли столько сладостей, сколько он хотел, так что в конце-концов он смирился. Йормунганд хмурился. Он впервые много пил и молчал.

Посреди чертога стоял накрытый щитом котел с медовым пивом. Хмельной запах окутывал чертог и кружил головы, возбуждая всеобщее веселье. То и дело раздавались звонкие хлопки и смех.

— Состязание певцов, — возбужденно прошептала Хель. На этот раз ей позволили сесть рядом с братом.

— И Этельгерт всех одолеет, — сказал Йормунганд сухо.

Он хватил еще вина. На середину чертога, ближе к месту князя вышел разодетый малый и затянул балладу «Свиньи и собаки», потом была трагическая «Королевская Охота», а потом он исполнил неплохую песенку собственного сочинения. Рифма хромала, но все равно она была веселой. Припев выводил весь зал, даже Йормунганд не постыдился присоединиться к гулу голосов.

— Еееей, — воскликнул Альфедр. — Угостим же чудесного сказителя поэтическим медом!

Одобрительный гул пронесся по чертогу. Встал еще один певец. Он высоко поднял руку, чтобы все его видели.

— Незачем тратить мед на такого неуча! — закричал он. — Даже моя бабка знает песни получше, чем эти.

— Так и звал бы свою бабку петь вместо тебя! — закричал первый певец.

Раздалось несколько смешков.

— Да тебе до меня как пешком до Муспельхейма!

— Хватит болтать! — закричал кто-то. — Пой!

Певец прокашлялся, прежде чем начать, провел рукой по струнам и...

— Кошачий вой, — сказала Хель с отвращением.

В исполнителя полетели кости. Йормунганд рассмеялся, хлопая в ладоши.

— Нравится, мой господин? — спросил его подошедший Этельгерт.

— Этот парень меня хотя бы повеселил, — ответил Йормунганд.

— Вам нравятся шуты, мой господин?

— Хорошая шутка лучше плохой.

— И сами любите пошутить, мой господин?

— Хочешь, чтобы я развлекал тебя, певец?

— Не будь грубым, Йормун, — вмешалась Хель. Она протянула руку Этельгерту для поцелуя, — А вы будете петь?

— Только чтобы сделать вам приятное.

Хель зарделась, не в силах скрыть, как приятна эта простая учтивость.

— Когда же?

— Когда придет время, милая.

— Чтобы затмить всех остальных певцов?

— Чтоб гости напились и не поняли ни слова, — ответил за Этельгерта Йормунганд.

— Йормун!

Йормунганд поднял руку, отгораживаясь от упреков.

— Я... пройдусь, — сказал он вставая.

— Йормун обычно себя так не ведет, — сказала Хель обиженно глядя как он, пошатываясь, бредет между столов.

— Он не рад счастьем вашей матери.

— Да не то чтобы. Он был бы рад, если бы отец вернулся. Только в этом он и видит счастье своей матери. И свое тоже. И я была бы рада, если бы они воссоединилось, но у Лодура есть новые дети, сыновья. И они считаются...

— Законными.

Хель опять вспыхнула, на этот раз от гнева.

— Мы законные!

— По законам Ирмунсуля.

— Мы от его семени! — сказала Хель. — И это считается. Лодур наш отец, он признал нас. Где бы мы ни были, это никогда не изменится.

— Вы очень красивы, когда злитесь, моя госпожа. Щечки становятся красными, глазки загораются, и вы там мило раздуваете носик. Вы такая милая, госпожа Хель.

— Полно, мы не одни.

— Тогда. Может, уединимся?

— Я не могу вот так уйти с певцом.

— Почему? Вашего брата здесь нет, чтобы остановить нас или посмеяться над нами. А остальные ничего не заметят, какое им дело?

Хель наморщила лоб, размышляя. Она вовсе не была милой в этот момент.

— Говорят, что лучше раскаиваться за совершенное, чем за задуманное, — сказала она.

— Истинная правда.

Хель оперлась о предложенную руку, на мгновение возникла мысль, не делает ли она ошибку, но тут же прошла. Совсем скоро она вернется в Ирмунсуль, а все произошедшее здесь — не считается.

Йормунганд стоял спиной к ветру, упершись лбом в каменную стену. Только сейчас он осознал, насколько пьян. Безобразно пьян, а веселье все не приходило. Он подумал было потихоньку уйти с пира, но это выглядело бы явным неуважением к гостям, хозяину чертогов, к матери, наконец. Йормунганд догадывался, что ответной волной пришел эффект от заклинания. Он еще не умел справляться с этим, помогала лишь врожденная выносливость.

Они не заметили его, прошли мимо, держась за руки и хихикая, как дети. Йормунганд повернул отяжелевшую голову.

— На конюшню, — шепнула Хель.

— Нет, — Хароль привлек ее к себе, его глаза блестели. — Есть укромное местечко рядом с кухней.

Йормунганд подождал, пока они нацеловались, и Этельгерт потащил Хель за собой.

— То, чего ты хочешь, никогда ты не получишь, — произнес Йормунганд. Тяжелое чувство опьянения немного оставило его. Судя по громкому шуму, начались танцы, со стороны кухни раздался пронзительный крик и тут же затих. Йормунганд пошатываясь, пошел навстречу выскочившей во двор растрепанной и испуганной Хель.

— А теперь разольем мед в наши кубки, — возвестил Альфедр вставая. — Мой сын вернулся с очередной победой, привез дары и всякие диковинки. В чертоге засвистели, затопали ногами.

— Где Этельгерт? Пусть споет.

Широкие двери отворились, чтобы можно было внести новый котел с медом. Гости закричали и заулюлюкали еще громче, но вдруг над залом повисла тишина.

В огромном котле, среди медвяного напитка лицом вниз плавал мертвец. Со спущенными до щиколоток штанами. Еще до того, как его выловили и перевернули оправившаяся от шока челядь, присутствующие поняли кто это по плавающей рядом шляпе с перьями.

— Бедный Этельгерт, — произнесла Ванадис. И отыскав взглядом, пустующее место Йормунганда, добавила, — Бедная Ангаборда, ее сын все-таки нашел способ испортить предстоящую свадьбу.

— Что случилось? — спросил Йормунганд. Хель всхлипнула.

— Не знаю, — сказала она, — там никого не было, он сделал мне больно, я толкнула его. Как так получилось?

— Очень больно?

— Нет, неожиданно просто, — Хель чуть успокоилась, но ее все еще колотило.

— Так что случилось? Крышка от котла неудачно стояла?

— Откуда ты знаешь? — Хель воззрилась на него с неподдельным ужасом.

— Предположил, — Йормунганд обнял ее за плечи. В другое время она бы запросто его раскусила, но не сейчас.

— Они скажут, что это я его убила.

— Не скажут.

— С-скажут. Я его убила.

Йормунганд вздохнул.

— Приведи себя в порядок, Хель, вернись в зал и скажи, что Этельгерт хотел тебя взять силой, а я вмешался и убил его.

— Йормунганд!

— А потом устрасился того, что сделал и сбежал.

Хель смотрела на него круглыми глазами, открыв рот.

— Времени нет, сейчас внесут новый котел с пивом. Начнется суматоха, меня будут искать. Бальдер, Тиу и Ингви теперь мои должники, а значит и твои. Если понадобится, обратись к ним за помощью. На Бальдера сильно не рассчитывай, а вот Тиу и Ингви могут оказаться полезными.

— Куда ты поедешь?

— Не знаю, не домой, точно.

Йормунганд крепко обнял сестру в последний раз.

— Я люблю тебя, присмотри за Фенриром.

— Йормун!

Не нужно было напиваться, но теперь уже поздно сожалеть, подумал он. Его лошадь стояла сонная, недовольная и без седла. Йормунганд легко забрался на нее и двери конюшни распахнулись. Слуги. Йормунганд вынул короткий меч из ножен и поднял Улыбчивую на дыбы. Слуги попятились, но не разбежались. Йормунганд узнал одного, кривого на один глаз. В руках у стражника копье. Йормунганд зажмурился и дернул поводья. Острый наконечник разодрал ткань куртки, царапнул по плечу. Другой стражник замахнулся топором, Йормунганд воткнул в его шею короткое лезвие меча и не смог удержать рукоять. Она легонько звякнула вместе со стуком упавшего тела.

Улыбчивая вынесла его в двор, ворота еще не успели запереть в суматохе и Йормунганд просто смел толпившихся там людей. В висках стучало, и никогда в жизни ему не было так страшно. Люди шарахались и кричали, Йормунганд неся по городским улицам и сеял разрушения. Городские ворота оказались запертыми, а хмельной привратник дремал, положив голову на сгиб руки. Не перепрыгнуть, ни выбить их не представлялось возможным.

Йормунганд стащил с пальца золотое кольцо и бросил подскочившему помощнику

привратника.

— Открывай! — коротко бросил он. Тот повиновался, сдернул с пояса стража ключи и принялся неловко пристраивать к замку.

— Быстрее, ну!

Шум нарастал. Йормунганд нащупал кинжал и приготовился отражать атаку. И тут помощник справился. Скрип отворяющихся ворот казалось заполнил собой весь мир. Йормунганду не пришлось понукать нетерпеливо переступающую Улыбчивую.

За воротами темнота, казалось, поглотила все звуки. Йормунганд даже оглянулся, чтобы убедиться, что все происходит на самом деле. Позади поднимали и оттаскивали людей, потоптанных Улыбчивой. Несколько человек припустили за ним бегом, но уже остановились, осознав, то это бесполезно. Еще пара минут, и появится конная погоня. Всего пара минут на панику.

Сложив знак отводящий взгляд, он свернул на кромку дороги. Дышать было трудно, но Улыбчивая уже успокаивалась понемногу и Йормунганд тоже старался успокоиться. Мимо пронеслась погоня. Йормунганд прикрыл глаза и как будто растворился вместе с Улыбчивой в сгущающемся мраке. Главное не поддаваться острому желанию броситься прочь. Не привлекать к себе внимания. Йормунганд повернул в сторону редкой чащи за которой простирались луга. К утру он должен быть как можно дальше отсюда. Не бежать, просто ехать. Если его все- таки заметят, никакая магия не сработает. Не бежать.

Как быстро все произошло, думал Йормунганд, и как неправильно. Сестра оказалась рядом, Йормунганд не сомневался, что его бегство отведет от нее обвинения. Он беспокоился о Фенрире, но после смерти Этельгерта, Йормунганд не сомневался, что брат быстро пойдет на поправку. Может быть, подумал он, все можно было организовать другим способом, найти иной выход, чтобы не носиться сломя голову в потемках. И куда теперь ехать? Если его захотят найти, дороги в Ирмунсуль перекроют, в этом он не сомневался. Земли к востоку и югу от Гладшейна он не знал, если ехать на запад, то можно выехать к землям Ньрда на побережье, но Йормунганд не хотел. Оставалось положиться на случай.

Утро застало его спящим в седле. Улыбчивая брела, опустив голову и пощипывала травку у обочины дороги. Йормунганд выпрямился, все тело болело и ужасно хотелось пить. Голова кружилась, может быть от пережитой погони, а может, наступило похмелье.

Вокруг ни души. Йормунганд поразился тишине леса, будто даже птицы вымерли или затаились, нахохлившись, на ветвях огромных вязов. Любопытные лисьи мордочки не высовывались из травы, посмотреть, чем бы поживиться. День обещал быть безветренным и жарким.

Йормунганд не представлял, где находится, и только надеялся, что подальше от Гладшейна. Он спешил и поколебавшись, прилег на дорогу. Дядя как- то говорил ему, что прижаться ухом к земле — верный способ узнать, есть всадники поблизости или нет. Йормунганд честно извальялся в пыли, но так и не понял, преследуют его или нет.

На всякий случай он завел Улыбчивую в сторону от дороги в лес, привязал ее и присел рядом. Боль все не уходила, да и валяние в пыли еще больше раззадорило жажду. Йормунганд прикрыл глаза, опрометчиво так часто прибегать к помощи магии, подумал он и снова уснул.

Ему снились кошмары.

Ему снилась высокая нагая Ванадис, с редкими седыми волосами, руки ее дрожали от старческого артрита, голова ушла в плечи, опрокинув тело вперед. Глаза выцвели,

пожелтевшие белки чуть не сливались с поблекшей радужкой. Рот ввалился, по обе стороны от него залегли глубокие морщины. Грудь обвисла, руки как сухие веточки, ноги как палочки. Вокруг разносился нежный запах яблок. Ванадис протянула ему пригоршню яблочного сидра в сложенных ладонях, они дрожали, сладкие капли сочились между пальцами. Йормунганд потянулся и сделал глоток.

— Хороший мальчик, — проскрипела она.

Сидр оказался холодным. Ледяным осколком он застрял в его горле так, что казалось, разрежет его изнутри. Йормунганд закашлялся, сился вытолкнуть его из себя. Его согнуло, рука слепо зашарила в прошлогодней листве, цеплялась за корни, пока второй он колотил себя по груди.

— Эй, парень, что с тобой? — его похлопали по спине так, что чуть дух не выбили.

— Слюной, что ль, подавился? — участливо спросил непрощеный спаситель.

— Угу, — буркнул Йормунганд, и добавил. — Спасибо.

— Ты кто и откуда будешь? Говоришь как-то чудно. Чего спишь тут под деревом?

— Я Йормунганд из Ирмунсуля, — сказал Йормунганд, протирая глаза. Голова все еще тяжелая, горло саднит. — Найдется у вас вода?

— Найдется, Ирмунгард, — мужик отстегнул флягу. Вода теплая, противная на вкус, но Йормунганд пил большими глотками, ненадолго отрываясь, чтоб вдохнуть воздух.

— Мня Висбуром зовут, — сказал мужичок, — я служу Ларс-Эрик Эллингсен, хозяину здешних холмов. Вон его дом, за двумя холмами отсюда. Не к нему ли ты едешь, Ирмунганд?

Йормунганд отрицательно помотал головой. Он наконец- то утолил жажду.

— Далеко отсюда до Гладсшейна? — спросил он.

— Да не, день езды. Если через речку, через брод, то и полдня.

— А где он, в какой стороне?

— Там, — Висбур указал направление.

— А что в той стороне? — Йормунганд показал в противоположное.

— Да как же ты сюда попал, господин? — спросил Висбур.

— Заблудился. Ехали из Ирмунсуля и думал обогнуть Гладсшейн, чтобы быстрее вышло.

— Не вышло, — Висбур усмехнулся, — А куда следуешь?

— В Гардарику, — сказал Йормунганд первое, что пришло на ум.

Висбур расхохотался.

— Не хочешь говорить, не говори, — сказал он. — Ты извини, но тебе придется наведаться в гости к моему господину.

— Я ведь не могу отказаться?

— Нет, не можешь.

Висбур напоминал дерево, высокий и смуглый, с обветренной кожей и широким приплюснутым носом. Лицо его украшала короткая коричневая борода, а волосы прикрывала платяная шапка странного покроя, которого Йормунганд раньше не видел, напоминающая женскую косынку завязанную сзади, только с козырьком впереди. Его боевой конь оказался приземистым, с широкими копытами и густой гривой. На таких обычно пашут или впрягают в телеги, но не сражаются конными. Хотя в способностях Висбура как воина Йормунганд несколько не сомневался.

За короткую дорогу Висбур расспрашивал Йормунганда о семье и зачем тут собрался в Гардарику. Йормунганд отделялся общими фразами, спешно соображая как бы половчее соврать и какую историю придумать для хозяина Висбура — Ларс-Эрика Эллингсена. Зато

долго и с удовольствием рассказывал про Ирмунсульт и про дорогу до Гладшейны. Висбур кивал и удивлялся, как хорошо Йормунганд говорит на местном языке, хоть и с акцентом.

Сам Йормунганд своего акцента не чувствовал, ему вообще казалось, что говорит он лучше прочих только на нем с детства и говорящих. Хель, вспомнил он, сказала как-то, что он слишком тянет гласные, но Йормунганд относил это скорее к особенностям речи, чем к акценту. Сам Висбур говорил фразами обычными, но у него они получались как будто рубленные, короткие и резкие, при том еще и просторечные. Йормунганд старался говорить так же, подстраиваясь под речь собеседника. Поэтому ли, почему-то еще, но Висбур скоро проникся симпатией к собеседнику и сам начал рассказывать Йормунганду про хозяина, про житье-бытье и про неведомую напасть, от которой в чертогах не стало житья.

— Страшно стало, понимаешь, страшно, — вздохнул Висбур. — Я не скажу плохо ни про хозяина, ни про дружину, все люди проверенные, но тут... Сначала мелочи, то тут какая-то баба что-то черное увидит, промелькнуло, то там, то козлу рога оторвали, то собаку выпотрошенную нашли. Приятного мало, но и убыток небольшой.

— А потом стало только хуже? — предположил Йормунганд.

— Верно говоришь, сразу видно, ученый ты человек. Дети стали пропадать. Их находили потом, изуродованных, частью съеденных. Сельчане собираются, ропщут, но пока тихо. Хозяин прислал отряд, пошуровали маленько, но так и не нашли никого. На время успокоилось. А потом, ни с того ни с сего, выпотрошили семью из шести человек. Хорошие люди были, — Висбур опять вздохнул, — кузнец, дед его, жена, ну и ребятишки один другого меньше. Хороший кузнец, как с ним сладили, не пойму, он, хех, дюже здоровый мужик был. Так лошадей подковывал, ты бы видел! Прямо чуть ли не на бегу мог подковать, лошадь и не чухнет. Тяжко без него.

— К кому обращались за помощью? — спросил Йормунганд. Он уже догадывался, что будет дальше.

— А как же, — Висбур усмехнулся, — За убийство твари хозяин земель назначил награду.

— А Дочери? Они что-нибудь сделали? То есть, тварь ведь может быть магической, проклятие или чей-то морок. Бывает такое, что человек не помнит, что творит.

— Пришла пара дев, походили, посмотрели, сказали, что не их это дело, и что хозяин земель сам повинен за свалившуюся на него печаль, да и убрались восвояси. И Дочь, что в деревне жила, с собой забрали. Она упиралась, бедняжка, да где там.

— Судя по твоей истории, она еще не закончена и счастливого конца не предполагает.

— Твоя правда. Сначала потянулась шелупонь всякая, искатели приключений, любопытные, охотники, просто кому деньги были нужны. Ставили капканы, ловили на живца, выслеживали. И отряд тут же был, никуда не уходил. Думали, хотя бы присмирее, не рискнет народ резать. Сначала умирали неосторожные. Тварь расправлялась по одиночке, выслеживала охотников скорее ради забавы, чем из защиты. И отчасти — от голода. Трупы находили с вывернутыми руками и ногами, с обгрызенными лицами. Охотники и разбежались. Остались только самые отчаянные.

А потом была резня в таверне, — сказал Висбур. — Я там не был, мне рассказывали. Про кишки с потолка, кровь повсюду, некоторых тел недосчитались, будто он их целиком съел, жуткая картина, говорят.

— Вот скажи мне, на что это похоже, а? — Висбур рубанул ладонью воздух.

На сказания, подумал Йормунганд, на страшные истории, которые рассказывают друг

другу воины у костра перед битвой. Про чудовищ пожирающих людей, про болотных тварей, про троллей, про альвов, про великанов, про жителей Ирмунсуля. Люди, в общем-то, и не удивляются, когда что-то подобное происходит на самом деле.

— И сколько времени уже прошло? — спросил Йормунганд.

— Аккурат седьмой день. Хозяин посла меня к Альфедру, попросить подмоги, но им не до наших бед сейчас.

— А что случилось? — спокойно спросил Йормунганд.

— Так ты ж сказал, что с Гладсшейна едешь и не знаешь? — поразился Висбур.

— Я заблудился и не доехал до Гладсшейна, — напомнил Йормунганд.

— Верно, верно. Суматоха там, любимый скальд госпожи Фригги в пиве утоп. В прямом смысле, хехе. Гнилой был человек, не жалко, но доподлинно известно, что убил его пришлый ирмунсулец богопротивным колдовством своим. Прямо на пиру, презрев законы гостеприимства. Как подумаю, так прямо зло берет. Ирмунсулец тот думал, что с рук ему все сойдет, и сбежал, в чем был. Тем и признался.

Я даже больше скажу. Хотел тот ирмунсулец убить вовсе не скальда, что ему скальд? А князя, — Висбур поднял палец кверху, подчеркивая важность сказанного, — Князя, подумай только, а дотянуться смог только до скальда. Понял, что опростоволосился и сбежал. Даже подельника своего оставил.

— Подельника? — удивился Йормунганд.

— Ага, тип какой-то и Гардарики. Врет, наверное, нет такой страны, а если и есть, то живут там люди с песьими головами.

Йормунганд не выдержав, фыркнул.

— Зря смеетесь, — сказал Висбур, — если и живет там кто, так только твари, типа той, что сейчас деревню истребляет.

Впереди показалось громоздкое деревянное строение покрытое сверху потемневшими от дождей и времени щитами.

— Приехали, господин, Ирмунгад, — сказал Висбур. Он помахал, подзывая к себе двух вооруженных людей стоящих на страже у дороги, — Теперича не сбежите, господин Ирмунсулец.

Йормунганд пожал плечами. На него оказались направлены два лука стражей и боевой топор Висбура.

— Один-то я вас не стал скручивать, дай, думаю, сам доедет, — сказал Висбур, нехорошо усмехаясь, — А теперича такой надобности нет, доставим вас в Гладсшейн в лучшем виде. А то и тварюге скормим, вдруг подавится.

— Вы ошибаетесь, — мягко сказал Йормунганд, — принимаете меня за кого-то другого.

— Увидим, — сказал Висбур.

Йормунганд ожидал худшего обращения.

Строение оказалось дальше, чем казалось на первый взгляд. И больше. На Йормунганда произвели впечатление и огромные вкопанные в землю столбы и стены из сплошных досок. Мало кто решался строить для себя жилище подобным образом. Люди продолжали селиться там, где до них уже жили другие люди. Здесь же и строение с крышей из щитов, и деревянный забор из погнутых ветвей указывали на то, что раньше ничего тут не было, только лес, да может быть редкие полянки.

Сбоку от чертогов высилась маленькая башенка Дочерей, повторяющая ту, что была в

Гладшейне. Миниатюрный шпиль и белые стены придавали вид общей композиции одновременно и милый и комичный.

— Вы же сказали, что Дочери убрались из округа, — сказал Йормунганд прищуриваясь.

— А что? — спросил Висбур, взгляделся и тут же хлопнул себя по бедру, — Замену прислали! А я уж думал, что не посмеют, испугаются твари. Хе-хе, девчонки-то посмелее мужиков бывают.

Рядом с башенкой стояла фигурка в белых одеяниях, с покрытой головой, и смотрела в их сторону, приложив руку к глазам. Йормунганд еще не мог разглядеть ее лица, но уже догадался, кто это. Быстро же его поймали. Не успел спрятаться. Он обругал себя последними словами. Теперь выдать себя за кого-то другого будет невозможно.

Покрывало Дочери развивалось от ветра, надувалось вокруг нее белом ореолом. Дочь то и дело поправляла его и безуспешно старалась придержать рукой.

— Где ты еще сыщешь таких красоток, — сказал Висбур, — как ни среди Дочерей. Что они такие все рождаются, что ли?

— Магия, — казал Йормунганд. Не смотря на эскорт, он не чувствовал враждебности Висбура. Если бы не два лучника, он бы даже попробовал договориться или убежать.

— Магия, — пробормотал Висбур. — На кой нужна эта магия, если даже одну паршивую деревню защитить не может?

Эту Дочь Йормунганд видел впервые. Она же как будто узнала его, окинула недобрый взглядом черных глаз и поздоровалась с Висбуром, игнорируя всех остальных.

— Айе, девушка. Айе, — произнес довольный Висбур, — как приятно с вами свидеться. Дорога была не слишком утомительной? Вы с сопровождением или одна? Как вам новая резиденция? О, Лунолика! Мои манеры! Я Висбур — лесничий господина.

— Рейнглейв, — холодно представилась Дочь, — по поручению достопочтенной Ванадис. Прислана сюда решить вопрос поимки опасного преступника... Но, вижу, вопрос этот, — она снова посмотрела на Йормунганд, — решить будет не сложно.

— Хей, — сказал Висбур, — а как на счет нашего вопроса? Мы уже не один раз требовали расследования причин появления странной твари в нашей округе и как эту тварь можно устранить.

Рейнглейв поджала губы,

— Я не уполномочена...

— Ну уж нет!

— Я не уполномочена решать с вами подобные дела. Поговорим с вашим господином.

— Хорошо, но он умеет настоять на своем, это вы учтите.

— Учту.

— Вот и славненько. Почему вы тогда вообще здесь стоите, а не у Ларс-Эрик Эллингсена?

Рейнглейв чуть видно покраснела.

— Меня не извоили принять.

Висбур пожал плечами,

— Послеобеденный покой, спит еще.

Хозяин Висбура оказался тучным господином лет пятидесяти. Про Йормунганда как будто все забыли, кроме двух лучников из стражи. Стрелами ему больше не грозили, но зарезать при попытке бежать могли запросто. Так что рыпаться не имело смысла.

Йормунганд задумался было, почему слуги в этих землях отличались таким рвением в службе, но тут перепалка между хозяином и Дочерью начала набирать обороты.

— Да это же невозможно так жить! — орал Ларс-Эрик Эллингсен, разбрызгивая слюну. — Люди бегут, крестьяне напуганы!

— Так усильте охрану, прикажите крестьянам вооружиться! — твердо ответила Дочь.

— Охрану? Ты, девочка, думаешь, у нас мало охраны? Даже воины напуганы.

— Такие у вас воины.

Хозяин задохнулся,

— Эта тварь, — сказал с нажимом, — имеет магическое происхождение. И вы знаете историю о покинутой Дочери в болотах. Тварь пришла оттуда. Это ваша вина, что погибли люди. Это на вас их кровь.

Рейнглеив вздернула подбородок,

— Не надо перекладывать ответственность на последовательниц Луноликой. Вам не в чем упрекнуть нас, мы не подчиняемся вам, мы не обязаны решать ваши проблемы.

— Тогда мы не обязаны содержать ваши притоны! — рявкнул хозяин. — Ни медяка больше не получите от моих земель.

Рейнглеив стиснула зубы,

— Я доложу госпоже Ванадис, — наконец сказала она. — Мы обсудим ваш вопрос. Я прибыла сюда не за этим. Этот человек, — она указала на Йормунганда, — убийца и бежал от правосудия. Я требую выдать его и организовать конвой.

— С каких пор Альфедр присылает мне приказы через шлюх? Пусть пришлет свой отряд, тогда и поговорим. А заодно обсудим и «наш вопрос», как вы говорите.

Рейнглеив побледнела.

— Вы не смеете, — начала она.

— Ты тут одна, девочка, — сказал Ларс-Эрик Эллингсен внезапно мягким голосом.

Рейнглеив развернулась и прошла к выходу, на Йормунганда даже не взглянула.

— Задержите ее, — сказал хозяин, едва она скрылась за порогом. Висбур кивнул и скрылся вслед за Дочерью.

— Таак, — сказал хозяин. — Ну и что ты натворил?

— Ничего, — сказал Йормунганд.

— Я могу вытянуть из тебя признание, — заметил Ларс-Эрик Эллингсен.

— Меня обвиняют в убийстве скальда, — сказал Йормунганд, — Якобы я наложил на него проклятие, и тот, поэтому упал в чан с пивом.

— Даже так? И ты не виновен?

— Я считаю, что проще было бы столкнуть его в чан с пивом, чем накладывать проклятие.

— Ты знаешь толк в магии? Откуда ты?

— Из Ирмунсуля. Кое-что знаю, но вряд ли превзойду самую малую из Дочерей.

— Заприте его, — сказал хозяин. — Я подумаю, что с ним делать.

Йормунганда увели.

— Кто это? — шепнула Эмилие, дочь Висбура, на ухо своей товарке.

— Не знаю, госпожа. Вы слышали, Дочь назвала его убийцей и чародеем.

Эмилие улыбнулась кончиками губ. Лицом она напоминала отца. Крупная, с высокой грудью, чистой кожей и румянцем, Эмилие походила больше на степенную мать семейства,

а не на старую деву. Висбур по поводу незамужества дочери переживал, а матери, похоже, все равно. Есть у Эмилие и брат, высокий и худой Аска, по которому сохнут окрестные девки. И он не спешил жениться, хотя дети, по слухам, уже имелись

— Он мне кое-кого напоминает, — сказала она, — Кое-кого очень важного, кое-кого очень хитрого и могущественного.

— Кое-кого столь же молодого и пленительного.

— Молодого — нет, а пленительного — очень.

Эмилие минуло уже тридцать зим, она все еще была не замужем и про нее ходили разные слухи. В молодости она хотела стать Дочерью, властная мать воспротивилась ее желанию. Эмилие до сих пор винила мать в собственной сломанной судьбе. Не признаваясь, что просто на просто нашла удобное оправдание собственной склочности и неуживчивости. Хотя, есть немало примеров, когда замуж берут и таких.

Йормунганда провели мимо. Эмилие проводила его взглядом и незаметно выскользнула из зала. Ничего интересного больше не произойдет.

Господский дом считался замком лишь условно, его построили не на месте древних строений, там не было громадных подземных сооружений, которые так удобно использовать под тюрьмы и пыточные. Стены из крепких бревен, крыша покрыта берестой и дерном, внутри просторно, но темно и душно. В таких, только попроще, живет обычный люд, те, что селятся на отшибе семьями, а не обитают в городе или деревнях. В доме Ларс-Эрик Эллингсен есть погреб, но в нем хранят припасы: мешки с зерном, соленья в деревянных кадках, репу в ящиках, вяленое мясо. Узников уводили в сарай за домом, и держали там недолго, хозяин скор на расправу, а потому и удобств никаких. Невинového скоро опустят, а смертнику не нужны.

Пользуясь своим положением дочери доверенного Ларс-Эрик Эллингсен, Эмилие могла ходить где хотела, только не попадаясь на глаза хозяину и его семье. Вскоре на поясе у нее появилась связка ключей, и она уверенно руководила хозяйством вместо бледной и тяжелой на подъем госпожи.

Мальчика с рыжими волосами как раз втискивали в узкую дверь сарая. У него уже отняли кинжал. Тидранди как раз примеривался к рукояти ирмунсульской работы, в виде птичьей головы.

Эмилие подождала, пока мальчика запрут. Ничего нового, обычный навесной замок. Пока Дочь, отец и хозяин поместья заняты, она может хоть немного поразвлечься. Славный мальчик, симпатичный.

Йормунганд сидел в углу на полусгнившей соломе, поджав ноги. В сарае холодно и он плотнее закутался в плащ. Брошку отобрали вместе с оружием, так что пришлось придерживать плащ руками. Когда дверь открылась и, звякая ключами, в сарай вошла округлая барышня, Йормунганд мигнул от удивления. Девушка не была похожа на Дочь, скорее на хозяйку дома, на этот статус указывала и связка ключей у нее на поясе.

— Айе! — сказала она, склонив голову на бок.

— Айе, — ответил Йормунганд. Он выдержал паузу и спросил:

— Что? Чем обязан, госпожа?

Эмилие нахмурилась. Ее появление не произвело того впечатления, на которое она рассчитывала. Парнишка не смотрел на нее с надеждой, не сглатывал слюну и даже не обратил внимания, на ее призывно раскрытую грудь, которая чуть не вываливалась из-за

выреза платья. В полутьме он показался ей еще моложе, с большими зелеными глазами и острым худым лицом.

— Ты, значит, убивец? — сказала она.

Йормунганд не опустил глаза.

— Так говорят, — сказал он.

— И как тебя зовут?

— Йормунганд из Ирмунсуля, — сказал рыжий пленник.

— Ирмунгард, — сказала Эмилие, — ну и имена у вас, там, откуда ты родом.

Йормунганд тем временем осторожно заглянул ей за спину. Дверь оставалась открытой, всевозможные ключи висели на поясе у внезапно появившейся в его сарае девки, и, похоже, охраны не было. Эмилие не торопясь, подошла к нему и подняла голову за подбородок, так, что он оказался на уровне ее груди.

— Худой ты какой-то, — констатировала она. — Но ничего, сгодишься.

— На суп? — попытался улыбнуться Йормунганд. Он все еще не понимал, что ей от него надо.

— Это как повезет, — хохотнула Эмилие и смачно его поцеловала.

Рыжий под ее натиском жалобно пискнул и сжал зубы. Она была куда старше и крупнее его. Он отчаянно забарахтался, но получалось только мять ее огромную пышную грудь, которая все-таки вывалилась во всем богатстве. Эмилие повалила мальчика и устроилась сверху, деловито стягивая с него штаны. Йормунганд выгнулся, стремясь спихнуть ее с себя, но Эмилие только игриво расхохоталась.

— Ууу, какой прыткий, — она уже дергала шнуровку на его штанах. Йормунганду кровь бросилась в голову от мысли, что сейчас произойдет. Он отвернул лицо, и судорожно шарил взглядом по тесному сараю. Здесь почти ничего не было, солома и помойное ведро у стены. Эмилие пытаясь разорвала узел. Ровные деревянные стены. Задрала юбку. Упирающийся Йормунганд задел рукой что-то холодное металлическое. Связка ключей болталась у Алины у пояса. Йормунганду пришлось призвать все свое самообладание.

Он ударил ее металлическим кольцом с ключами в висок, недостаточно сильно, чтобы убить, но тело ее обмякло, а глаза закатились. И Йормунганд оказался придавлен огромной женской тушей, из-под которой, оказалось, совсем непросто выбраться. Он подумал было позвать на помощь, но дверь сарая в этот же момент скрипнула, и свет в проеме заслонила большая фигура Висбура. Замешательство длилось несколько секунд.

— Сюда! — крикнул Висбур властным голосом. Йормунганд услышал тяжелый топот ног. И на Йормуна оказались нацелены штук пять самострелов и мечей. Эмилие помотала головой и к вящему облегчению Йормунганда слезла с него.

— Так это он? — спросил молодой и конопатый воин.

— Молодой еще, — добавил другой.

Грузный Ларс-Эрик Эллингсен встал за спинами стражи, с сомнением посмотрел на прикрывшуюся нижним платьем дочь своего поверенного.

— Он оборотень, — выпалила Эмилие. — Точно говорю, оборотень.

Мечи и стрелы надвинулись на Йормунганда еще враждебнее.

— Нет, — сказал он, поднимая руки, — нет, нет.

— А еще он говорил с каким-то демоном, которого я не видела, — сообщила осмелевшая Эмилие, — А еще... — она всхлипнула.

— Ты изнасиловал мою дочь, — тяжело сказал Висбур.

— Нет, — сказал Йормун.

Висбур замахнулся мечом, Йормунганд зажмурился, ожидая удара

— Одежда-то не порвана, — произнес в этот момент кто-то. Йормунганд не успел заметить кто.

Хозяин остановился и уставился на Эмилие.

— Он принудил меня, — сказала она, заливаясь краской.

Йормунганд подумал было, что спасен, но тут же провалился в темноту.

Он очнулся на холодном полу, с дикой головной болью.

Йормунганд попытался устроиться поудобнее, но боль во всем теле тут же дала о себе знать. Не желая прибавлять себе страдания, он прикрыл глаза и впал в полузабытье.

Проснулся он от чувства тяжелого голода. Хотелось в туалет. С усилием приподнявшись, он оглядел свою камеру — обычную каморку два на два. В углу стояло ведро от которого воняло. В углу находилась сносная лежанка и даже низкий, основательно запертый, сундучок. В коморке кто-то жил, прежде чем здесь закрыли Йормунганда.

— Надо же, — усмехнулся он про себя, — со всеми удобствами.

— Оооой! — закричал он сам удивляясь своему внезапно охрипшему голосу. — Ооой, есть кто?

Дверь открылась без скрипа, на пороге стоял огромный тюремщик с низким лбом и маленькими злобными глазками. Йормунганд постарался проявить дружелюбие.

— Айе! — сказал он, — не знаешь, долго меня будут здесь держать?

Тюремщик смачно сплюнул. Он спал, Йормунганд понял это по его красным глазам, и был сейчас не в духе.

— Поесть то мне можно? — быстро и с надеждой спросил Йормунганд.

— Нет, ужин ты проспал, нечисть.

— Могу наложить чары на какое-нибудь твое оружие, будет бить без промаха.

Тюремщик вновь сплюнул.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Еще раз вякнешь, и я наложу кулак на твои белые зубки. Бьет без промаха.

Да тут у нас остряк, подумал Йормунганд.

Он подумал о Ванадис с ее яблоками. И вспомнил ее «прощай». Они не были близки, но он уже начал считать ее своим другом, других то у него все равно не было.

Итак, он лишился ее поддержки, вляпался в историю и распрощается с жизнью, скорее всего в полдень при большом скоплении народа. Он задумался о том, чтобы сократить время ожидания смерти. И за подобными мыслями задремал.

Пробуждение его было грубым, он вскинулся и часто моргая уставился на свет факела. На него смотрел Ларс-Эрик Эллингсен бледный как смерть. Йормунганд попятился. Вошел воин и, взяв его за шкуру, поставил на ноги.

— Пойдем, — бросил хозяин и пошел впереди. Йормуна окружили по бокам, и повели за ним.

На этот раз все было даже хуже чем в предыдущий. Кровь и кишки лежали повсюду и Йормунганд оторопело уставился на темноволосую голову лежащую прямо на пороге, шей вниз. Казалась, девушка просто вросла в дощатый пол. Казалось бы. Если бы ее тело не лежало рядом, с раскинутыми в стороны руками, в покрасневших жреческих одеждах.

— Это не я, — сказал Йормунганд едва слышно.

Хозяин тяжело посмотрел на него.

— Я уже допросил тюремщика.

Йормунганд кивнул.

— Да, он видел меня ночью, подходил к моей камере. И клянусь, я не чудовище!

Йормунганд помедлил и добавил:

— И сочувствую вашему горю.

Хозяина передернуло. Йормунганд выдохнул.

— У тебя есть выбор — умереть в полдень или расправиться с чудовищем.

— Что?!

— Ты знаешь руны и, говорят, умеешь убивать.

— Эммм..

Спустя бесконечно долгую паузу Йормунганд кивнул.

— Я знаю тебя, — прошептал хозяин чертога наклонившись к Йормунганду, — Я знаю кто ты, и одного этого достаточно, чтобы перерезать тебе горло тут же. Прямо сейчас и смотреть, как ты умираешь. А теперь скажи, можешь ты убить чудовище?

Йормунганд молчал.

— Значит, не можешь?

— Я не знаю.

— Не знаешь?

Йормунганд посмотрел ему прямо в глаза.

— Я готов избавить тебя от кого пожелаешь, если ты отпустишь меня и дашь пройти через твою землю. И я никого не насиловал. Она сама пришла.

Хозяин вlepил Йормунганду звонкую затрещину и подал знак своим людям. Йормунганда подхватили и потащили обратно в камеру.

— Ночью тебя выведут в пиршественный зал, — сказал хозяин, — и посмотрим, кто выживет.

— Будьте готовы, — Висбур сделал знак своему отряду. Хозяин чертога предпочел остаться наверху, в безопасности. Висбур презирал этого труса. Воины разделяли его чувства. Колдун в зале сидел тихо, наверное, и пошевелиться не мог от страха.

Воин сглотнул. Он видел на что был способен Уле, и видел его останки. Не утешало и то, что погибнет он вместе с такими же двадцатью смелыми и вооруженными ребятами. Где-то на окраине сознания билась мысль — а если колдун справится? Как никогда он желал удачи колдуну.

Дагни кусал губы, Эмилие нравилась ему, не смотря на распутство и вздорный нрав. Каждого ее потенциального ухажера мог ждать незавидный конец от несчастного случая. И если на то пошло, то он предпочтет отдать монстру погань, который чуть не взял его возлюбленную силой. О да, пусть чудовище явится и избавит его от хлопот.

Люнгни не верил в монстра, он считал, что все жертвы перебили друг друга сами или это работа какого-нибудь психа, и вообще, худший монстр на свете — это человек. Иногда его сослуживцам хотелось проломить ему голову.

Хазар мечтал стать героем, или присоединиться к какому-нибудь героическому отряду и вместе с ним сражаться против тварей. Он уже слышал про прославленного воина Беовульфа и собирался отправиться на его поиски, чтобы вступить в дружину. А потом вернуться вместе с ним и стать героем.

Той же ночью Йормунганд сидел за пустым пиршественным столом. На коленях лежал меч, отливая золотом в свете единственной зажженной свечи. Хозяйка замка не сочла нужным тратиться. Перед Йормунгандом стоял кубок с прокисшим вином. Йормунганд не отрываясь смотрел в пустоту перед собой.

В любой момент может ворваться монстр и разорвать его на куски. Йормунганд зажмурился. В любой момент. Он ощущал собственное тяжелое дыхание, сердце билось. В любой момент он умрет.

Дело не в том, что он не готов к смерти. Тяжело ждать. Он представлял себе как это будет, как дверь слетает с петель, как свеча гаснет под порывом воздуха, как тяжелый низкий рык раздается в темноте. Магия хорошая штука, которой можно убить любого. Только есть загвоздка — смерть наступает неотвратно, но не мгновенно, в этом преимущество меча перед заклинаниями. Йормунганд стиснул руки перед собой и положил на них голову.

Ему приснился лабиринт из серого камня и круглое как блюдце озеро посередине.

На рассвете Висбур вошел в зал один. Весь его отряд уснул, так и не дождавшись утра. Он медленно приблизился к столу, где красное пятно расплылось по столешнице. Вино капало на пол из перевернутого кубка. Колдун исчез.

Ночи становились все холоднее, лунный цикл повторился несколько раз, пока Йормунганд старательно обходил крупные человеческие поселения на пути. Его не оставляло чувство, что за ним следят. Ванадис являлась ему во снах и сны не были счастливыми. Чем дальше Йормунганд уходил на юг, тем сильнее его мучила тоска по родным. Лежа под звездным небом и безотчетно глядя вверх, он думал о том, поправился ли окончательно Фенрир, справляется ли Хель, оказался ли удачным новый брак матери. Теперь, думал он, грустно улыбаясь, с Ванадис его и в самом деле связали родственные узы.

Волосы Йормунганда отросли и выгорели на солнце, подбородок покрыла редкая пушистая борода. В Ирмунсуле принято брить бороду и срезать волосы, однако отец оставлял усы. Матери они нравились, она щипала отца за ус, когда была в хорошем настроении и...

Йормунганд отгонял мысли о прошлом. Прошрое это прошрое, нечего о нем думать.

Полнолуние считалось временем ведьм, однако, новолуния люди тоже боялись, с ним приходила тьма по ночам. Йормунганд накладывал особо сильные чары только в новолуние. С ростом луны они только крепили.

Оружия и немногочисленных ценностей он лишился у Ларс-Эрик Эллингсена. Ему оставили лишь амулет на шею, подарок Хель, и только потому, что он убедил Ларс-Эрика, что без амулета чудовище не одолеть. Его и так оказалось не одолеть, неудивительно, что Дочери отстранились. Тут, Йормунганд не сомневался, нужен не колдун, а герой. Когда Фенрир подрастет, он станет таким героем, но не Йормунганд.

Во время путешествия одежда Йормунганда истрепалась. Куртка на плече зашита грубыми стежками, а сапоги прилегли к ногам как вторая кожа. Край синего плаща топорщился бахромой. Но случайные попутчики и жители деревень, куда Йормунганд все-таки заглядывал, все равно угадывали в нем благородное происхождение. Была ли тому причиной прямая спина, не согнутая непосильной работой, или то, как тщательно он подбирал слова, прежде чем обратиться даже к крестьянину, а может быть, здесь считали, что чужеземец априори важная персона. Слова же приходилось подбирать, потому что Йормунганд с трудом мог объясняться на местных диалектах. Бывало, что две ближние деревни разговаривали на разных языках.

И чем дальше, тем больше Йормунганд начинал бояться, что проведет жизнь обычного бродяги. Ничего так, приключение.

Он вспомнил парня из Гардарики. Теперь Йормунганд понимал, как нелегко тому пришлось, но у него хотя бы была конечная цель. Почти невозможная, но понятная. Йормунганд же старался выжить, только и всего.

В одной из деревень посчастливилось раздобыть шляпу и нож. Теперь на привалах Йормунганд вырезал из кусочков ясеня новые руны. Прежние, из чароита, остались у людей Ларс-Эрика, и, скорее всего, уже проданы предприимчивыми стражниками. Ясеньевые, да еще сделанные собственной рукой, послужат не хуже. В неверном свете костра Йормунганд повертел в пальцах только что законченную руну Перт. Руна игроков и целителей. Зажал в кулаке, вытянул руку вверх — звездное небо безразлично к жестам.

— Я Йормунганд из Ирмунсуля, — сказал Йормунганд, — сын Лодура, сын Ангаборды.

зачем я вообще здесь оказался?

Никто не мог сказать точно, что все-таки произошло в тот день.

— Пусть заберут тебя тролли! — закричала седая старуха вслед бродяге в синем плаще и сдвинутой на лоб шляпе.

Йормунганд усмехнулся. С троллями он уже встречался.

— Если кого и заберут, то тебя! — крикнул он. — Им твои старые косточки точно придутся по вкусу!

Старуха сделала знак, отводящий нечистую силу, и сплюнула. Странно, но Йормунганда ее жест развеселил. Голодный и в лохмотьях ранним утром он подходил к городку Гвендалин. Деревни в округе выглядели беднее всех других встретившихся ему на пути, но жители имели праздный вид. Йормунганд прикинул было, что можно обменять на еду, но в итоге просто украл краюху хлеба оставленную стынуть на окне. Он подумывал украсть и лошадь, чтоб больше не ходить пешком, но деревенские клячи оказались одна другой хуже. Да и Гвендалин уже совсем близко, зловоние от выливаемых на улицу ночных горшков разносился по округе. За городскими стенами лепились лачуги мастеровых и бедняков, рядом с грязной вытекающей из города рекой раскинулась лесопилка.

Чем дальше он уходил, тем больше понимал, насколько самоубийственным было решение не возвращаться в Ирмунсуль сразу же. Там у него хотя бы есть союзники, дядя, земли, которыми владела мать и которые должны были перейти к нему. Там ему есть куда идти. Здесь же ни его имя, ни он сам ничего не значат. Разве что, Йормунганд усмехнулся, с тех пор как за его голову объявили награду, ценность его возросла.

Городские ворота оказались закрытыми. Йормунганд постучал, вышел щуплый старикашка и без разговоров кивнул следовать за ним. Йормунганд подчинился, оружия кроме ножа при нем не было, так что и сдавать городской страже было нечего.

В сторожке у ворот оказалось натоплено, а кроме старичка там сидели несколько бравых стражей и играли в догоняйку. Поле расчертили прямо на столе и азартно подкидывали кости перед каждым шагом. Старичок взобрался на стул за пошарканным и местами подпаленным столом, достал большую книгу обтянутую коричневой кожей и прокрипел:

— Имя?

— Гримнир из Ирмунсуля.

— Откуда прибыли?

— Из Ирмунсуля.

— Цель прибытия?

— Эмм... ознакомиться с памятными местами, эмм, вашего замечательно городка.

Стук костей и возгласы игроков прервались, и стражи как один посмотрели на Йормунганда, даже старичок поднял на него слезящиеся бесцветные глазки.

— Хм, ну ладно, кхм, господин Гримнир. Что-нибудь запрещенное при себе имеете?

— Нет.

Йормунганд приготовился, было к обыску, но старичок просто кивнул

— На Лунную Заводь сходите, — сказал он, посыпая страницу песком. — Весьма недурственный вид в это время года. Весьма недурственный.

— Благодарствую. Я могу идти?

— Я бы посоветовал вам обновить плащ, господин. Вижу, что вы из благородных, но вот

потрепанный вид впечатление сильно портит. Попрошайничество у нас строго карается. Так, на всякий случай говорю.

— Угу, так я могу?..

— Идите, — сказал старичок.

— Эй, ты! — в затылок прилетел камешек. — Ты кто?

Йормунганд развернулся к банде босоногих мальчишек. Подобные типы преследовали его, куда бы он ни пришел.

— Айе! — крикнул он прежде, чем в него полетят камни побольше. — Где тут рынок?

Мальчишки остановились поодаль, пялясь на него во все глаза.

— А ты откуда чудной такой? — спросил один посмелее. Его выговор Йормунганд едва смог понять, а еще мальчик картавил. Рыжие кудряшки торчали из-под сдвинутой на затылок шапки и липли ко лбу.

— Из Ирмунсуля, — сказал Йормунганд с внутренним вздохом.

— Тут искали недавно убийца одного из этих.

— Великана?

— Н..не знаю.

— Великана, — уверенно сказал Йормунганд, — а я не великан.

Мальчишки воззрились на него с подозрением.

— Просто высокий, — сказал он, — ну чуть выше ваших братьев.

— У меня брат выше тебя, — возразил самый худенький ребенок неожиданно тонким девчоночьим голосом.

— Ого! Так где рынок?

— Тама! — рыжий мальчишка показал пальцем. Йормунганд проследил за направлением, что тот показывал и тут его затылок опять царапнул камушек. Дети засмеялись и бросились наутек. Йормунганд бросился вдогонку без всякого стремления догнать. Пока он брел через лес, на привалах Йормунганд стругал мелкие обереги с ирмунсульской вязью. По здешним меркам товар должен выглядеть экзотично, подумал он, так что есть шанс заработать немного. Деньги в любом случае пригодятся. Даже небольшие.

Гвендалин не был похож ни на один из тех маленьких городков, которые миновал Йормунганд. Даже в Гладшейне, набитом людьми как бочка капустой, он не чувствовал столько вони. Суконные и кожаные мастерские располагались буквально повсюду.

Центр города выглядел чище, на площади стояли мелкие торговцы и предлагали наперебой самые разные товары. Йормунганд повертел головой по сторонам, выискивая, где можно пристроиться. Зазвать покупателей не получалось, как он ни пытался. Стоило только открыть рот, чтобы крикнуть «Амулеты! От сглаза! От порчи!», как горло перехватывало, и Йормунганд не мог выдать ни звука. Поэтому он просто снял плащ и разложил на нем свой нехитрый товар. Травницы неподалеку косились на него, но не прогоняли.

— А любовные зелья варишь? — вполголоса спросил его один из покупателей. За два часа Йормунганд распродал почти все запасы. Удивительно, но похоже конкурентов у него на рынке не было. Йормунганд покачал головой.

— Нет, — сказал он, — но могу навести чары, чтобы ты стал привлекательнее для женщин.

Покупатель усиленно закивал,

— Да-да-да.

— Но имей в виду, если тебя ненавидит какая-то конкретная женщина, то из-за чар она тебя внезапно не полюбит. Используй новую возможность с умом.

Покупатель разочаровано цыкнул, но все равно охотно протянул руку, где Йормунганд легко касаясь ладони кончиками ногтей, начертал заклятие.

— А скоро подействует?

— Уже.

Глаза покупателя вспыхнули.

— Сколько?

— Четыре серебряных.

— Да ты разбойник!

— Не заплатишь, заклятие приобретет обратную силу, — пригрозил Йормунганд и покупатель легко расстался с деньгами.

Можно было сворачиваться. Этих денег хватило бы на приличную лошадь, сытный обед и даже нормальную кровать в гостинице. Однако Йормунганд решил подождать еще немного. Не в каждом городе так везло.

Хотя кое- что настораживало. Непрошенная мысль вертелась в уголке сознания, но никак не показывалась, как писклявый комар в темноте. Возможно, думал Йормунганд, это все из- за Гренделя. Встреча с чудовищем до сих пор снилась ему по ночам, и он просыпался мокрый от пота. Когда-нибудь бег времени сотрет подробности, и он просто будет знать, что было жутко, но забудет, как это было.

— Эй, колдун!

Йормунганд взглянул на грязные сапоги прямо перед ним и поднял голову. Вонючий тип в кафтане с пятнами под мышками, с металлической цепью на груди и с огромной плешью. Жидкие серые волосенки возле ушей стремились кучерявиться.

— Ну? — Йормунганд не собирался расшаркиваться перед подобным типом.

— Баранки гну! У ты есть разрешение на торговлю?

— Есть, — сказал Йормунганд уверенно.

— Покажь.

— А ты, господин, из городской стражи?

— Ага, так и есть.

— Тогда пройдем к караульному, где я предъявлю все документы в присутствии начальства.

— Чо? Зачем?

— А затем, что не всякому встречному поперечному я представляться и разрешение демонстрировать должен, — жестко сказал Йормунганд. — Вы подошли и не представились, не сказали, чем же я вызвал ваши подозрения. В общем, вы мне торговлю портите, господин. Так что, — он рывком поднялся на ноги и оказался на голову выше собеседника, — Пройдемтесь, во избежание дальнейших недоразумений.

Плешивый попятился.

— Ты это, не балуй.

— И в мыслях не было, господин.

— Ладно, некогда мне, — плешивый сплюнул, — Потом поговорим.

— Угу, — Йормунганд проследил за удаляющейся спиной, — говноед.

Он заметил, что взгляды травниц чуть потеплели. Их широкие шляпы защищали от

солнца и скрывали лица, но по оживленным разговорам он понял, что женщины обсуждают позонное бегство плешивого. Неужели он вправду должностное лицо? Йормунганд провел пальцем по подбородку. Никакого разрешения, да и вообще документа, кроме того, что дали ему при въезде, у него не было. За разрешение, как он догадывался, надо было платить, и не только официальную мзду. Кхм, все равно он завтра же исчезнет из этого вонючего городка.

Задерживаться на одном месте не следовало.

— Эй, ты что продаешь?

Опять мальчишки.

— Специальные ирмунсульские обереги от великанов и ирмунсульской магии.

Мальчишки подошли поближе.

Йормунганд вынул припасенные украшения из дерева, щедро изрезанные рунами и вязью. Та мелочь, которая не получилась или получилась не такой, какой должна быть. Жаль выкидывать, а вот продать задешево все равно можно.

— А сколько стоит? — спросил самый хорошо одетый из них.

— А сколько дашь?

Мальчишка полез в карман и пересчитал мелочь.

— Я сделаю тебе скидку, — Йормунганд провел ладонью над поредевшим товаром, — Если расскажешь мне про здешние края.

— Тогда мне этот, — мальчик показал на шарик обернутый в кожаный шнурок похожий на тот, что носил сам Йормунганд.

— Хороший выбор! Держи.

— Благодарствую.

— И тебе здоровья.

Через две минуты Йормунганд шел за ребенком по тесным улочкам. Он поймал себя на том, что перестал задыхаться и замечать вонь.

— Премиленький городок, — сказал Йормунганд, любуясь развешенными для просушки тканями. Ветер раздувал их, и они казались разноцветными парусами среди серого камня и темного дерева.

Мальчик просиял.

— Мало кто так думает, господин, — сказал он. Позади них шел детский эскорт. Малыши, старшему и двенадцати нет. Мальчик слегка насупившись сказал, что они пойдут за ними «на случай оказии». Йормунганд не стал уточнять, на случай какой такой оказии. Но подумал, что сам бы ни за что не позволил бы Фенриру гулять с незнакомым чужаком где бы то ни было. Мало ли что у человека на уме. Люди разные бывают.

А потом вспомнил злополучные состязания в Гладсшейне и нахмурился.

— Кто правит городом? — спросил Йормунганд.

— Князь.

— Ага, а что за князь? Как его зовут?

— Эмм.... храбрый воспитанник Альфедра.

— Воспитанник Альфедра, — повторил Йормунганд.

— Ага, есть целая история про это. Только князь ее не любит. Никому не говорите, что я вам рассказал.

Йормунганд усмехнулся,

— История под запретом, но все ее знают. Как необычно, — сказал он.

— Ну не то чтобы все. Кто-нибудь и не знает, глухие старухи, например, — сказал

мальчик.

— Ладно-ладно, я не глухая старуха. Поэтому расскажи.

— А вообще вы правы, история же под запретом. Откуда мне ее знать?

— Мальчик, — мягко сказал Йормунганд, — хочешь рассказать — расскажи. Не хочешь — не рассказывай. Меня завтра здесь уже не будет, так что не так уж мне твои байки и важны. Что за земли на севере и западе отсюда? Спокойные или нет?

— Ааа, так сами вы с юга или с востока!

— Умен не по годам.

— Так вот, когда наш князь был маленьким, у него был брат и вместе с братом они потерялись. Пошли на рыбалку или вроде того. И потерялись. Потом их нашли Альфедр с женой. Фригга больше любила брата нашего князя. А Альфедр хотел, чтобы князем стал наш князь. И когда им пришло время возвращаться, они сели на плот и поплыли домой. И когда приплыли к берегу, наш князь крикнул: «Пусть возьмут тебя тролли» и толкнул плот со своим братом!

Видимо, последняя фраза предполагалась особенно драматической, потому что мальчик сделал паузу.

— Как звали брата князя?

— Ангмар, — сказал мальчик, — так его сына теперь зовут.

— А.

— Вы выглядите как бродяга, — заметил мальчик.

— Я принц в изгнании, — шепнул Йормунганд забавляясь.

— Моя мать шьет отличные платья, а отец чинит и делает сапоги. А еще мы сдадим вам комнату, если у вас есть деньги. Амулеты они не возьмут.

— Столкнемся, — сказал Йормунганд, — наверняка твои родители больше знают об окрестных землях, чем ты.

— Не, мы редко куда выезжаем. Больше здесь

Йормунганд вздохнул.

— Да и неинтересно там. На востоке — земли Дагни Рённингена, он продает нам зерно, на западе — земли Ванадис и ее брата, за ними обитает Йорд, с южной стороны леса Уле Симона Фарстада, на севере ничего нет, там болота, и похоже, оттуда- то вы и пришли. Отдохните у нас, господин, расскажете про странствия. Матушка моя страсть как любит слушать про всякие приключения.

Йормунганд оглянулся на остальных детей. Некоторые отстали, худенькая девочка уже убежала.

— Ты знаешь имена соседних князей лучше, чем того, кто правит твоим городом, — сказал он мальчишке, — Почему?

— Я знаю его имя, — сказал мальчишка, задрав конопатое лицо. — Только не люблю. Мало кто любит.

— Кого ты привел, Магнар? — прошептала мальчику на ухо его мать.

— Его зовут Гримнир, он из Ирмунсуля. Смотри, что я для тебя купил, — Магнар протянул матери, круглощекой полной женщине, шарик на кожаном шнурке. Она цыкнула, но подарок забрала.

— Спасибо, радость моя.

И обратилась уже к Йормунганду.

— Меня зовут Эмма, господин. Муж мой отлучился по делам, скоро вернется. Вы пока посидите вон там, — она показала на лавку во дворе, — пока он не придет.

Йормунганд постарался улыбнуться приветливо. Выражение лица хозяйки изменилось, не часто встречается гость улыбающийся так сладко.

— Вы же устали с дороги, — внезапно догадалась она, — еще и целый день на жаре. Войдите, отдохните. Лиса, — крикнула она внутрь дома, — принеси чего поесть, у нас гость.

Улыбка Йормунганда стала искренней. Он старался мало говорить, чтобы его акцент не резал слух и не вызывал ненужных подозрений. На стол хозяйка поставила свежий, еще горячий, хлеб и похлебку, в которой плавала потрошенная рыба. Рот Йормунганда наполнился слюной.

— Кушайте, мой господин, кушайте.

Йормунганд старался не торопиться, пока отламывал себе краюху и вежливо пригласил хозяйку присесть вместе с ним.

— А вы не из простых, — сказала она, — Ирмунсуль — далеко это?

— Да, далеко, на севере.

— А к нам как попали?

— По делам. Я следую в Гардарику, так что заехал в город по пути.

Женщина пододвинула гостью крынку с молоком.

— Гардарика... путь неблизкий.

— А в ваших местах бывают путешественники из Гардарики? — спросил Йормунганд заинтересованно.

— Бывают, приезжают иногда, ткани купить, кожи. Привозят меха, хорошие меха недорого. Кони у них крепкие, для пахоты хороши.

Йормунганд хмыкнул, вспомнив, какие клячи ему встретились в округе.

— Только не продают, — добавила хозяйка, погрузнев, — Да вы лучше про свое расскажите. Где были? Что видели? А все пешком, да? А в Гладсшейне останавливались?

— Останавливался, — сказал Йормунганд.

Он рассказывал про путешествие. Приукрашивая в одном и умалчивая о другом. Хозяйка задавала вопросы, ставящие его в тупик. Вроде цен на хлеб и вино. Йормунганд пожимал плечами и говорил, что жил за счет друзей.

— Ну а в Гардарику- то зачем подались? — спросила хозяйка.

Йормунганд ожидал этого вопроса гораздо раньше, а теперь чуть помешкал, вспоминая заготовленный ответ.

— Я слышал, что у тамошнего князя проблемы с женой, — сказал он.

— Хотите подсобить? — хозяйка ухмыльнулась, как невзначай ослабила ворот обширной кофты.

Йормунганд почувствовал, что краснеет. Намек хозяйки прозрачен. Детишки убежали. А когда вернется муж — только она знала.

— Подсобить, — повторил Йормунганд задумчиво, — Может, вам чем помочь, хозяйка? — он широко улыбнулся, сунул руку в поясной мешочек, зажал руну наугад и развернул руны на ладони.

Хозяйка придвинулась, глаза ее заблестели.

— И что? — спросил она нетерпеливо.

— Урус, — сказал Йормунганд, поднося деревяшку с руной к глазам, — скорые перемены.

Он хитро глянул на хозяйку,

— Подсобить тебе я не смогу. У тебя и так детишки, а будет еще один.

Хозяйка остолбенела.

— Дай ему родиться, хозяйка.

Женщина поклонилась и молча вышла на шумную улицу. Йормунганд с сожалением проводил ее взглядом. Даже теперь она оставалась красивой женщиной, куда красивее многих из тех, кого он видел за столами в чертогах Альфедра. Йормунганд взял со стола яблоко. Увядшее, с мягкими боками, оно все равно напомнило ему о Фрее, Неужели теперь его все время будут преследовать воспоминания о ней? Или это было предостережение, и он все сделал правильно?

Дверь скрипнула. Йормунганд поднял голову. На него смотрел бородатый как цверг, детина. Из-под косматых бровей смотрели угрюмые небесно-голубые глаза. Нос у мужика картошкой, широкие плечи. Йормунганду хотелось хохотнуть, неужели тоже один из отпрысков Альфедра? Но сдержался.

— Айе, — сказал он, — Я Гримнир из Ирмунсуля, прости, что вторгся в твоё жилище. Я следую из своей страны в Гардарику, и забрел в ваш город. Твой сын сказал мне, что здесь я могу получить ночлег, еду и кой-какие предметы за умеренную плату.

— А деньги-то у тебя есть, ирмунсулец? — неприветливо ответил цвергоподобный мужик.

Йормунганд сузил глаза и усмехнулся. Мужик нахмурился,

— Ладно, оставайся, — сказал он, — только не балуй и жену мою не трогай.

— И в мыслях не было, — сказал Йормунганд, — я бы поспал с дороги. А вечером прогуляюсь.

— Да не на что тут смотреть, — пробасил хозяин.

— Да может чего найдется, — сказал Йормунганд.

Хозяин пожал плечами.

— Сегодня праздник у князя, гуляния, разве что туда сходите, только чужаков там не любят. Да и по городу ходите осторожно, — добавил он почти миролюбиво.

— Что так?

— Вид у вас колдунский. У нас таких жгут.

Комната Йормунганду показалась размером с гроб. Небеленые стены, койка у стены и табуретка — все. Он сел на койку и принялся стягивать сапоги. Жгут колдунов? Тогда он в опасности, хотя он торговал оберегами, и ничего не случилось, наоборот — ажиотаж. Йормунганд прикрыл глаза, потому и ажиотаж, что конкурентов нет. Либо убиты, либо сбежали. Цверг-переросток прав, следовало поостеречься.

Всю последнюю неделю Йормунганд спал прямо на земле и теперь даже жесткий матрас нашел удобным. Праздничный пир у князя, следует потолкаться рядом, узнать новости, как далеко зашли в его поисках. Он не сомневался, что Ванадис найдет его, где бы он ни спрятался, но не сейчас. Не сегодня.

Эмма вернулась осунувшаяся, с потеками слез на бледных щеках. Ее супруг уже доедал кашу прямо из чугунка. Обычно муж негодовал, если ему приходилось доедать холодное, но в это раз он и слова не сказал, едва взглянув на нее.

Эмма засуетилась, забегала, вынимая то краюху хлеба, то сыр, то припрятанную на

особый случай клюквенную настойку. Супруг неторопливо встал из- за стола, достал две глиняные рюмашки, аккуратно разлил настойку. Одну пододвинул жене, другую взял сам. Они чокнулись, супруг опрокинул рюмашку, крикнул и утер рот. Эмма едва пригубила и поставила на стол.

— Ну что опять? — наконец спросил он сурово. Эмма не знала, куда глаза девать.

— Это колдун тебя огорчил? — спросил муж, Так я его сейчас, не дожидаясь стражи....

Эмма помотала головой,

— Не бери в голову, — сказала она, — Не в том дело. Он и впрямь погадал мне, редкая удача.

— И что нагадал?

Эмма смущенно почесала пальчиком за ухом, потребила выбившийся из- под косынки локон...

— Малой у нас будет, — сказала она.

— Что, опять? — муж уставился на нее тяжелым взглядом, Эмма отвернулась и кивнула.

— Иди к травницам! Срок какой?

— Мало еще, — голос Эммы дрожал. — Я б и не поняла, если б он не сказал.

— К травницам иди.

— Я сходила уже.

— И что говорят?

— Не продали, — Эмма заплакала. — Еще и полугода не прошло, говорят, нельзя, помру, говорят.

Хозяин вскочил, хлопнул кулаком по столу. Дерево жалобно скрипнуло.

— Так уговори, пусть дадут тебе чего, — заорал он. В дверном проеме появилась испуганная мальчишеская физиономия и тут же исчезла. — А рожать будешь, не помрешь? Мало было мороки в прошлый раз?

Эмма пожала плечами. Она помнила, что в прошлый раз было больно, но как больно, стерлось из ее памяти. Она металась и кричала. А повитуха пришла поздно, и уже ничего не могла сделать. Ребенок погиб, а сама она пролежала недели две, непрерывно плача и не в силах подняться. Сердце и дыхание как будто сдавило. Все думала тогда о ребеночке.

— А и родишь, — сказал муж, уже спокойно, — в лес снесешь. Еще одного кормить не буду.

Йормунганд проснулся, когда за окном уже сгущались сумерки. В комнате стало заметно холоднее. Какое- то время Йормунганд еще кутался в одеяла, но потом решил, что пора выбираться. Да и есть хотелось.

Хозяев внизу не оказалось, так что Йормунганд самостоятельно пошарил на кухне в поисках съестного. Побрился, глядя в отполированный кусок меди у раковины, срезал слишком длинные пряди у глаз. Глядя в отражение, он заметил, что похудел, щеки ввалились, а под глазами залегли тени. Не худо было б искупаться в теплой воде да с куском мыла, прикупить белья и новый плащ. Но, Йормунганд поскреб гладкую щеку, так его и поймают, стоит только расслабиться, остановиться.

И куда подевались хозяева. Йормунганд тут же вспомнил — куда. Пир у князя, народные гуляния, костры, пиво рекой, бесплатная еда. Народу будет много, но среди толпы проще затеряться и разузнать новости. Да и давно уже Йормунганд не веселился, с того самого

злосчастливого пира.

На улице оказалось многолюдно. Группки людей спешили в одном направлении, раздавались радостные возгласы, а на лицах Йормунганд угадывал нетерпение и предвкушение.

— Вот и отлично, — пробормотал он.

Подобное он уже видел, тогда поймали известного разбойника промышлявшего на большаке. Смотреть на казнь приходили семьями и смотрели на пытки как замороженные. Тогда на лицах людей Йормунганд видел те же нетерпение и предвкушение. Тот разбойник заслужил, он не боялся смерти, но истязания на потеху толпе ломали и не таких.

Йормунганд пошел в сторону общего движения. Поучаствовать в празднике — редкая удача для путешественника, привыкшего есть, что пошлет Лунолика, а богиня ему не благоволила.

— Эй, чародей! — Йормунганда дернули за полу плаща.

— А, это ты, Магнар. А где родители?

— Не знаю, дома их нет. Наверное, ушли на праздник. Вы тоже туда идете?

— Да.

— Будет весело.

— Почему у вас совсем нет Дочерей, Магнар? Вы не верите в Лунолику?

Магнар пожал плечами.

— Мы слишком бедные, чтобы платить Дочерям.

— Это не ответ. Башенки Дочерей стоят в захолустьях хуже этого, здесь же нет ни одной. Я не видел ни одного шатра, Дочери не заходят сюда.

— У них свои пути, у нас свои.

— Вы не верите в Лунолику? — повторил вопрос Йормунганд.

— Верим, только не так, как вы. Дочери — те же ведьмы, их надо жечь. Они вообще не исполняют волю богини.

— Но их сила божественного происхождения!

Магнар насупился, уши и нос покраснели, и он уставился в землю.

— Есть и другие боги, кроме Луноликой, — сказал он громким шепотом, — Наш князь ненавидит любую магию, особенно женскую. А еще он ненавидит колдунов, ну а еще нас защищает большая змея, которая не дает пройти колдунам с юга.

— Ванадис и Йорд?

Мальчуган кивнул.

— Должно быть, сильная змея, — сказал Йормунганд. — Хм, в голове не укладывается. На границе владений Ванадис — и нет культа Луноликой.

Магнар выглядел виноватым, Йормунганд погладил его по голове.

— Пришли, — сказал Магнар, — Ладно, вы тут сами по себе, а я маму поищу.

Отовсюду доносился запах еды, так что Йормунганд невольно сглотнул, но тут же взял себя в руки. Возле стола лежали сытые собаки, которые едва подняли головы при его появлении. Йормунганд цыкнул одной, хотевшей было заворчать, и потихоньку двинулся к столу.

— Стой! Эй, ты! — окликнул его стражник, одетый в камзол и вооруженный мечом, — Ты кто такой?

— Я...

Стражник с подозрением оглядел потрепанный плащ Йормунганда.

— Чародей?

— Нет, я...

Йормунганд замешкался с ответом на долю секунды, этого хватило, чтобы второй подошедший стражник сказал:

— На него не лают собаки.

Йормунганд узнал его мгновенно. Тот самый, что требовал разрешение на торговлю днем. Лысину прикрывал шлем, кольчуга лежала на пузе тяжелой складкой.

— Так они же объелись, — резонно заметил Йормунганд.

— Кто ты и что здесь делаешь?

— Я... мое имя Гримнир. Я из Ирмунсуля, проездом. Неужели путешественнику нельзя побывать на празднике?

Стражники переглянулись. Один из них схватил Йормунганда сзади за руки, второй, который плешивый, бесцеремонно обшарил карманы.

— Колдовские штучки, — прошипел он, — Так и знал.

— Я не колдун, — сказал Йормунганд, — Это на продажу. Обереги. От колдовства.

— Да? А чем докажешь?

— Если бы я был колдун, я бы сейчас вас так заколдовал....

Стражник державший его за руки усилил хватку.

— Ну. Пойдем к князю. Сам решит, что с тобой делать, казнить за колдовство или за то, что здесь ошиваешься.

— Я же вроде как гость.

— Ага, вот именно, вроде как.

Магнар смотрел, как Йормунганда уводят. Надо было вернуться домой и рассказать маме, что постоялец, скорее всего, не вернется. Высокий рыжий колдун понравился ему, он с сожалением будет смотреть его казнь. Но потом князь будет кидать мелочь в толпу, тогда, если улыбнется удача, можно будет купить леденцов и угостить младшую сестренку, пока папа не видит. Отец не любил маленькую, считал, что она на него не похожа. Она редко улыбалась и боялась родителей. Отец здорово избил ее однажды, а мама как будто не обращала на нее внимания. Магнар твердо решил однажды жениться на сестренке и убежать с нею куда-нибудь далеко, за город, а может даже на край света, в Гардарику. Мальчик повертелся возле столов, успел стянуть пару пирожков, пока его не прогнали. Едва он вернулся домой, сразу понял — что-то неладно. Мама одевала сестренку, аккуратно повязала косыночку под подбородком, на девочке уже была надета теплая кофточка.

— Куда ты ее? — спросил сын, останавливаясь у порога.

— Что? — его мама вздрогнула, — Ах, это ты, Магнар. Напугал.

— Куда ты ее?

— Мы уезжаем. Погостим у тетки в соседнем городке.

— Нет у нас там никакой тетки, — нахмурился мальчик.

— Есть, только ты про нее не слышал, — сказала Эмма, — всем, кто спросит, говори, что едем к тетке.

— А на самом деле?

Эмма заплакала. Магнар попятился. Мама часто плакала. Особенно когда папа ее бил, но просто так — никогда.

— Мам, что случилось?

— Кто это? — раздался молодой голос.

Йормунганд вздрогнул. Поднял голову, перед ним стоял высокий человек, одетый в ниспадающий до земли плащ с меховой отделкой. Лицо испещрено мелкими шрамами, как от оспы, но все равно привлекательное в своем благородстве.

— Ангмар? — спросил Йормунганд, сощурившись от света костров. И вправду похож.

Воцарилась тишина. Даже стражник державший его невольно отстранился.

— Ты назвал меня именем моего брата, — сказал князь, подходя ближе, — Кто ты?

— Я Гримнир из Ирмунсуля.

— Гримнир, — повторил князь.

— Друг вашего брата, — сказал Йормунганд и понял, что совершил ошибку. Лицо князя окаменело на мгновение, а потом он прикрыл глаза рукой.

— Откуда ты его знаешь?

— Однажды к нам пришел оборванный мальчишка. Мы хотели прогнать его, но оказалось, что он хорошо воспитан и явно не низкого происхождения. Он прибыл со стороны моря и долго шел пешком. Ангмар клялся и божился, что он сын одного из восточных князей. Единственный из законных сыновей оставшихся в живых.

— Вот как.

— Ангмар говорил, что вместе с братом плавал на лодке. И едва они пристали к берегу, как из леса вышел огромный бурый медведь. Ангмар крикнул брату, но тот уже соскочил на берег и оттолкнул лодку, чтобы спасти брата. А сам остался на съедение. Трогательная история. Ангмар плакал, когда рассказывал ее.

Князь подошел ближе.

— Либо ты лжешь, — прошипел он, — либо ты злобный некромант, потому что брат мой мертв.

— Печально оплакивать гибель брата, за которого отдал жизнь. Особенно когда брат старший и больше имеет прав на власть, — сказал Йормунганд. Он сожалел о своих словах еще в тот момент, когда произносил их. Но пресмыкаться перед младшим братом Ангмара, сколь бы властен он ни был, оказалось выше его сил.

— Верно, — князь улыбнулся и покосился на остолбеневших воинов.

— Чародея-некроманта, — сказал князь громко, — посадить между двух костров, и повесить на рассвете.

Йормунганд прикрыл глаза.

Оживление мертвых было важным шагом в постижении магии. Не всякий на него способен. На что Йормунганд был способен, так это на спадание оков. Он ждал, что его свяжут и оставят в покое, тогда он освободиться и сможет бежать.

— Господин, — один из воинов подошел к князю и протянул ему амулеты Йормунганда.

— Это было при нем. Волшебник сказал, что они помогают от волшебства.

Князь вздернул бровь

— Так свяжите ему руки его же побрякушками, чтоб не смог освободиться.

Йормунганд зажмурился от досады.

Мальчик бежал вслед за матерью. Он нес свою любимую игрушку — деревянную лошадку, которую ему вырезал отец.

— А папа придет к нам потом? — спросил он у запыхавшейся матери. Она странно посмотрела на него и погладила по голове. Эмма больше не плакала, движения оставались суевливыми, но более осмысленными.

— Нет, — сказала она, помолчав, — наверное, нет.

— Ты решила отдать этой тетке сестренку? — догадался мальчик, — чтобы папа больше не злился?

— Нет, — сказал Эмма, — все не так. Все будет хорошо, Магнар.

Жар пробирал до костей. С Йормунганда даже не сняли плащ, и теперь он чувствовал запах тлеющей шерсти.

— Ну что, — спросил подошедший воин, — Все еще хочешь еды с пиршественного стола?

— Я сыт гостеприимством, — прохрипел Йормунганд.

Стражник фыркнул и отошел.

Йормунганд чувствовал, как сознание помутилось от жара. То ли сморило, то ли терял сознание. Пот крупными каплями свисали с носа, струились за шиворот. Волосы намокли и липли ко лбу. Дышать тяжело.

— Йормунганд из Ирмунсуля, сын Лодура, — отстраненно произнес чей-то голос. Он хотел отозваться, но не мог даже шевельнуться в охватившем его оцепенении.

— Сын Лодура, сын Ангаборды, — продолжал голос, — посох мира, мировой змей, губитель богов.

— Я умру сейчас, — подумал Йормунганд.

— Тебя, милок, молотком зашибут.

Йормунганд улыбнулся запекшимися губами. Хотя его посадили между двух костров, один оказался перед ним. Пламя плясало и разбрасывало искры, треск усилился, заглушая шум пира. Горящее дерево пахнет приятно, так же приятно, как и мокрое, сразу после дождя.

— Сестры...

— Ты знаешь нас, дитя?

— Судьба, Долг, Становление.

— Ты знаешь нас?

— Нет, откуда?

Женщины, всегда женщины. Йормунганд видел трех перед собой. Молодую и прекрасную. Зрелую и величественную. Старую, в глазах у которой знание и покой.

— Айе, сестры! — сказал он.

— Ну, — спросила его старуха, — Хочешь знать свою судьбу?

— Нет.

— Ты умрешь.

— Неожиданно.

— Не груби мне.

— И в мыслях не было.

— Такой же насмешливый, как и его отец, — фыркнула девушка.

— Скорее лукавый, — произнесла женщина, — Заслуживает снисхождение.

— Дамы, я просто жду смерти. Только и всего. Если эти видения предвестники моей кончины, я не рад.

— Если будешь грубить, юноша, — сказала старуха, — я расскажу тебе, как ты умрешь

на самом деле.

— Пожалуйста, не надо, — сказал Йормунганд с усмешкой.

Дева пристально посмотрела на него и, приблизившись так, чтобы Йормунганд мог слышать ее горячее дыхание, шепнула ему на ухо нечто, чего он не хотел бы забыть.

— И это мне поможет?

— Ты мастер по проклятиям, но помни, все они вернуться к тебе.

— Я знаю, кто я, по-вашему?

— Ты тот, кто ты есть, — ответила средняя по годам.

Старуха рассмеялась и пригрозила ему пальцем.

— Осторожней, юноша, а не то расскажу тебе, как ты умрешь.

Йормунганд в своем видении поднялся на ноги. Перед ним на земле лежала змея, в пасти она держала яблоко. Йормунганд наклонился и вынул яблоко из пасти мертвой змейки.

— Скушай яблочко, — сказала молодая.

— Скушай яблочко, — сказала зрелая.

— Кушай, кушай, — скрипнула старуха.

Йормунганд надкусил.

В этот момент Йормунганд понял, что еще ни разу не был на поле битвы. Он выходил вместе с дядей воевать против мелких соседей ради их земли и того, что на ней росло. Он даже строил планы на военных советах. И он знал, что люди умирают. Он шел по полю после Дочерей, собирающих свою долю.

Но он никогда не оказывался в гуще сражения, когда летящий болт попадает в глаз твоего соратника. Случайный выстрел, ли у них есть снайпер. Йормунганду было все равно, он обеими руками ухватился за копьё, поднял над головой и крикнул:

— Посвящаю вас... мне!

Грудь охватил жар, Йормунганд зажмурился и выкрикнул заклинание. Он хотел пропеть его, но звуки вокруг внезапно оборвались. Йормунганд открыл глаза, мир сверкал золотом.

Тонкие золотые нити тянулись прямо из земли, опутывая замерших воинов.

— И что ты сделал?

Мужской голос. Йормунганд не поверил своим ушам, мужской голос.

Посреди золотого безумия стоял юноша, почти мальчишка. Темные волосы, карие глаза.

— Кто ты такой? — спросил Йормунганд. Парень улыбнулся в ответ. Йормунганд запомнил его белозубую улыбку.

Шум сражения обрушился на него с новой силой.

Он открыл глаза посреди пира, посреди треска костров и вони паленой шерсти. Шепнув слова, которые нашептала ему Скульд, он почувствовал, как с него спали оковы.

Перед ним стоял мальчик удивительно похожий на его товарища, что однажды приударил за его сестрой и лишился двух передних зубов. Мальчик держал кубок с вином.

— Ангмар?

— Да.

— Ангмар?! — Йормунганд удивился, но тут же сообразил, что князь назвал сына в честь брата. Какой чудесный обычай, называть детей в честь умерших родственников.

— Ты похож на дядю.

— А вы его правда знаете. Вы некромант? — глаза мальчика заблестели. — Я тоже хочу научиться волшебству.

Йормун взял у него кубок и поднес к губам. Это увидел один из охранявших воинов.

— Эй, Эй, стой, — услышал Йормунганд прежде, чем выплеснул вино в огонь.

— Надеюсь, ты не слишком любишь своего отца, — сказал он.

— Князь, — закричал он, — на самом деле я колдун и мое имя Альфедр!

Князь бросился к нему с перекошенным от ярости лицом, вынимая меч на ходу.

— Осторожно, змея! — крикнул Ангмар больше удивленно, чем испуганно.

Князь споткнулся и налетел на собственный меч.

— Паршивая смерть, — произнес Йормунганд и, воспользовавшись общим замешательством, отпрянул от костров.

Эмму схватили, когда они уже отъезжали от города. Она клялась и божилась, что это приезжий колдун очаровал ее и заставил убить мужа. Что она и не знала, что творит. Магнар молчал и только прижимал к себе сестренку. Наконец его мать сослалась на беременность. Казнь отсрочили до момента рождения ребенка, и запретили ей покидать город. Работы не было, но мальчик каждый день ходил на базар продавать ее поделки и кое-какие деньги у них водились.

Спустя два месяца после смерти отца, его сестренка сказала, положив ручку на вздувшийся живот мамы,

— Мальчик.

Еще через месяц вновь появившиеся в городе Дочери забрали сестренку, чтобы одеть ее в белые покрывала и научить молиться Луноликой.

Через пять месяцев мать родила братика.

— Интересно, — отвлеченно думал Йормунганд, пригнувшись к шее лошади, — откуда конь знает, куда ступать? Я бы обязательно обо что-нибудь споткнулся, бегая по лесу без тропинок.

Йормунганд вынул ноги из стремян и ухитрился собраться в комочек на седле. Резко разогнувшись, он подпрыгнул и вцепился в сук раскидистого ясеня, конь без седока поскакал дальше, сквозь заросли. Йормунганд подтянулся, вскарабкался на сук, добрался до ствола и полез наверх, прячась в листве. Обняв ногами ствол, он снял со спины самострел, зарядил его и начал ждать.

Воздух звенел от влажной свежести, солнце мягко пробивалось сквозь листву, на разные лады пели птицы. Йормунганд прикрыл глаза и одними губами прошептал короткое заклинание, когда мимо дерева пронеслись три всадника.

Через пару мгновений послышался шум ломаемых веток и лошадиный топот, со стороны дороги появился еще один всадник. Он не торопился, Йормунганд направил в его сторону самострел и затаил дыхание. Крепко сбитый верзила неопределенного возраста, на гнедом коне, остановился возле ясеня, прислушался к звукам удаляющейся погони, и натянул поводья, поворачивая обратно. Йормунганд облегченно выдохнул и в этот момент верзила посмотрел наверх. Йормунганд увидел, как он, прищурившись, смотрит на него, и выстрелил прямо в открытый рот. Тут же спрыгнув, он схватил под узды, испугавшегося было гнедого и, нашептывая «тихо, милый, тихо», унимая дрожь и пытаясь от напряжения, вытащил мертвое тело из седла. Прятать его времени не было, Йормунганд бросил тело верзилы на палую листву, в тень, чтобы не сразу заметили, вскарабкался в седло и поскакал к дороге, пока не думая об остальных преследователях.

Выехав на дорогу, он пустил коня шагом, прислушиваясь к звукам возможной погони, каждый шорох теперь казался ему подозрительным и с любой стороны он ожидал нападения. Вскоре лес сменился полями, и уже виднелась деревенька, вполне мирная на первый взгляд. Йормунганд протер глаза, он не планировал останавливаться где-то раньше полудня, но запоздалый страх и усиливающаяся тревога заставили его с надеждой всматриваться в дома.

Забрать коня оказалось лучшим решением за последние месяцы. Продать его в ближайшем поселении Йормунганд не рискнул. Много дать за него не могли. А избавляться за бесценок — только привлекать к себе внимание и ненужные подозрения. Он уже подумывал, не съест ли ему коня в какой-нибудь из черных дней. Но каждый черный день оказывался недостаточно черным для такого злодеяния. Теперь Йормунганд рассчитывал прибыть в портовый городок куда быстрее, чем рассчитывал. В тавернах рассказывали невероятные истории про колдуна одолевшего князя, а до того наставшего чудовище на Ларс-Эрика. Судя по рассказам, с чудовищем так и не совладали. В несчастиях обвиняли Альфедра, но упоминали и молодого сына Лодура, сбежавшего после особенно грандиозного преступления. Все это казалось Йормунганду таким милым, что он даже заплатил уличному скальду за короткую балладу в свою честь.

Путешествовать по-прежнему приходилось одному. Ночевать в лесу становилось все

холоднее, листья по большей части облетели, зато Йормунганд научился различать местные съедобные ягоды, да и зверьки обросли жирком перед долгой зимой и стали вкуснее. Одиночество больше не тяготило его, разве что самую малость. Теперь, на хорошем боевом коне, зная, что о нем слагают баллады и плетут небылицы, Йормунганд сам себе казался значительным.

Йормунганд как раз смаковал в уме некоторые впечатляющие подробности последних событий, когда его окликнули с края дороги. Перед ним стоял коренастый мужичок с длинной темной бородой. На мужичке красовался железный шлем с забавными маленькими крылышками по бокам, и железная же броня. Йормунганд бросил быстрые взгляды по сторонам. Если незнакомец не один, придется спасаться бегством.

— Айе, — насторожено произнес Йормунганд. Мужичок напомнил ему Висбура.

— Ты не видел здесь деву-лебедя?

Йормунганд помедлил с ответом размышляя, не сумасшедший ли перед ним.

— Нет, — сказал он сдержанно, — я не встречал здесь ни дев, ни лебедей.

Мужичок фыркнул и скрылся в лесу. Йормунганд еще пару часов нервно озирался, нет ли поблизости таких же сумасшедших дружков. Когда за его спиной послышался топот копыт. Йормунганд посторонился с дороги, готовый нырнуть в кусты в случае опасности.

Всадники проскакали мимо, даже его не заметив. Только один остановился и крикнул:

— Эй, ты муж девы-лебедя?

Правой руки, хотел сказать Йормунганд, но вслух произнес

— Нет.

— А не видел тут кого?

— Ни дев, ни лебедей, ни их супругов.

Парень кивнул и поехал вслед за остальными.

— Эй, — окликнул его уже знакомый голос бородача. Мужичок опять стоял у края дороги и приложив руку козырьком к глазам, смотрел вслед ускользавшему отряду.

Йормунганд вздрогнул и схватился за кинжал.

— Чо они хотели- то?

— Спрашивали, не видел ли кого, — Йормунганд подавил желание припустить коня вслед отряду. Не хотелось терять лицо даже перед странным лесным жителем.

— А ты чего?

— Сказал, что не видел.

— Это ты молодец. Коняжку свою продашь мне.

Йормунганд не уловил вопроса в тоне и на всякий случай спросил:

— Сколько дашь?

— Денег у меня нет.

— Я натурой не беру.

Бородач мрачно на него уставился, так что Йормунганд нервно хохотнул и спросил, чтобы сгладить неудачную шутку:

— А что есть?

— Могу дать кольца. Из золота.

— Хорошо.

Бородач помедлил и махнул ему рукой.

— Подь сюды.

Что-то в душе Йормунганда возмутилось, но кольца, подумал он, твердая валюта. В

деньгах он нуждался постоянно. Привыкший ни в чем себе не отказывать и редко покидавший границы Ирмунсуля, он долго не мог привыкнуть к необходимости экономить, высчитывать разницу валют при пересечении земель. Он пробовал подвизаться к какому-нибудь купцу, поучиться торговому делу, но слишком уж обращал на себя внимание. Для охранника недостаточно силен, для секретаря слишком своеволен, а сказать о магических способностях значило сразу отдать себя в руки Дочерей. К тому же, после историй с Гренделем и князем, награда за его голову увеличилась. Не то чтобы Йормунганд боялся, но терять осторожность не следовало.

Помогали остановки в деревнях, слишком бедных, чтобы позволить себе содержать Дочь. Йормунганд накладывал заклинания на домашнюю утварь, искал пропажи и в меру сил — лечил. Лечить получалось не очень, зато травить крыс и прочих вредителей — легко. В одной из таких деревень Йормунганд рассчитывал остаться на зиму, но всякий раз находилось что-то, что заставляло снова отправляться в путь. Слишком внимательный взгляд, визит любопытного сборщика налогов, или рассерженные родители испорченной девчонки.

Кольца — твердая валюта. Он купит себе лошадь, спокойнее и незаметнее. Продолжит путь и однажды найдет отца. Мысль отыскать отца преследовала Йормунганда с начала путешествия. С тех пор, как покинул семью, мысль о воссоединении не давала ему покоя, но скорее потому, что Йормунганд хотел иметь цель путешествия, иначе и вправду превращался в обычного бродягу.

— Хорошо, — сказал он и направил боевого коня за бородачом. На всякий случай руку держал поближе к кинжалу.

— Нас трое тут братьев жило, — рассказывал бородач по дороге. — Бирюки мы.

— Угу.

— А потом как объявились они, так сразу как солнце заиграло.

— Кто «они»?

— Девы-лебеди же.

— А.

— Ты не думай, я не брехаю. Как есть, они были — валькирии.

— А братья твои где? — Йормунганд все так же держался настороже.

— А зачем тебе?

— Вдруг они меня в засаде караулят.

Бородач рассмеялся.

— Да я б сам тебя двумя пальцами переломил. Да я б про них и упоминать не стал.

— Двумя не двумя, а подмогой в таких делах не брезгают.

— Промышлял?

— Нет, сталкивался.

— Конь у тебя добрый.

— Знаю.

Дом бородача стоял посреди светлой полянки. Большой, из грубого темного камня, который уже обточило время. Крыша крыта стальными листами ржавыми по краям, сверху завален землей с жухлой травой. Рядом с узким длинным окном рос куст шиповника, а неподалеку красовались пара ухоженных грядок.

За домом Йормунганд заметил строение, напоминавшее кузницу. По двору там и тут валялись всякие железные штуки, а рядом с кузницей красовалась выставка оружия.

Йормунганда просто неодолимо потянуло к этой куче — попробовать, выбрать себе что-нибудь. Усилием воли он подавил в себе желание копаться в куче заточенных железяк как малый ребенок в сладостях. У входа в кузню стояла привязанной понурая лошадь. Жара томила ее, и она лениво отгоняла мух пегим хвостом.

— Зачем тебе еще коняжка, если есть?

— За товарами ездить да перед князьями красоваться.

— Не отнимут?

— Они нас братовьев боятся. Особливо меня.

Бородач сделал многозначительную паузу и добавил:

— Колдун я.

— Колдун? — произнес Йормунганд задумчиво.

— Кузнец же.

— И верно. Не подумал. Кузнецы да пекари — близкие к магии занятия.

— Да-да, из той же братии. В дом зайдешь?

Йормунганд кивнул. Опасности он не чувствовал, не больше, чем обычно. Он спешился, взял коня под уздцы и привязал рядом с лошадьё. Тот немедленно начал так же лениво обмахиваться хвостом и пощипывать сено. Лошадь его мало заинтересовало, больно тощая и блеклая.

Дом оказался темным не только снаружи, но и внутри. Йормунганд поежился. В его краях тоже строили дома их камня, но редко. В доме было холоднее, чем снаружи. Три топчана стояли в ряд, с небольшими зазорами, скамейка у стены, окованный железом сундук, покрашенный сверху крикливой желтой краской. Грубый деревянный стол, печь, еще один сундук, поменьше. На полу лежал коврик, связанный из ветоши. Некогда веселый и пестрый, теперь он посерел от грязи.

— А жен давно нет? — спросил Йормунганд, скидывая наплечную сумку.

— Да ты ходи не бойся, — сказал бородач.

Он выложил на стол немного вяленого мяса и кружку с пивом. Пиво Йормунганд едва пригубил, а вот мясо съел без остатка.

Хозяин отломил хлеб и протянул краюшку.

— А сыр есть?

— Найдется.

— Меня Бьярне кличут, — сказал бородач, вдруг спохватившись.

— Ганглери, — сказал Йормунганд.

— Правда? — бородач хитро сощурился.

— Нет, на самом деле Гюльви. Хех, тебя не обманешь.

— Еще бы, — Бьярне довольно размял толстые мозолистые пальцы я же колдун. Ну и отекова ты родом, Гюльви?

— Из Ирмунсуля, — здесь Йормунганд не видел смысла врать.

— И куда путь держишь?

— В Гардарику.

Бьярне присвистнул.

— Далече. Еще мяса будешь?

— Да, пожалуйста.

— Пивка? Сам варил.

— Угу.

Приятная тяжесть в желудке клонила ко сну. Йормунганд зевнул в кулак и вытянул ноги под столом. Все в доме казалось ему игрушечным. И низкие постели, и стол, доходивший ему самое большее до колен. Среди народа Бьярне он и в самом деле сошел бы за великана.

Обычно, когда говорят «Я следую в Гардарику», это все равно что «иду, куда глаза глядят». Таков твой случай? — спросил хозяин.

— Не совсем. Если я и в самом деле попаду в Гардарику, то сделаю вид, что туда-то и направлялся.

Бьярне расхохотался.

— Мои братья отправились на поиски наших жен, а меня оставили присматривать за домом. Поможешь мне с работой? Тебе ведь, вроде, спешить некуда.

— Только не в качестве жены, — быстро сказал Йормунганд. Он отметил, как изменилась речь Бьярне. Просторечных слов в ней стало меньше, а предложения он строил правильно. Похоже, бирюк не всегда был бирюком.

Бьярне расхохотался словам Йормунганда.

— Хороший ты человек, — сказал он, утирая глаза. Из-за печки он выудил ларец, тонкой работы, с филигранным узором переплетающихся линий. Вопреки словам бородача, Йормунганд почувствовал жгучее желание стукнуть его по голове и забрать ларец вместе с содержимым. Бьярне открыл ларец полный тонких золотых колечек.

— Ха, одного не хватает, — нахмурившись, сказал хозяин.

— Их там множество, ты все сосчитал?

— Это для тебя они круглые да гладкие, а для меня все разные. Держи.

Он протянул ему золотое колечко. Простое гладкое, без рисунков и камней.

— Теперь конь твой, — сказал Йормунганд.

— Имя у него есть?

— Назови, как хочешь.

— А ты как его называл?

— Конь.

— Пусть будет Задира.

— Он не такой строптивый, каким кажется.

— Не твой конь. Не указывай.

— Ты прав, теперь не мой.

Йормунганд отхлебнул еще пива. Отстегнул с пояса мешочек с рунами, показал Бьярне, и сунул руку в мешочек. Бьярне внимательно следил за ним.

— И что? — спросил он, приподнимаясь с места, чтобы увидеть, что вытянул гость.

Йормунганд повернул костяшку к Бьярне.

— Феху, — Бьярне рассмеялся, разбрызгивая капли пива и крошки. — Поработаешь в кузне — преумножишь состояние. Руна не врет.

Йормунганд кивнул,

— Договорились. До конца зимы. Про меня никому не слова, будто меня нет.

— Лады. Руны посмотреть не прошу, знаю, что нельзя. Из чего они?

— Из ясеня.

— Ого, сам вырезал?

— Конечно, — Йормунганд не понимал тяги людей вроде Бьярне к ручному труду. Если была возможность купить, он покупал. Если нет, делал сам, плохо, хорошо ли, не стеснялся результатов своего труда. Руны получились неплохо. Но если бы случилась возможность

купить — купил бы.

Бьярне хмыкнул в бороду. Оружие, разукрашенное рунами, возрастет в цене.

Для кузнечного дела Йормунганд оказался недостаточно сильным. Сознание собственной слабости несколько уязвила его, хоть он и старался не подавать виду. Бьярне же поцокал языком и деловито показал Йормунганду, где в кузнице что находится. Йормунганд даже не пытался с первого раза все запомнить. Горн с вытяжкой, емкость с водой, ящик с топливом, наковальня, плавильня, гибочная, формовальная и гвоздильная плиты на подставке из стального уголка, большой тяжелый молот, верстак, инструменты.

— Я тут позабросил работу, — сказал Бьярне, смущенно, — одному несподручно. Но с тобой- то мы быстро управимся. Хех.

— А братья давно ушли? — спросил Йормунганд.

Бьярне не ответил. Он уже доставал из тигля брусочки холодного металла. Внимательно осмотрел их, один за другим подкинул на руке.

— Зажги печь, — не оглядываясь, сказал он. — Это сталь для клинков, ее надо обрезать, здесь и здесь, — он показал на брусочке где, — А потом будем опять плавить.

Йормунганд кивнул и под дребезжание пилы принялся разжигать огонь в кузнечной печи.

— А сталь не портится? — спросил он. — От нагревания?

— Нее, наоборот, только надо меру знать, не перегревать его, и не осторожничать, а то так тоже ничего не получится.

Бриг обрезал брусочек с двух сторон, аккуратно разогрел так, что брусочек засиял ярким желтым цветом.

— Побежали, побежали, — весело крикнул он, и Йормунганд схватил молот и начал бить по этому раскаленному бруску, глядя, как вытягивается металл под его ударами. Бьярне держал брусок в щипцах и вертел его так и эдак. Время от времени они брусок опять нагревали и опять придавали ему форму. Пот застила Йормунганду глаза, волосы налипли на лоб, а Бьярне лишь ухмылялся в бороду.

— Поживешь у меня, — сказал он. — Перезимуешь, а там, глядишь, снег твои следы заметет, преследователи и отвяжутся.

Йормунганд кивнул.

Легли они уже далеко за полночь, спал Йормунганд как убитый.

На следующий день Йормунганд еле поднимал ложку. Боль в руках и спине казалась не просто невыносимой, а бесконечной. Хотя Йормунганд конечно знал, что это пройдет. Бьярне посоветовал двигаться побольше.

В кузне они работали с вечера и до поздней ночи. Боль постепенно уходила, а вскоре Йормунганду уже не надо было делать перерывы в работе.

Едва похолодало, они начали работать серыми сумрачными зимними днями. В качестве платы Бьярне предложил сковать Йормунганду клинок и научить ремеслу. Но работать, как Бьярне Йормунганд не мог, не хватало опыта и сноровки. Зато в накладывании заклинаний Йормунганд сильно поднаторел.

— Ты мне кое- кого напоминаешь, — как- то сказал Бьярне, когда они расположились пообедать прямо в кузне.

— Неужели? — Йормунганд лениво отщипнул кусочек хлеба.

— Чьего ты рода, Гюльви из Ирмунсуля?

— Ммм, одной великанши из Ирвогля.

— А ты похож на человека, — сказал Бьярне.

— Ты тоже... похож. Для цверга.

Бьярне предпочитал продавать свой товар посредникам, постоянным купцам, чем открывать лавку и торчать на базаре самому. Изделия пользовались спросом, пока не приключилась вся эта история с девами- лебедами. Бьярне все- таки рассказал ее подробно, утирая скупую слезу кончиками заскорузлых пальцев и сморкаясь в рукав. Йормунганд сидел с соответствующим ситуации выражением лица и в который раз задавался вопросом, что он вообще здесь делает?

Будущих жен обнаружил старший брат Бьярне — Свенн. Он любил подкарауливать купающихся деревенских девок и глазеть на них из- за кустов, а иногда подшучивать, если была охота. Особенно нравилась ему одна, рослая и плечистая, с широкими бабьими бедрами и округлым приятным животом. Та разделять симпатию никак не хотела, и пару раз возвращался домой Свенн с расквашенным носом и синяком под глазом. Но девка девкой, а удовольствие удовольствием. И Свенн исправно ходил на речку. Только в очередной раз он застукал там не баб из деревни, а что ни на есть прекрасных ледей. Сначала Свенн принял их за Дочерей и хотел дать деру, только Дочери так себя не ведут.

Йормунганд хмыкнул, он- то знал, как могут вести себя Дочери. Но вслух говорить не стал.

Так вот, продолжал Бьярне, опрокинув еще стопку самогона, вместо белых покрывал лежали на берегу серебряные перья, такой тонкой работы, что Свенн совсем голову потерял. Высунулся он, значит, хватать эти перья и бежать. А девы не сразу спохватились, а как поняли, что случилось, раскричались, из воды повыскакивали и за ним. Как есть, голышом. И быстро же они бежали, собаки.

— Лебеди, — поправил Йормунганд.

— А бежали как собаки. Быстро, — не согласился Бьярне, — И догнали почти, только Свенн хитрее оказался, да и местность лучше знал. Так что прибегли те девы прямо к нашему двору. Представь себе зрелище, я молотком машу, Вильхельм в клещах заготовку держит, а тут Свенн прибегает весь в мыле, а за ним три женщины в чем мать родила. И кричат, и ругаются. В драку лезут. Ведут себя, словом, вовсе не по- женски.

Бьярне вздохнул.

— Хорошо было. Мы с теми девами условились, что перья им отдадим, если они за нас выйдут, и год с нами проживут. Те артачились поначалу, но мы- то мужчины хоть куда, так что согласились годок в тепле и довольстве пожить. Хорошо было. Свенн себе Ллею взял, высокую и плечистую, как та деревенщина. Тоже поколачивала его, но так, любя. Вильхельм Дариной прельстился, тонкокостной, вот тронь и переломится. Пылинки с нее сдувал, розу ей выковал, как настоящую.

— А ты? — спросил Йормунганд. Он уже догадывался, чем закончится история, и ему стало немного грустно. Самогон погружал его в меланхоличное настроение.

Бьярне помолчал, пожевал нижнюю губу,

— А про себя я тебе как-нибудь в другой раз расскажу.

Ночью, лежа на узкой лежанке, слишком короткой для него, Йормунганд пытался представить себе дев- лебедей. Одна с взглядом прямым и властным, с карими глазами и светлыми волосами до пояса. На поле боя ее голос слышен сквозь крики и лязг мечей. Вторая как загнанная лань, тихая и нежная. В рукаве она носит отравленный кинжал, глаза

ее полны прозрачной голубизны, а волосы черны как помыслы. Третья — огонь, ее взгляд обжигает, зубы оскалены в ухмылке, и она любит убивать. За ушами у них воткнуты лебединые перья, сами они наги и их ярость служит им одеждой.

Йормунганд перевернулся на живот.

Нет, подумал он, проваливаясь в сон, совсем без одежды они не могут. В этих краях холодно.

Едва сошел снег, Бьярне отправил Йормунганда отвезти готовое оружие для местного землевладельца. Бьярне долго читал ему наставления, кому поклониться, что сказать. Йормунганд заметил, что ему небезопасно показываться лишний раз на людях. Бьярне только рукой махнул, мол, Гюльви за время странствий так изменился, что его теперь ни одна Дочь не узнает.

— Хозяин — тварь паршивая, — Бьярне ухмыльнулся, — так что имей в виду, постарается отправить тебя обратно порожняком и без денег. Так что вот тебе подарок для него, для детей и для жены. Остальное — отдашь оружейнику. Он заплатит сколько надо.

— Почему не поедешь сам? — Йормунганд закинул ворох железных наконечников для стрел в тележку, — Я думал, ты захочешь увидеть старых друзей. Может быть, появились новости о твоей семье.

Бьярне потер пальцем переносицу,

— Нет, — сказал он, — езжай.

— Повздорил с местными?

— Ага, навроде того.

Йормунганд пожал плечами,

— А не боишься, что распродам весь товар и сбегу с деньгами? — Йормунганд усмехнулся.

Бьярне помолчал, погладил окладистую бороду, а потом тихо и внятно сказал,

— Твоя беда, Гюльви сын Лодура, в том, что ты всех людей априори считаешь хуже себя.

Йормунганд вздрогнул.

— Ты считаешь, что тебе можно доверять, но сам при этом никому не доверяешь, ждешь к себе такого отношения и заранее обижаешься. Как будто оправдываешь заранее задуманную подлость или, хуже того, красуешься, что ничего плохого не сделал, а мог. Я тебе, сын Лодура, верю. Верю, что вернешься, а нет — невелика утрата, лишь бы сам не пострадал. Понял?

— Да.

— Ну, добре тогда.

Хозяин проводил его до двери и закрыл за ним дверь.

У телеги скрипело колесо. Лесок уже прoderнулся тем неуловимым зеленым отсветом, который появляется только ранней весной. Еще немного и начет зеленеть, а потом и зацветет. Йормунганд не знал, какие цветы цвели в этих местах, но не сомневался, что красивые. Если есть что в мире постоянного, так это красота цветов.

Бьярне сдул пыль с железной розы. Свенн покрасил соцветие в красный цвет, но краска со временем облупилась. Бьярне осторожно потрогал лепесточки пальцем. Хороша работа. Свенн умел делать такие вещи, тонкие, изящные. Старший больше заборы делал, да ворота, а

сам Бьярне — клинки: мечи, ножи, секиры.

Он не дарил подарков, когда выбрал себе жену. Все равно лишь на год, как появилась, так и уйдет. Так и случилось. Вот только Касс ушла, забрав с собой его сердце. Задумывали ли ведьмы все так с самого начала, или получилось спонтанно? Бьярне не искал ответа. Когда братья собрались в путь, он знал, что они не вернуться. Чертовы ведьмы, они забрали не только их сердца, но и жизни. Разве можно жить без сердца?

Наивные дураки, вот кем они были, и кем остались.

Бьярне достал костяные руны, потряс мешочек и, не глядя, вытащил горсточку. Разложил в нужно порядке и уставился на них, наморщив лоб.

Может быть, дело в том, что у них не получилось детей? Касс говорила, что не хочет ребенка, но мало ли что у нее было на уме. Кто знает?

Одни из его братьев был все еще жив. Руны предсказывали ему лишения и трудную дорогу, но не смерть. По поводу второго брата руны молчали, пустая руна красноречиво ответила на его вопрос.

У них с Касс мог родиться мальчик, такой же смышленный, как и тот, что явился верхом на чужом коне. Или девочка, маленькая принцесса, утешенье отца. Было бы хорошо воспитывать здесь ребенка, даже если бы Касс ушла. Кусочек ее плоти, частица ее крови осталась бы с Бьярне навсегда, и его сердце тоже.

Что толку гадать, Бьярне смел руны обратно в мешочек. Мальчик вернется только к вечеру, надо бы сообразить чего повкуснее.

Перепутав повороты, Йормунганд плутал между маленькими, незнакомыми, похожими друг на друга поселками.

Шел дождь, и высокий человек ехал на телеге скрючившись, высоко подняв ворот кожаного плаща. Вода стекала по его темно-рыжим волосам и капала с подбородка. Пегий конь потемнел от влаги, постоянно фыркал, мотал головой. Дождь и ему не нравился. Йормунганд сочувствовал Задире. Боевой конь, а впрягли в тележку.

Йормунганд заставил себя выпрямиться и оглядеться в поисках пристанища. Сквозь серую пелену дождя все дома выглядели одинаково, и понять какой из них постоянный двор было трудно. Он спешил и постучал наугад. После продолжительного времени ему открыл худосочный крестьянин, который не посмел бы отвадить крепкого незнакомца.

— Айе! — сказал Йормунганд, морщась от аромата лука исходящего от крестьянина, — Могу я у вас переждать непогоду? Как дождь перестанет, я сразу уеду.

Крестьянин начал было отрицательно мотать головой.

— Дом старосты дальше, — начал он.

— Мне все равно до дома старосты, — нетерпеливо прервал его Йормунганд, — Мне сейчас нужно обогреться и чего-нибудь поесть. И Задире тоже. Есть у вас сено и куда коню поставить?

Крестьянин кивнул.

— Вот и хорошо.

Он указал крестьянину на телегу и прошел мимо него внутрь. Грязь во дворе раскисла, так что до крыльца пришлось добираться через огромную вязкую лужу. В доме тепло и чисто. Стол пуст, видимо, семья уже успела поужинать. Рядом с огнем сидела светловолосая девушка и пряла шерсть, свивая ее в тонкую нитку. Йормунганд смотрел на нее пару секунд, потом слегка поклонился. Она вскочила, приняла у него плащ и помогла снять сапоги,

измавав в грязи простое серое платье. Потом суетливо принялась накрывать на стол. Хозяин дома к тому времени уже вернулся, и тихо встал в дверях. Йормунганд заметил, что он тихо положил топор недалеко от двери, на случай, если странник принялся бы учинять насилие или буяннить. Йормунганд сел к огню и протянул к очагу озябшие руки.

— Мой конь ни в чем не нуждается? — спросил он.

— Нет, мой господин.

— Хорошо. Денег у меня немного, но я заплачу. Я Гюльви из Ирмунсуля, — сказал он, подумав, что представиться все-таки надо, хоть это и всего лишь крестьяне.

— Не хотите говорить, господин, так и не говорите, — произнес крестьянин кланаясь.

— Ммм, и как урожай нынче? — спросил Йормунганд не представляя, о чем можно говорить с этими людьми.

— Хорошо, мой господин, — ответил крестьянин, — Хорошо, на корню сгнил.

Больше Йормунганд ни о чем не спрашивал, быстро перекусив, сел к огню и так и сидел, не спуская с него глаз, пока не остались лишь редкие красные головешки. Тогда дом погрузился во мрак, а хозяин с хозяйкой тихонько легли спать на тюк соломы в углу. Для гостя оставили свободной кровать. Йормунганд тоже задремал, свесив голову на грудь.

— Дети Хеймдаля, — думал он в полусне. Шум дождя убаюкивал и незаметно для себя Йормунганд заснул, осев на скамью. Глубокой ночью крестьянин встал и накрыл его тонким лоскутным одеялом. Наутро Йормунганд поел вместе с хозяевами, подробно расспросил их о местных краях и даже немного неловко постарался отплатить им за гостеприимство рассказом об Ирмунсуле. Серебряную монету он положил на стол, чем заставил крестьянку низко кланяться, опустив глаза. Крестьянин же оробел от такого счастья.

Четыре часа спустя Йормунганд уже стучал кулаком в хлипкие городские ворота. Открылось маленькое окошечко, и оттуда высунулся маленький лысеющий человечек с туканьим носом. Йормунганд тут же назвал его про себя «господином Туканом».

— Слушаю? — проскрипел господин Тукан.

— Я представитель «Бьярне и ко», — Йормунганд развернул пергамент и показал в окошечко. Старый пергамент потемнел от времени, Бьярне накануне еще тщательно вымарывал старое название. А Йормунганд так же тщательно выводил новое. Господин Тукан кашлянул.

— С товаром? — спросил он.

— Полная телега, — сказала Йормунганд, невольно широко улыбнувшись.

— Не слышал раньше ни о Бьярне ни о ко.

— Мы расширяем сферу влияния на рынок, — заявил Йормунганд.

Раздался стук ключей.

— Потяните там на себя, — попросил Тукан. Йормунганд вцепился в проржавшее кольцо и ворота со стоном поддались.

Тукан оказался таким же, как и большинство чиновников, служащих на въездах в города. Йормунганд протянул ему бумаги, раздумывая, не выводят ли подобных людей в специальных питомниках, или это работа заставляет их лысеть, а голос делает высоким и противным. Господин Тукан просмотрел грамоты, отдал их обратно Йормунганду и поманил за собой в конторку. Два здоровых охранника вышли за ворота, чтобы осмотреть телегу. Йормунганд не сомневался, что пары мечей он точно потом не досчитается. И даже охранные руны не помогут.

— Господин Бьярне, верно? — сказал Тукан, садясь за перепачканный чернилами стол.

— Ганглери из Ирмунсуля, если вы спрашиваете о моем имени, — сказал Йормунганд.

Тукан вытянул чистый листок из-под пачки исписанных и перепачканных, неторопливо заточил перо, окунул его в чернильницу и принялся тщательно выводить букровку за букровкой.

— Глан-гери.

— Глан-гле-ри, — поправил его Йормунганд. Судя по манипуляциям чиновника, не досчитается он больше пары мечей.

— Гланглери, — согласился чиновник, — из Ирмунсуля.

— Все так.

— С целью?

— Реализация товара общего потребления.

Чиновник поднял голову.

— Вы же оружие продаете, — сказал он.

— В том числе. А так же ножи, топоры, бижутерию и полезные в хозяйстве мелочи.

— Хмм. Широкого профиля, значит, компания.

— Да. Вроде того.

— Целей свержения нынешней власти не имеете?

Йормунганд непонимающе нахмурился,

— Простите? Нет, я первый раз здесь.

Тукан наградил его тяжелым взглядом и вновь уткнулся в свою бумажку. Поводив по ней носом, развернул ее Йормунганду.

— Распишитесь здесь, господин...

— Гланглери.

— Господин Гланглери.

Йормунганд почувствовал, как позади него появился один из стражников.

— Сдайте оружие, — сказал господин Тукан.

— Что? Но я его продавать везу.

— То, которое при вас. По закону вы не имеете права находиться в черте города вооруженным.

— Но это не имеет смысла, у меня же полная телега этого добра, — попытался было возразить Йормунганд.

— Закон есть закон и каждый обязан подчиняться ему, — наставительно сказал Тукан.

Йормунганд молча сдернул с пояса ножны с мечом и сунул их стражнику рукоятью вперед.

— Можете идти, — сказал господин Тукан.

С секундным замешательством, Йормунганд поклонился и вышел.

— Странный малый, — сказал стражник, снимая шлем.

— Не из наших мест, — ответил государственный чиновник первого класса Туканус.

— Оружие. Да и все, что он везет работы Бьярне. Хех, проклятый цверг даже не постеснялся поставить свое клеймо.

— Недомыслие. Даже грамота кое-как исправлена. Мальчик же даже не знает, во что вляпался.

— Сообщить князю Эдегору?

— А вы еще не отправили курьера?! — Туканус всплеснул маленькими птичьими

ручками. — Конечно, сейчас же.

Стражники задвинули створки ворот, едва Йормунганд отъехал. Он было спросил их, где находится оружейная, но те молча его проигнорировали.

Городок не поражал ни красотой, ни оригинальностью архитектуры. Что Йормунганду нравилось, так это обилие цветущих деревьев повсюду и чистота мостовых. Как обычно, Йормунганд выбрал самую широкую улицу и просто поехал вдоль нее, стараясь никого не задавить. Он с легким удивлением смотрел на серых женщин с разноцветными покрывалами и бусами на полных шеях, спешащих по своим делам с корзинками. Пару раз его взгляд останавливался на пестро одетых женщинах известной профессии. У одной из них он увидел даже большие, немного облезлые, перья в прическе. Его живо заинтересовало, что это за птица, и в каких краях водятся такие пташки, но разговоры требуют денег и времени. Сейчас у него не было ни того, ни другого. Последнее серебро он оставил в крестьянском доме, медяком же соблазнится совсем пропащая.

— Барышня, — обратился он, — останавливая телегу рядом с девицей, — будьте любезны, подскажите, как добраться до городской оружейной?

— По улице вверх, налево, потом от «Горячей телки» направо и до конца, там увидите, — сказала девица с перьями низким, совсем не идущим ей, голосом.

Йормунганд улыбнулся. Девица, заметив, что он медлит, качнула бедром и сказала:

— Шесть монет за ночь, дорогой. Принимаю любую валюту. И не бойся заразы, пользую даже местного лекаря.

— Спасибо, — сказал густо покрасневший Йормунганд и поехал дальше. Вблизи девица оказалась немолода. Грудь уже опали, а локти и колени выглядели худыми и острыми. Но блеск глаз из-под перьев заставил чувствовать неуютно. Лучшее время этой шлюхи уже позади, но она вполне может пользоваться местного лекаря, подумал он. Время и деньги.

Груженная сталью телега еле разминулась с торговцем капустой. Тот обрушил проклятия на голову Йормунганда и всех его родственников, ближних и дальних. Йормунганд начертал в воздухе знак неудачи и молча послал его торгашу.

Оружейная оказалась там, где шлюха и сказала. Строение из красного кирпича подпирало собой небольшую башенку, похожую на те, в которых обитали Дочери. Перед оружейной расстилалась стрелковое поле, огороженное по периметру редким частоколом, а в стороне виднелась кузница, чуть меньше, чем у Бьярне.

Рядом с кузницей стояла небольшая толпа воинов в боевом облачении.

— Йормунганд!

Йормунганд похолодел.

— Йормунганд, господин Йормунганд из Ирмунсуля, — один из воинов отделился от остальных и уверенно направился к нему, — Вы меня не помните? Я Гарриетт!

— Айе, Гарриетт! — сказал Йормунганд, — Ты обознался, я Гланглеры. Какими судьбами?

— Я вас о том же хотел спросить, — сказал Гарриетт. — А вы возмужали с тех пор, как виделись в последний раз. Как будто еще вытянулись и стали шире в плечах. Я вот только в пузе расту, — Гарриетт добродушно усмехнулся. В пузе он не вырос, все такой поджаристый и жилистый, на голове прибавилось седины, и новый шрам залег под левым глазом. Карие глаза смотрели все так же безмятежно, будто только вчера они расстались на улицах Гладшейна. Да и одет он теперь в добротную одежду, а не лохмотья путника из дальних

земель.

Йормунганд плотнее запахнулся в плащ, скрыть поношенный и вправду ставший ему мал кафтан, потертый на локтях. Гарриетт сощурился.

— Я зря назвал вас по имени? — спросил он.

— По документам я Гланглери, — сказал Йормунганд, — так что будет лучше, если позднее ты скажешь, что обознался. Что встретил другого старого знакомого, по имени Гланглери. Но тоже из Ирмунсуля. Мы, ирмунсульцы, для тебя все на одно лицо.

— Тогда за вами должок, — сказал Гарриетт.

— Отдам, как придется, — сказал Йормунганд. — Как ты здесь оказался? Что здесь происходит? Давно ты из Гладсшейна?

— Тише, тише, столько вопросов и сразу, — Гарриетт выставил перед собой ладони, — Вы ведь оружие привезли на продажу? — он красноречиво кивнул на телегу с добром.

— Оружейник вон там, — он показал на группу воинов. — Тот, что со свинячьей щетиной на подбородке.

Йормунганд взял лошадь под уздцы.

— Я думал, ты отправишься в Гардарику. Едва закончишь свои дела.

— Верно, — сказал Гарриетт. — Только не все дела закончены.

— Вот как, Альфедр отказал тебе в твоей просьбе?

— Отказала его жена.

Йормунганд вскинул бровь.

— Что так?

— Позже расскажу, — прошептал Гарриетт, — Эй, господин Трувар, тут господин Гланглери пришел продать вам свой первоклассный товар!

У господина Трувора кроме жесткой щетины, еще и рыло оказалось свинячьим, круглым и розовеньким. Йормунганд поклонился. Трувор кивнул и засеменил к телеге.

— Господин Йормунганд? — спросил он неожиданно низким глубоким голосом совсем не сочетавшимся с круглой внешностью.

— Мое имя Гланглери, — сказал Йормунганд, — я из Ирмунсуля.

— Ошибся я, — встрял Гарриетт, — принял за другого. Да кто этих ирмунсульцев разберет? — он хохотнул.

Трувор не обратил на него внимания. Он внимательно изучил бумаги, подошел к телеге и откинул полог. Стальные лезвия сверкнули на солнце, заставив зажмуриться и Трувора и Йормунганда. Воины неподалеку оживились, подступили ближе. Один потрогал лезвие пальцем и отдернул руку, оцарапавшись. Йормунганд бесстрастно наблюдал за ними, пока не заметил, вокруг кого толпились воины.

Прямо на камнях лежал свернутый как гусеница маленький бородатый цверг. Из-под веревок грозно топорщилась пегая борода. Бедняга даже не мог пошевелиться, только стрелял глазами и слюнявил веревку, перетягивающую ему рот. Один глаз заплыл огромным синяком.

«Меня же всего день не было» чуть не произнес вслух Йормунганд, «Всего день».

— Цверга поймали, — сказал Гарриетт небрежно, заметив, куда Йормунганд смотрит, — в лесу хоронился. Еле справились.

— А за что его? — спросил Йормунганд.

— Хех, ну есть за что, — Гарриетт пожал плечами.

— Он и его братья удерживали в течение года, трех высокорожденных дам, — сказал

другой воин, с пышными усами и прозрачными глазами навывкате. — Его брата мы поймали и казнили. Голова торчит на воротах.

Йормунганд передернуло.

— Не обратил внимания, — признался он, — А что с дамами?

— Их донос и стал причиной преследования, — сказал Трувор, — Хорошее оружие. Вы кузнец? — он с сомнением окинул взглядом тонкую фигуру Йормунганда.

— Нет, посредник, — ответил Йормунганд, — перепродаю.

— Яасно. И что почем?

Йормунганд заставил себя отвернуться от плененного цверга и вернуться к телеге.

— Вот этот, — он показал на длинный клинок с украшенной тонкой филигранью рукоятью, — 50 медяков. Простая рукоять — 30, короткие мечи — тоже 30, кинжалы по 10. еще есть ножи, если желаете, и побрякушки для ваших возлюбленных.

Он обратился к оружейнику, пересчитывающему мечи.

— Сделаю скидку, если купите все сразу.

— Для них еще необходимо вытачать ножны. Что же ваш мастер этим не озаботился? — ворчливо заметил тот.

— Без ножен дешевле, — невозмутимо ответил Йормунганд. — И для вас и для меня.

— Пройдем, — Трувор показал на вход в оружейную. — Вы пока выгребайте, да осторожнее. И этого, — он пнул лежащего цверга, — в темницу до приезда князя.

Йормунганд пошел за Трувором, почтительно отставая на пару шагов. В тесной каморке, которая заменяла Трувору и жилье и кабинет, Йормунганд аккуратно поставил подпись на договор купли-продажи, пожал руку оружейнику и даже согласился выпить с ним по рюмашке в честь окончания сделки. Деньги в темном платяном мешочке перешли от Трувора к новоявленному купцу.

— Приятно иметь дело с человеком, — сказал Трувор, доставая бутылку из мутного стекла. — После того, как братья цверги учудили, наши поставки оружия желали лучшего. Вы вовремя явились, но, надеюсь, в будущем ваши услуги, хех, посредника не понадобятся.

— Что так?

— Видели бородатую шельму, что валялся там как глиста на солнцепеке?

— Эээ, да?

— Если удастся его припугнуть, то будет у нас первоклассный кузнец, не чета нынешнему.

— Припугнуть?

— Агась, — Трувор разлил поило по двум разнокалиберным рюмочкам. — Это князь наш умеет. Удача, что мы взяли его живьем. Надеюсь, князь найдет на него управу.

Йормунганд опрокинул рюмашку в рот. Горло обожгло, он выдохнул и задержал дыхание.

— Хорошо пошла? — Трувор разлил еще по одной.

— Угу, — Йормунганд потер нос, — Хорошо.

— А с Гарриеттом при каких обстоятельствах познакомились? — спросил Трувор, пододвигая рюмочку поближе.

— В Гладшейне, — сказал Йормунганд. — Он тогда явился к Альфедру с какой-то просьбой. Всем рассказывал, что он из Гардарики.

— Большой этот город — Гладшейн, — мечтательно сказал Трувор. — Завидую я вам, купцам, везде бываете, все видите. А мы тут, разве что война в дальние дали позовет. Тогда и

вылезем. По болотам комаров кормить дадохнуть.

В каморке оружейника было неуютно. Кирпичные стены давили, да и сам хозяин видно не любил здесь задерживаться. Топчан с шерстяным покрывалом, маленький шкафчик, из которого оружейник доставал бутылку. Сундук, за которым они сейчас сидели как за столом. Плоская крышка сундука заляпана свечным воском и чернилами. Чернила, чернила в каждой закуске, подумал Йормунганд, прежде чем выпить еще одну рюмашку.

— Тяжелый, шельма, — пробормотал Виззард, взваливая цверга на плечо. Только Виззард мог поднять и унести цверга в одиночку. Гарриетт немного завидовал человеку с такой развитой мускулатурой. Тот, кто мог подумать, что у Виззарда при этом мало мозгов, сильно рисковали. Здоровяк соображал быстрее начальника стражи, вперед не лез, своего не упускал.

— Гарриетт, подсоби маленько, — попросил он, подергивая плечом, чтобы уложить цверга поудобнее. Цверг, не смотря на порядком намятые бока, и не думал смириться. Извивался, старался веревку перекусить, лягнуть кого ненароком.

Гарриетт осторожно обошел его кругом.

— По голове, может дать? — предложил он. — Он отключится, будет легче нести.

— Ага, ум из него вышибить последний, то-то князь обрадуется. У него на коротыша свои планы, не нашего ума.

— Слышь, ты, — сказал Гарриетт цвергу, — Малыш-коротыш, если будешь кочевряжиться, огрею по башке и скажу, что так и было.

Цверг притих, злобно сверкая глазами.

— Гы гы, так и съел бы, — сказал Торвалль. От предков из подземных гор Торваллю остались лишь имя, да широкие грудь и пузо. Издали он походил на большую бочку, по недоразумению умеющую ходить и говорить. Сочувствия пленнику он не выказывал, только глазел с любопытством.

Гарриетт и Виззард направились к неприметной двери под сторожевой башней. Гарриетту пришлось здорово постараться, отпирая тяжелые двери. Узники у князя бывали. Но, как правило, недолго.

— А этого, который оружие привез, ты знаешь? — спросил Виззард Гарриетта.

— Да, в Гладспейне видел его как-то раз.

— А откуда он оружия столько взял цверговой работы, знаешь?

— Не, откуда мне? Взял где-то, купил по дешевке. Я его вообще сначала за другого принял.

— Ага, Йормунганд, верно?

— Гланглери его имя,

— А когда ты назвал его Йормунгандом, он напрягся. Не заметил?

— Виззард, ты к чему ведешь?

— Ни к чему. Говорю, что увидел. Недавно князя убили, говорят, не обошлось без ирмунсульского колдуна.

— А я слышал, что то был переодетый Альфедр. Пришел испытать своего воспитанника, а тот вместо хлеба и вина усадил его меж костров.

Виззард хмыкнул.

— Думаешь, Альфедр вышел бы из своей норы без сопровождения в пару сотню человек?

— Нет, не вышел бы, — Гарриетт покачал головой. — Я в эту историю тоже не верю, но и подозревать каждого ирмунсульца тоже не дело.

— Каждого, как будто они у нас косяками ходят.

— Хех.

— Однако, если Гланглеры не тот, за кого себя выдает, это может быть и к лучшему.

— Неужели?

— Наш князь в давних терках с Альфедром, так что вполне может оставить у себя кого-то, кто может подстроить самоубийство неугодного.

— Хех.

— Ты подумай над этим. Подумай.

— Я думаю, думаю.

Холод темницы пронизывал до костей. Камеры специально сделали в конце коридора, чтобы каждый заключенный, пока его ведут, мог видеть пыточные машины и предметы зловещего назначения. Гарриетта до сих пор продирало, когда он их видел. Виззард шел равнодушно. Возле ближайшей камерой скинул цверга как мешок с зерном, зажег по обе стороны камеры по факелу.

— Не кусайся, пока я буду тебя развязывать, — предупреди л он, — Иначе останешься без зубов, понял?

Цверг промолчал.

Виззард достал новый нож, позаимствованный из повозки незадачливого торговца, и полоснул по путам.

Цверг заворочался, освобождаясь. Помассировал челюсть, пары зубов у него теперь и так не доставало.

Гарриетт задвинул решетку и щелкнул замком.

— Не пытайся убежать, — сказал он, — иначе нам придется подрезать тебе сухожилия. Еда два раза в день, утром и вечером. Там отверстия для испражнений, — он ткнул в пространство позади цверга. Если будешь буянить или причинять нам неприятности, останешься без света. Неизвестно, когда князь пожелает увидеть тебя и что решит, так что заточение может продлиться долго. Понял, Малыш- коротыш?

— Бьярне, — сказал цверг угрюмо.

— Что?

— Бьярне, мое имя, — повторил цверг, — И на счет ирмунсульца ты солгал, верно? Ты покрываешь этого колдуна.

Виззард напрягся.

— Я же сказал, — Гарриет улыбнулся. — Не доставляй неприятностей, — и потушил факелы по обе стороны темницы.

— Ну и? — Йормунганд подтянул колени к подбородку и исподлобья уставился на Гарриетта. Голова раскалывалась от боли, отдавая в виски. Видел Йормунганд в полумраке плохо, но где он, догадался сразу.

— Не думай, я тут ни при чем, — сказал Гарриетт. Тусклый свет факела освещал его долговязую фигуру в кафтане поверх кольчуги. У пояса болтался меч, один из тех, которые Йормунганд привез на треклятой тележке. Гарриетт поставил перед решеткой миску с похлебкой и кусок хлеба. Поколебался и добавил к трапезе сушеное яблоко из кармана.

— Ну, спасибо, — сказал Йормунганд. Есть хотелось ужасно, но приниматься за еду при Гарриетте он не хотел. Гордость не позволяла.

Его посадили в камеру подальше от Бьярне. Того держали одного, в темноте. Иногда Йормунганд слышал, как тот ругается или поет. Однажды он выкрикивал проклятия, но на решетке у Йормунганда висел амулет против магии. Наверняка, такой же был у Бьярне. Разве что Бьярне знал какую-то совсем особую магию, но Йормунганд сильно в этом сомневался. За те пару месяцев в компании цверга, Йормунганд был уверен, что вызнал все секреты мелкого бородача. Самые важные уж точно.

Йормунганд отключился после того, как выпил с оружейником половину его бутылки. Очнулся уже в камере. Почему его взяли и как долго собираются держать, он не знал. Гарриетт первый, кого он увидел после того, как очнулся. Похмелье заставило пожалеть, что его сразу не казнили, и видеть старого знакомого он был совсем не рад.

Гарриетт все не уходил. Мялся и топтался рядом с камерой.

— Если хочешь что-то сказать, так говори, — не выдержал Йормунганд.

— После того, как тебя взяли, я сказал кто ты, и как мы с тобой познакомились.

— Думаешь, князь сдаст меня Альфедру или Дочерям? Немало выручит. Или надеешься, что награду за мою голову отдадут тебе?

— Нет, не в этом дело.

— Не в этом?

— Я распространил слухи среди воинов, что ты невероятно могучий маг, и что ты — единственный, кто может противостоять Альфедру и даже собственному отцу. Влияние Дочерей не распространяется по эту сторону хребта, так что...

— Что я буду должен тебе?

— Хех, зришь в корень. Я так и не исполнил поручения.

— Гарриетт, неужели твое обещание так важно для тебя? Ты можешь никогда не возвращаться, служить здесь. Ты найдешь себе новую жену, и у тебя еще будут дети, — Йормунганд осекся, когда понял, что точно так же думал когда-то, да и сейчас наверняка не изменил себе, его отец.

Гарриетт рассмеялся.

— Да нет, но ход твоих мыслей я понял. Нет, нет, ты все еще можешь помочь мне. Ты же маг куда сильнее Дочерей, про тебя рассказывают всякое. Как ты убил князя на его же пиру, когда он неучтиво обошелся с тобой, и про договор с чудовищем тоже все знают. Йормунганд, князь придет к тебе, постарайся ему понравиться. Тогда обрешь и свободу и дом. Помоги ему, тогда мы в расчете.

Йормунганд не ответил. Гарриетт кивнул на прощание и пошел к выходу. Йормунганд дождался, пока шаги Гарриетта затихли в коридоре, и пододвинул к себе поднос с едой. Еда оказалась не такой плохой, как он думал. Камера — сухой, хоть и тесной, и факелы горели даже по ночам. Их неверный свет порождал тени на стенах и углах, но Йормунганд не возражал. Все лучше непроглядной тьмы, в которой находился сейчас цверг.

Если Гарриетт не соврал на счет распространяемых слухов, то князь придет посмотреть на пленника лично, прежде чем принять какое-то решение. Значит, он должен произвести впечатление. Йормунганд лег на каменный пол и закинул руки за голову. Его синий плащ покрылся пылью и пропитался чадным дымом. Да и синим его можно было назвать с натяжкой. Йормунганд понес к лицу руку. Он принял решение быстро. Если такова цена свободы, он заплатит ее, не задумываясь.

В конце концов, он тоже знатного рода, что бы эти оборванцы о себе ни думали.

Князь оказался не таким старым, как представлял его Йормунганд. Мужчина средних лет, с медвежьей походкой и маленькими глазками на скуластом лице. В темных волосах проглядывает седина. Хороший доспех из вареной кожи и металла. На плечах длинный шерстяной плащ, вышитый по краям тонкой вязью рун и узором из переплетенных животных и растений. Рот выглядел щелью, так сильно Эдегор — его имя Йормунганд знал и раньше, хоть и не помнил, откуда — поджал губы. Йормунганд слышал, как тот разговаривает с Бьярне. Слышал и проклятия цверга и срывающийся крик. Теперь Йормунганд стоял, прижимаясь щекой к решетке, и внимательно наблюдал за князем и его свитой. Гарриетта не было.

Слева от Эдегора стоял молодой человек с короткими светлыми усиками. Его водянистые глаза навывкате внимательно изучали пленника. Справа стояла высокая, с поджатыми как у князя губами, прямой спиной и тонким покрывалом, сдвинутым на глаза Дочерь.

Йормунганд отступил от решетки на шаг и поклонился.

Первым заговорил человек с усиками.

— Мы знаем кто ты, Йормунганд из Ирмунсуля. Зачем ты явился на наши земли?

— Продать товар, выручить денег и отправиться дальше, — ответил Йормунганд. — Я не собирался здесь задерживаться или причинить кому-то зло.

— Зачем же назвался чужим именем? — продолжил допрос усатый. Йормунганд мазнул взглядом по гербу на груди, стараясь определить, откуда взялся этот щеголь, кто он князю или Дочери.

— Гм, ходят слухи, что за меня, видите ли, назначена награда.

— Приходилось ли тебе убивать людей? — спросил князь глухим чуть с хрипотцой голосом. Он чуть наклонился, так что усатый мужчина подставил руку под его локоть.

— Говорят, что да, — сказал Йормунганд.

— Кого же ты, как говорят, убил?

— Скальда Этельгерта на пиру у Альфедра. Князя на его собственном пиру.

— Приходилось ли тебе встречаться с чудовищами?

— Мне нет. Но говорят, что Грендель видел меня.

— Хм, Грендель видел тебя, а ты его нет. Почему?

— Я уснул, — и Йормунганд обезоруживающе улыбнулся. Эдегор нахмурил брови, но кивнул.

— Чьих ты кровей, Йормунганд из Ирмунсуля? — спросил Эдегор наконец. Вопрос был больше формальным, раз уж усатый сказал, что они знают, кто он. Но Йормунганд постарался ответить серьезно, в тон Эдегору.

— Я сын Лодура и Ангаборды. Правительницы Ирмунсуля, — Йормунганд склонил голову набок, — жены Нерда, если ничего не изменилось с нашей с ней последней встречи.

Воины зашептались. Лишь усатый стоял с невозмутимым видом, и Дочь скривила губы. Лицом она неуловимо напоминала Эдегора. Бледное лицо, тонкий нос, синие глаза, некрасиво оттопыренные уши. Только без его солидной тяжеловатости.

— Хорошее происхождение. Ничего не значит, но происхождение хорошее. Не боишься, что я сдам тебя Альфедру? — Эдегор улыбнулся краешком губ, но взгляд остался холодным, оценивающим.

— Можете хоть сейчас казнить, семи смертям не бывать. Альфердр, наверное, оценит столь... великодушный жест.

— Но вместо этого я решил нанять тебя.

Йормунганд замер на мгновение, потом глянул в глаза Эдегору и снова потупил взгляд. Дочь гримасой выразила неодобрение, усатый остался равнодушен. Судя по всему, только для них предложение Эдегора не стало неожиданностью. Что ж, вот с кем надо дружить, только, Йормунганд опять глянул на Дочь, не близко.

— Мне стоит скрыть свое имя и происхождение? — спросил Йормунганд тоном ростовщика уточняющим контракт.

— Нет. Мне не нужно одобрение Альфедра в любом случае. Так давай же хотя бы позлим его.

И старик подмигнул. Йормунганд сдержанно улыбнулся.

— Что ж, по крайней мере какое-то время я буду вам служить, — сказал он.

Князь вопросительно изогнул бровь.

— Пока буду вам полезен, — уточнил Йормунганд.

— По рукам.

Йормунганд протянул руку сквозь решетку. Эдегор быстро пожал ее. Человек с усиками отпер камеру и Йормунганд медленно пошел вслед за князем и его немногочисленной свитой. За весь разговор Дочь так не сказала ни слова, и Йормунганду, глядя на ее неестественно прямую спину, оставалось лишь гадать, зачем она здесь. Неужели его больше не преследуют?

— Я смотритель, — шепнул усатый Йормунганду, — Валонхейм.

— Ты его бастрад? — спросил Йормунганд одними губами.

Валонхейм вздрогнул и бросил на мага быстрый взгляд.

— Каким колдовством ты узнал? Кто тебе сказал? — прошипел он.

— Ты похож на своего отца, чудо-то какое, — ответил Йормунганд.

На их шепот стали обращать внимание, так что до выхода они прошли молча. Возле камеры Бьярне седая старушка замывала следы крови. Йормунганд осторожно переступил через лужу.

Свет ударил Йормунганду в глаза. В камере он быстро потерял ориентацию во времени, так что удивился полудню. Гарриетт ждал его, лузгая тыквенные семечки у каменной оградки. Он низко поклонился князю и кивнул Йормунганду.

Солнце палило так, что Йормунганд покрылся испариной. Синий плащ на плечах стал

тяжелым, и его убогость резко контрастировала с убранством остальной свиты князя. Йормунганд попытался незаметно расстегнуть застежку плаща, чтобы скинуть его и понести хотя бы в руках, но застежка заела, а прилагать усилия прилюдно показалось неудобно. Примут за деревенщину, Йормунганд и так чувствовал себя неловко, хоть и продолжал улыбаться.

Гарриетт не переставая выплевывать шелуху от семечек себе под ноги, пошел рядом с Йормунгандом, влившись в немногочисленную процессию. Валонхейм сделал вид, что не заметил Гарриетта.

— Айе! Внутренний голос подсказывает мне, что я у тебя в долгу, — шепнул Йормунганд.

— Это голос разума, — ответил Гарриетт с ухмылкой, — Рад, что все обошлось.

Они остановились посреди заднего двора. Йормунганд глазами спросил разрешения у Валонхейма, понимая, что теперь устройство его жизни будет зависеть от него. Валонхейм кивнул.

Задний двор замка отличался от любого другого, где Йормунганду приходилось бывать. За внутренними стенами стояло величественное каменное строение, с острыми шпильями, в духе тех, что стояли в Гладсшейне. А за ним, спрятавшись в его тени, стояло такое же просторное, но низенькое и широкое строение, деревянное, с витыми колоннами и с завитушками обрамлявшими окна. От него еще пахло свежестью дерева и капельки липкой смолы блестели на солнце как капельки древесного пота.

Между каменным зданием и деревянным, красовались мелкие грядки и вход в сад, причем ворота в него тоже были витые и разукрашенные изображением цветов. Сам сад только-только окрасился едва уловимым нежно-зеленым отсветом будущей листвы. Ярко-зеленая травка торчала между серыми плитами, которыми вымощен двор, и по каменной кладке прыгали пичуги с серыми грудками.

— Когда я впервые оказался в дальних краях, — сказал Гарриетт, — то поразился, насколько мой дом не похож на остальные места этого мира, и похож одновременно. Земляные дома, дома из льда. песка и еще пес знает чего. Здесь же каменные хоромы — для гостей из мест, где принято строить каменные дома для жизни. Половина соседей такие. И припасы хранить там хорошо, долго не портятся. От осады, наверное, тоже хорошо. Деревянные палаты сгорят вмиг, а каменные — хрен спалишь. Только холодно там — что богине душу можно отдать.

Йормунганд кивал, не сводя взгляд с деревянного строения.

— Но главная резиденция — вот, — сказал он, — указывая на чудо плотнической мысли.

— Верно, — места много, можно перестроить, если не понравится. Подновлять приходится регулярно, но для здоровья дерево полезней.

— Оно же такое больше, — сказал Йормунганд. — Да тут город в городе. Как такое вообще возможно?

Гарриетт посмотрел на сад, грядочки, деревянные и каменные палаты, потом на Йормунганда.

— Да вроде скромно все. О чем ты говоришь? Ты же жил в доме Альфедра, вот у кого не жилище а сказка.

— Ты был внутри?

— Нет, но и ты здесь внутри еще не был.

Йормунганд, наконец, справился с застежкой плаща и с облегчением скинул его. Взметнулись клубы пыли. Гарриетт поморщился, но и одобрительно хмыкнул одновременно.

— Хлебнул лиха, — сказал он, — Ты же голодный. Пойдем, покажу, что да как, перехватим заодно.

— Ты же сам приносил мне еду. Спасибо за яблоко.

— Пф, да разве то еда? В желудке должно находиться что-то посущественнее каши и яблок.

Гарриетт принес с кухни каравай хлеба, еще теплого, пахнувшего так вкусно, что Йормунганд невольно сглотнул. Еще Гарриетт принес сыр и пыльную бутылку вина.

— Живем! — весело сказал он.

— И что я должен для тебя сделать? Мне ясно, что ты поучаствовал в моей судьбе. Но вряд ли ради старого знакомства.

— Бежишь вперед повозки, — Гарриетт разломил хлеб, положил сверху сыр. — Почему бы тебе и не поверить в мои добрые намеренья.

— Правда что ли? — Йормунганд начал злиться.

— Слушай, Валонхейм — бастард князя.

— Какая неожиданность.

— Только не говори с ним об этом. Он недолюбливает отца. Об этом тоже не говори. Вообще не обсуждай их семейные отношения.

— Понял.

— У князя только один законный ребенок — Элоди. Ты ее видел, она шла рядом с отцом.

— То есть она не Дочь, она его дочь. Хм, как забавно звучит.

— Хех, тебе уже повсюду Дочери повсюду мерещатся. Тебе повезло, здесь их нет, так что твои услуги будут более чем востребованы.

— Когда ты говоришь так, мне не по себе.

— Не бери в голову.

— Так зачем ты вытащил меня? — Йормунганд глотнул вина и вернулся к тревожащей его теме.

— Считай это сентиментальностью, — Гарриетт взял у Йормунганда бутылку и тоже глотнул темного крепкого поила.

— Элоди будет искать тебя. Постарайся добиться ее расположения. Только не усердствуй особо.

Йормунганд кивнул. Он не хотел, но все-таки не мог не спросить.

— А что стало с тем цвергом?

— Каким цвергом?

— Которого вы поймали. Бьярне.

— Он в башне, — Гарриетт показал на высокую башню прямо над их головами.

— Значит, его не убили?

— Нет, ему всего лишь перерезали сухожилия, чтобы резво не бегал и заперли, чтобы одумался и стал работать на князя.

— Вот как.

— А могли и убить, как и его братьев. Князь все-таки добрый человек.

Йормунганд отпил еще вина и согласился.

Мага поселили не в башне, что торчала ввысь каменным зубом. Йормунганд был рад этому, башни ему не нравились. Во-первых, традиционное обиталище Дочерей, а во-вторых, большинство башен просто-напросто тесные. Валонхейм выделил Йормунганду покои в каменном замке. Не солнечная сторона, зато просторно. Да и место не людное, никто не будет мешать. Обстановка небогатая, тем приятней будет обживаться.

А башня, как сказал Гарриетт, занята.

— Хорошо хоть не в коридоре, — вздохнул Йормунганд, едва увидел отведенные ему комнаты. Каменный пол покрыт коврами, на стене гобелен с выцветшим изображением рыцаря убивающего дракона. Йормунганд провел по гобелену рукой, в воздух поднялся столп пыли. Явно давно не топили, так что воздух стоял сырой и затхлый. Йормунганд подошел к окну. Во внутреннем дворе бегала мелкая звонко твякающая собачонка, и местная прачка тащила куда-то огромную корзину с бельем.

Валонхейм только хмыкнул. Не похоже, что он затаил зуб на Йормунганда, но и в друзья не набивался.

— Долго не удержишься, — сказал Валонхейм и Йормунганд нахмурился, раздумывая, не принять ли слова бастарда как вызов. Но нет, в Валонхейме по-прежнему не чувствовалось враждебности или злого умысла.

— Ты что-то имеешь против меня? — спросил Йормунганд. Он уже сел на постель, кровать жалобно скрипнула и Йормунганд с тревогой замер, не обрушится ли она от его веса. Он уже хорошенько набрался вина с Гарриеттом, и от вида покоев и наглых усиков Валонхейма настроение его не улучшилось.

— Ничего, — сказал Валонхейм, отвечая невозмутимым взглядом голубых глаз. — Я не угрожаю тебе и не издеваюсь, Йормун.

Йормунганд поморщился от фамильярного обращения, но стерпел. Валонхейм имел ключи от каждого помещения во владениях Эдегора. По сути, его отец дал ему власть куда большую, чем собственной дочери. Будет ли на стенах и углах его покоев копиться пыль, или, напротив, они будут регулярно отапливаться и убираться, зависело от добрых или хотя бы нейтральных отношений с бастардом.

— Князю некогда заниматься тобой лично, — продолжил Валонхейм. При этих словах кончик его рта дернулся, как от приступа. — Так что я передам тебе его волю. Князь намерен жениться во второй раз, но его будущая жена связалась с недостойным мужем. Тебе стоит проявить определенную деликатность и решить дело в пользу твоего господина.

— Невеста Эдегора знает, что она его невеста? Это важно для будущих переговоров.

— Да, ей известно о его намереньях.

— Хорошо, не придется долго объяснять. И? Кто счастливица? Кто недостойный муж?

— Славная леди из Миградта — Раннвейг Йоунасдоуттир. Негодяй, что соблазнил ее — Йорд, сын Альфедра.

Йормунганд присвистнул.

Валонхейм как будто устыдился своих слов, будто это была его воля отправить Йормунганда прямо в логово недруга.

— Сейчас, — сказал он чуть мягче, — Йорд находится на Севере, так что вы с ним, вероятно, и не встретитесь. Князь надеется, что тебе удастся убедить Раннвейг Йоунасдоуттир, союз их земель был бы выгоден им обоим. А так, сближение с Йордом опасно, так Альфедр окончательно обложит нас по границам. Любовные зелья, заговоры, о

тебе ходит темная слава, попробуй воспользоваться ею.

— Заколдовать или запугать, — задумчиво произнес Йормунганд.

— Да сделай что-нибудь, — сказал Валонхейм.

— К моему возвращению пусть здесь будет почище и свежие простыни не забудь, — сказал Йормунганд со вздохом. — Пусть освободят дальнюю комнату с узким окном, она достаточно просторна, там будет лаборатория. Еще нужны полки для книг и длинный стол. Есть у вас библиотека?

Валонхейм медленно кивнул.

— Но ты не поймешь языка, на котором они написаны, — поспешил заметить он.

— Разберусь, — сказал Йормунганд. — Валонхейм?

— Да?

— Я слышал, ты не ладишь со своим отцом. Я своего и вовсе с детства не видел, а то, что слышал не позволяет мне его любить.

— Сын Лодура, — сказал Валонхейм. — Твой отец великий человек... по-своему. Он никогда не бывал дальше земель Ванадис и не вхож во двор князя, пусть они и знакомы. Ты об этом хотел узнать?

— Эм, возможно.

Валонхейм кивнул. Все это время он продолжал стоять на пороге покоев Йормунганда, будто боялся запачкаться, ступив дальше.

— Что ж, тогда отдохни и отправляйся в путь. Прости за убогую обстановку, ничего лучшего дать тебе не могу. Но к твоему возвращению все будет сделано согласно указаниям. Надеюсь, мы сдружимся с тобой, Йормунганд из Ирмунсуля. Не заставляй Гарриетта сожалеть о его усилиях по сохранению твоей жизни.

Новый маг князя выехал немедленно. Накинул на плечи плащ, надвинул на лицо капюшон, взял свою издававшую виды походную сумку. На этот раз в ней лежали карта и охранное письмо.

У въезда в город, мимо проскакал небольшой вооруженный отряд. Йормунганд заметил только, что во главе отряда женщина. Шлем ее украшали небольшие лебединые крылья. Йормунганд невольно проводил ее взглядом.

Карта показывала, что земли Йорда находятся южнее Кроманьонских гор, и западнее владений Ингви. Открытие, что земли брата Ванадис находятся так близко от него и так далеко от Гладсшейна неприятно поразили его. Он как будто почувствовал дыхание Дочери на затылке.

Размышления о Ванадис навели на мысли о матери. Интересно, оказался ли удачным ее брак, или смерть на пиру все испортило. Йормунганд задрал голову к сине-серому утреннему небу. Он добрался почти до края земли, но так и не встретил своего отца, не помог сестре. А что сейчас с братом — кто его знает? Он, потомок Лодура и Ангаборды, старший из детей, вынужден бегать на побегушках у провинциального князька. Однако, Йормунганд склонил голову на плечо, жить в замке и пользоваться определенным влиянием на князя тоже неплохо. Куда лучше, чем бесцельно скитаться в поисках противоречивых слухов за человеком, что бросил его и его семью дивным давно.

Пусть солнце с каждым днем все ласковее прогревало землю, по ночам все равно было холодно. Часто шли дожди, и дорожная слякоть сильно затрудняла передвижение одинокому

путнику. Йормунганду оставалось только радоваться, что не приходится идти пешком. Земля сочилась влагой, под копытами чавкало. Углубляться в лес в поисках стоянки решительно не хотелось.

Но были и отличия, Валонхейм снабдил его деньгами на дорогу. Йормунганд принял мешочек с деланным равнодушием, лишь взвесив в руке и лениво бросив к остальным вещам. Валонхейм лишь плечами пожал и предупредил, что безалаберное отношение к деньгам не делает чести никакому человеку. Йормунганд лишь губы скривил в ответ в подобии улыбки.

— Привычка, — сказал он. Но едва Валонхейм ушел, Йормунганд быстро выхватил мешочек и тщательно пересчитал и разделил всю сумму на равные части. Денег было недостаточно, чтобы забыть о обещании служить и кинуться в бега, но хватало на некоторые нужды сверх путешествия. Часть денег Йормунганд надежно спрятал в вещах, часть — в одежде и оставшееся положил в кошель на поясе. Немного, чтобы не соблазнять разбойников на дороге.

Из первоочередных покупок он приобрел новые сапоги с посеребренными пряжками и теплый шерстяной синий плащ, такой темный, что почти черный. Лошадь ему выдали на княжеской конюшне. Не боевой конь, но сойдет. Казенная сбруя Йормунганду не понравилась, но опять же пришлось обходиться. Конюший настороженно принялся ему объяснять, как ладить с лошадыю, будто ребенку. «Знаю» — нетерпеливо ответил колдун и, сверкнув глазами, вскочил на робкую Ладушку и ускакал.

Меч на выезде из города ему вручил мистер Тукан. Долго и недовольно рылся в оставленных путниками железяках, пока не выудил тот самый, с резной рукоятью, которой Йормунганд так гордился, потому что и рисунок придумывал сам, и помогал при создании.

В придорожных дворах его теперь встречали куда радушнее, комнаты давали теплее и просторнее. По ночам порой стучались девки, в надежде заработать пару монет. Йормунганд ворочался, но не просыпался.

Тревожные сны больше не мучили его, и он почти забыл про предсказание трех дев. Пока однажды, когда до города Йоунасдоуттир осталось пара дней, Йормунганд не остановился в весьма презентабельной харчевне под названием «Рукавица». Прежде чем подняться в приготовленную для него комнату. Йормунганд решил перекусить, чтобы как следует выспаться потом на полный желудок. Кормили отменно, Йормунганд пребывал в благодушном настроении, пока к нему не подсел коренастый бородач со смутно знакомым лицом. Светлые волосы заплетены в толстую косу, на плечах плащ из звериной шкуры как у южного варвара, а доспех металлический, а не кожаный, как у Йормунганда.

— Айе! — сказал он и щелчком подозвал к себе подавальщика. Йормунганд отодвинулся, кивнул в знак приветствия. Перед ним стола тарелка с недоеденным куском курицы с золотистой поджаренной шкуркой, натертой пряностями и залитой знаменитым в этих краях сливовым соусом.

— Вкусно? — осведомился детина, — Мне того же, — сказал он, ткнув в тарелку Йормунганда.

— Отличный выбор! — с энтузиазмом произнес подавальщик и скрылся на кухне. Через пару минут перед незнакомцем стояла порция ароматной курочки и бутылъ сливового вина «от заведения».

— Неплохо, а? Всегда-то тут что-то новое.

— Чем обязан? — спросил Йормунганд недружелюбно. Он не собирался ссориться с первым встречным, только излишняя фамильярность его коробила. А порция непростенного

сотрапезника оказалась раза в полтора больше той, что принесли ему.

— А правда, что тебя разыскивают за убийство? — громко спросил незнакомец и захохотал, как будто отмочил невесть какую шутку.

На них начали оглядываться, даже хозяин оторвался от бесконечного наяривания грязным полотенцем кружек за стойкой и настороженно посмотрел на них.

— Правда, — сказал Йормунганд прищуриваясь, — А правда говорят, что Йорд частенько заходит в это заведение и узнать его можно по полному отсутствию чувства юмора и такта?

— А вот это врут, — сказал Йорд посерьезнев. — И как ты догадался?

— По молоту, — сказал Йормунганд. За поясом у Йорда и в самом деле висел его знаменитый молот с укороченной ручкой. Руны покрывали стальные бока. И выглядел он невероятно тяжелым. Но и без этого Йормунганд узнал бы брата Бальдера, сына Альфедра. Йормунганд скользнул взглядом по сторонам. Странно было встретить Йорда одного, без дружины, без вообще каких-либо спутников. Или, может быть, они столовались в менее приличном, но куда более веселом месте.

— А! — Йорда как будто поразила проницательность собеседника.

— Я буду схвачен и доставлен пред светлые очи твоего отца или на милость Дочерей, чью жрицу я подло соблазнил и покинул?

— Ты тут предсказываешь будущее, — сказал Йорд, отщипывая от курочки кусочек. Соус поплыл по его пальцам, запачкал усы и каплей упал на бороду. У Йормунганда рыжий пушок выгорел на солнце и казался едва различимым.

— Скажи, — Йорд пододвинул к себе тарелку и легко разорвал цыпленка пополам, — Тот скальд и правда умер из-за твоего заклęcia?

— Я не знаю, умер ли он из-за меня или по другой причине. Но я проклял его, если тебе интересно. Он пытался обесчестить мою сестру.

— Ах да... сестра. Но ты великий маг, хотя по мне проще было бы пырнуть ножом и вся недолга. Не бойся, тот скальд был близким человеком Фригги, а я с ней не лажу. Хах, накладывать проклятие, как долго и как бесполезно. Подослал бы убийц, отравил, если не хотел, чтобы подумали на тебя. А так — еще и сбежал. Свадебный подарок для матери, а? Ну, ладно-ладно, глазами-то не сверкай, сам таким был. Хотелось все бросить и ускакать куда глаза глядят. Ну что, посмотрел на большой мир, сын Лодура?

— Насмотрелся. Ты что-нибудь знаешь про мою семью? — спросил Йормунганд с внезапной надеждой.

— Мало чего. Ангаборда и Ньрд поженились, полгода живут в Ирмунсуле, полгода — на побережье. Говорят, Ангаборда разочарована мужем, но то лишь разговоры, доподлинно ничего не знаю. Волчонок сейчас у Альфедра, крепко сдружился с моим младшим братом, не помню которым. Я редко теперь там бываю, все дела-дела. Да и не зовут.

— Волчонок? — спросил Йормунганд.

— Так его теперь называют, Фенрир Волчонок. Того гляди, в волка вырастет. Здоровей меня будет малец.

— А Хель?

— Эта рыжая высокая? Она... все хорошо с ней. Сбежала от матери, сейчас замужем за кем-то из северных князей.

— Что?!

Йорд улыбнулся, его борода лоснилась от соуса и куриного жира. Йормунганд напомнил

себе, что не стоит ему доверять.

— Не надо было ее оставлять.

Йормунганд помолчал, разглядывая волнистые узоры на деревянной столешнице.

— Что ж, спасибо, — сказал он, наконец.

— О себе-то расскажи, — попросил Йорд, ухмыляясь во весь рот.

Йормунганд помедлил мгновение. Вежливость требовала отплатить какой-нибудь историей, путевой байкой.

— Ну, о тебе уже сказки рассказывают, того гляди до легенд дойдет, — подзадорил Йорд. — Скоро Лодура начнут называть: Лодур отец Йормунганда.

Йормунганд лишь фыркнул.

— Сказки надо у бабок спрашивать, — проворчал он.

— А куда путь держишь?

— Куда глаза глядят, рядом замок Раннвейг. Направляюсь туда, а потом к побережью.

— К побережью? Зачем?

— Подумываю наняться в отряд наемников.

Йорд расхохотался и смеялся долго, пока слезы не выступили в уголках глаз.

— Ну-ну, ладошки. Забавно будет посмотреть.

Йормунганд невозмутимо за один залп выпил полкружки пива. Смачно рыгнул. Остальные посетители обернулись на громких нахалов. Что вели себя все более и более непринужденно. Йормунганд коротко поклонился Йорду.

— Рад был видеть тебя. Доброго! — он совсем уже начал вставать, неловко отодвигая скамейку ногами.

— Эй. Йормун, — сказал Йорд и Йормунганд в который раз уже за недолгое время поморщился от слишком фамильярного обращения. — Я еду сейчас к Раннвейг Йоунасдоуттир, давай со мной. Мое общество ей быстро наскучивает, а ты развлечешь ее новыми байками, да умными беседами. Только имей в виду, она — мой женщина.

Йормунганд выпрямился во весь рост, свел лопатки, чувствуя, как хрустит спина.

— Уговорил.

Йорд улыбнулся. Ох, думал Йормунганд, кто бы мог подумать, что мне так повезет и не повезет одновременно.

Владения Раннвейг поражали вовсе не пышностью или размахом. Йормунганду бросилась в глаза тщательный порядок, в котором поддерживался замок и его округа. Дальше от центра обычный городской хаос брал свое. Эта была не любовь к простоте или чувство прекрасного. Йормунганд не удивился, когда их с Йордом вышла встречать женщина в простом платье, с короткими светлыми волосами. Она не носила украшения кроме золотых колечек в ушах. На Йормунганда, как и на Йорда она взглянула гордо и холодно. Но даже не успевший стяжать себе славу на любовном поприще Йормунганд знал, что за внешней холодностью часто прячется огонь и страсть. И чем холоднее женщина, чем неприступнее ее красота, тем сильнее хочется увидеть, как исказится ее лицо в момент наслаждения.

На высокий статус женщины указывала так же группа поодаль стоящих служанок, с опущенными взглядами.

— Кого ты привез мне, любимый? — произнесла Раннвейг и слово «любимый» прозвучало так, будто она ударила собаку.

Йормунганд соскочил с лошади и низко поклонился.

— Я Йормунганд из Ирмунсуля, — произнес он прежде, чем Йорд успел что-то сказать. — Айе, моя госпожа, рад встрече!

— Я где-то слышала твое имя, — сказала Раннвейг. — Это про тебя рассказывают истории в тавернах?

— Не думаю, чтобы вы слышали про меня истории в тавернах, — улыбнулся краями губ Йормунганд. — Я следовал по своим делам, когда встретил князя Йорда.

— И он притащил тебя ко мне, — фыркнула Раннвейг. — Я не жалую непрошенных гостей, знаешь ли. Особенно таких, про которых болтают страшные истории.

— Он занятный тип, — вмешался Йорд. — Посмотри на него, не съест же он тебя в самом деле. Пусть разделит с нами трапезу, а потом можешь вышвырнуть его.

— Не указывай, что мне делать, это не твой дом, а тебе не жена, — взъерилась Раннвейг. — Хорошо, приветствую тебя в моем доме, Йормунганд. Будь здесь гостем.

Йорд едва слышно выдохнул.

Порой в венных походах пища бывает разнообразнее, чем та, которую подали в доме Раннвейг. Йормунганд не сомневался ни секунды, что она достаточно богата, чтобы не отказывать себе в маленьких праздниках желудка. Вокруг города на многочисленных пашнях уже появились ростки. А в городе даже бедняки выглядели сытыми. Немало было потрачено на городские укрепления и, Йормунганд не сомневался, что в подвалах замка достаточно еды, чтобы пережить многомесячную осаду.

Но прямо здесь и сейчас Раннвейг Йоунасдоуттир не желала тратить ни единого лишнего зернышка, чтобы ублажить гостей изысканными блюдами или необычной сервировкой стола. Йормунганд украдкой поглядывал на Раннвейг. Эта женщина как будто живет впрок. Стоит ли вообще Эдегору жениться на ней? И что Йорд, известнейший герой, в ней нашел?

— А правда, — спросила Раннвейг, — что в Ирмунсуле не верят в Луноликую?

Хуже вопроса для ирмунсульца и представить нельзя. Йормунганд зажмурился, она еще и недалекая дура.

— Ирмунсульт изначально был столпом веры в Великую Богиню, и остается им и доньше, — сказал Йормунганд, старательно контролируя тон голоса. — Во время военных походов, бывало, воины вроде Йорда захватывали жриц, — Йорд при этих словах хохотнул. — А те обратили в нашу верну немало воинов. Распространение веры в Богиню было подобно пожару и пару сотен лет охватило самые далекие земли.

— Как интересно, а почему не бывает мужчин служащих Богине? Они недостойны?

— Об этом лучше у жриц спросить, — сказал Йормунганд. — но, насколько мне известно, Богине угодны создания подобные ей. В ваши края я не видел башен, неужели у вас тоже, как и в соседних землях князя Эдегора нет культа Луноликой?

— Он есть, — сказал Раннвейг почему-то сердито. — Только без этих глупых башен.

— Не бойся. Йормун, Дочери в этих местах смирные и покладистые, — сказал Йорд. Он уже без плаща, развалился на деревянной скамье так, будто возлежал на княжеском ложе.

— А ты и вправду убил того князя на пиру? — спросила Раннвейг. — Как ты сделал, чтобы он напоролся на собственный меч?

— Он оказался неловким, только и всего, — сказал Йормунганд.

— Но тебя же посадили меж двух костров, как ты смог одолеть его, если тебя подвергли очистительному огню? — не отступала Раннвейг.

— Я проклял его сразу, едва увидел, так что садить меня меж огней было уже

бесполезно, — сказал Йормунганд чуть нервно.

Раннвейг поднесла ладонь ко рту.

— Ты и так можешь?

Йорд успокаивающе взял ее за локоть.

— Да не волнуйся, милая, этот парень не посмеет тебе ничего сделать, пока ты со мной.

— Ты сказал, что был во владениях Эдегора, — сказала Раннвейг, — был ли ты при дворе князя?

— Я видел его недолго, — признался Йормунганд, чувствуя, что вот сейчас можно вывести разговор и узнать нечто полезное. — Он силен духом и земли его процветают.

— Пф, неверующий болван, — прошептала Раннвейг, хмуря брови. Йорд посмотрел на нее с одобрением.

— Разве его дочь не принадлежит Дочерям? Мне показалось...

— Это старая история, — сказал Йорд. — Когда умерла ее мать, она не выносила отца, не знала куда себя девать. Замуж не хотела. Вот ей и напели, мол, иди в Дочери, обретишь свободу от семьи. Только та свобода пуще неволи, не каждая выдержит. Да и у отца она единственный ребенок. Эдегор долго думать не стал — дочь забрал, храмы разорил, жриц перебил. Он, после смерти жены, не в себе был, а тут еще дочь... Ох, ну и воевали они тогда с Ингви, и с Альфедром рассорились. Бунты, опять же. Но Эдегор жесткий мужик. Странно, что он не попытался тебя на свою сторону склонить. Опять за дочь заволновался, ах-ха.

Раннвейг постукивала краешком ногтя по краю кубка. Вино им поднесли неплохое, хоть в чем-то Йоунасдоуттир оказалась на высоте. В зал вошли музыканты и затренькали на узких, сплюснутых к низу гитарах. Вышла девушка в длинных одеяниях и начала танцевать. Йормунганд смотрел на ее грациозные движения, стараясь проникнуться красотой момента.

— Ты бы видел как сама Раннвейг танцует, — шепнул Йорд.

— Ты не выглядишь опасным, будь добр, оставайся таковым и можешь остаться сколько пожелаешь, — сказала Раннвейг, размякнув от тепла обнявшего ее одной рукой Йорда, и разбурчавшись от вина.

Йормунганд пил вино и на душе у него было почему-то очень тяжело.

Ночью он выяснил, что его поселили рядом с покоями хозяйки. Всю ночь он слышал как Йорд и Раннвейг бурно ублажали друг друга. Причем самым громким был Йорд, как будто Раннвейг его имела, а не он ее.

Йормунганд лежал в полудреме, накрыв голову подушкой, и думал, чем можно соблазнить такую женщину на свадьбу с Эдегором. Йорд, по его мнению, ни отличался ни умом ни воспитанием. Что у него было, так это отвага и громадное самомнение. Но Раннвейг он нравился, пусть и был уже женат.

Она пришла к нему глубокой ночью.

— Ванадис? — спросонья окликнул Йормунганд.

— Нет, — ответила Раннвейг после короткой паузы. Ему казалось, он слышит, как она поправляет прядку за ухо.

Он поднялся на кровати, запахивая нижнюю часть тела покрывалом

— Извините, госпожа, — сонно пробормотал он.

— Ничего, — сказала Раннвейг.

Йормунганд спал один, и теперь сидел на кровати, скинув одеяло на ноги. Раннвейг стояла прямо перед ним, высокая, с взлохмаченными светлыми волосами, глазами

васильково-голубыми, как у его матери. Ночная рубашка скрывала ее фигуру, но заметно топорщилась на груди.

— Присаживайтесь, госпожа, — сказал Йормунганд, не сообразив, что кресел или скамей в комнате просто нет. Лишь широкая кровать с льняными простынями.

Раннвейг села прямо на кровать рядом с ним.

— Ванадис это дочь того князя, что наследует Альфедру?

— Да.

— Ты хорошо ее знаешь?

— Я знаком с ней, госпожа.

Раннвейг усмехнулась.

— Совсем как твой отец, — сказала она.

— Что? — он не понял, что она имела в виду.

— Ты очень похож на своего отца.

— Мне часто это говорят.

— Вот как. Когда ты показываешь себя с хорошей стороны или с дурной?

— С любой стороны, госпожа. Должно быть, мой отец очень разносторонний человек.

— Как ты прав. Впрочем, я зашла поговорить с тобой не о минувшем. Скажи мне, намеренье князя жениться на мне серьезно? Я знаю, он вдумчивый человек, но мы с ним во многом не похожи. Наша совместная жизнь превратится в ад. О, не удивляйся, конечно, я знаю про намеренья Эдегора. И то, что ты пришел в качестве его посла — тоже. Ты мог обмануть Йорда. Но не меня.

— Вы удивительно проницательны, госпожа.

— И ты надеешься убедить меня?

— Да, госпожа.

— Не смотря на мой отказ?

— Да.

— Ты говоришь так уверенно...

Раннвейг с интересом смотрела на него.

— Подольешь мне любовное зелье?

— Нет, это было бы неправильно. Да и даже Йорд понял бы, что вас околдовали.

— Хм, верно, Йорд не совсем так глуп, каким кажется.

Йормунганд тактично промолчал.

— Тогда пообещаешь мне золото и почет?

— Вы знаете, что получите это. Но это не повлияет на ваш ответ.

— Верно, все это князь мне уже предлагал.

Она придвинулась к нему ближе.

— Так что же ты сделаешь? Заколдуешь меня? Подчинишь своей воле?

— Я буду угрожать вам, госпожа.

— Угрожать? — Раннвейг подняла брови. Ее лицо находилось уже так близко от лица Йормунганда, что он чувствовал ее дыхание на щеке.

— Я знаю заклятия, — прошептал он, едва касаясь мочки ее уха, — которые превратят вас в уродливую шлюху. Черная похоть будет пожирать вас изнутри. Никто не захочет вас, вы же примете каждого в свои объятия. Вам будут отвратительны солнечный свет и еда. Вы будете умирать от желания и мечтать умереть по-настоящему. Ваши друзья отвернуться от вас. Ваши дети вас проклянут. Ваш возлюбленный будет избегать вас. Вы будете рожать

уродов.

— Ты жесток, — произнесла она отстраненно.

— Да, госпожа.

— Но можешь ли ты сотворить все, что пообещал?

— Я не раздаю обещаний, госпожа. Доброй ночи, — он отстранился, выпуская ее из своих объятий.

Раннвейг поднялась. Через короткий промежуток времени дверь скрипнула и затворилась за ней.

Йормунганд откинулся на кровать, раскинув руки. В струящемся свете луны его тело белело среди белых простыней. Он пообещал себе, что едва вернется, непременно купит ту женщину с перьями, что видел в Доррене.

Хотелось яблок.

Йормунганду и в самом деле любопытно было бы посмотреть на церемонию женитьбы, которую проводят в отсутствие Дочерей. Что они делают? Прыгают через костер? Йормунганд не мог представить Эдегора сигающего в пышном княжеском одеянии через пламя. Да и Раннвейг уже не молода, ей за тридцать, пусть и все еще привлекательна. Она поступила милосердно, не натравив на него Йорда, и даже соблюла некоторые приличия, дождавшись отъезда любовника.

Что думал Йорд о скорой свадьбе Раннвейг, Йормунганд не знал. Наверное, проклинал их встречу и что сам же ввел свата в дом возлюбленной. А может, и вздохнул с облегчением.

Свадьбу Йормунганд пропустил. В подвластных Эдегору землях накопилось достаточно дел, которыми можно занять нового подданного. У Йормунганда появилась собственная лошадь, из поездок он привозил всякие мелочи для нового дома. Как птицы выют гнездо, так он, обрадовавшись пристанищу, спешил обустроить его под себя.

В дальней комнате, как и планировал, Йормунганд устроил лабораторию. Раньше ему не приходилось иметь дело с химикатами. Варить кое-какие зелья он умел, но все-таки не так, как управлялись с зельеварением Дочери. А вот как раз зелья и пользовались у людей Эдегора повышенным спросом.

— Так вы делаете зелья или нет? — резкий голос заставил Йормунганда оторваться от реторты. Вот уже месяц он работал над способом получить

— Что? — спросил он, — просто чтобы что-то сказать. В проеме стояла женщина с орлиным носом, бровями вразлет и отпрыском, во всем на нее похожим. Отпрыску лет восемь или меньше. Он колупался в носу и смотрел на Йормунганда исподлобья.

— Вы делаете зелья? — повторила его мать.

— Да, но я сейчас занят, — сказал Йормунганд, стремительно соображая, кто эта женщина. За месяц он так и не смог запомнить всех обитателей замка. К тому же многие лица исчезали так же стремительно, как и появлялись.

— Мне нужно зелье для мужа, — женщина скрестила руки на груди. — Сколько будет стоить?

«Может, родственница князя», подумал Йормунганд. Он выпрямился. Субстанция, над которым он работал, требовало внимания и соблюдения жесточайших пропорций.

— Я занят, — повторил он.

— Так сколько? — нетерпеливо повторила женщина.

— Во-первых, кто вы? Я здесь недавно и не знаю всех в лицо. Во-вторых, что за зелье вам нужно? Я понял, что для мужа. Но какое? Противоревматическое? От подагры?

— Да как вы со мной разговариваете?! — вскинулась женщина. — Высочка пришлая, еще и издевается! Я же сказала: для мужа! Что непонятного?

— Что нужно твоей матери? — спросил Йормунганд ребенка.

Тот вынул палец из носа, внимательно осмотрел его и сказал:

— Чтобы были еще дети.

— О, — сказал Йормунганд сочувственно. — Я сейчас поищу. С вас три серебром.

— Что?! — женщина вытаращилась на него круглыми глазами.

— Это сильное средство, — сказал Йормунганд. — Другое не поможет. И... эффект будет очень кратковременным, имейте в виду. Но для еще одного ребенка хватит.

— Так и знала, вы — шарлатан, — заявила женщина и с гордым видом удалилась, волоча с собой за руку сынишку.

Йормунганд так и не понял, кто же она была. На следующий день он поставил слугу у двери. Самого склочного из тех, кто рад был пошпынять посетителей, прежде чем доложить об их приходе Йормунганду. Про мага стали говорить, что он зазнался и много себе позволяет, но князь пропускал разговоры мимо ушей. А на Йормунганда стали поглядывать с уважением.

Ругер роста был небольшого, с сильными руками и кряжистый. Впечатление портила борода, как Ругер не старался, росла редкой, да и на голове волос было не густо. В настроении он все время находился отвратном. Все-то портило ему существование. То обед невкусный, то девка не так посмотрела, то телега грязью забрызгала, а чаще все разом. Исполнительностью не отличался, хозяев не уважал, но с Йормунгандом неожиданно сошелся. То ли потому что Йормунганд его почти не замечал, пока он гонял знатных зевак от его дверей, то ли надеялся, что уж маг-то подскажет ему, как отрастить шевелюру погуще.

Гарриетт непременно при удобном случае подчеркивал доброе расположение к Йормунганду, так что ирмунсулец начал чувствовать себя в долгу, даже если Гарриетт ничего не делал. Именно Гарриетт первым заметил внимание, которым оделяла Йормунганда Элоди. Дочь князя заходила к Йормунганду ненадолго, минут на пять, но каждый день. Однажды Гарриетт увидел, как она ходит по коридору, бледная, с красными пятнами на щеках и заламывает руки, прежде чем пройти коридор и войти в покои Йормунганда. Дуэнья наблюдала за терзаниями подопечной спокойно, с безучастным равнодушием. Наконец Элоди взяла себя в руки, вздернула подбородок и решительно распахнула тяжелую кованую дверь. Она всегда входила без стука, а одинокий слуга Йормунганда не смел ей препятствовать.

Иногда Элоди кричала на Йормунганда без повода. Йормунганд бесился, бил реторты и рассыпал руны, потом долго не мог собрать их дрожащими от бешенства руками. Прикасаться кому-то еще к своим вещам он строго запретил.

— Она любит тебя, — сказал Гарриетт когда после одного их таких «разговоров» Йормунганду пришлось прикладывать лед к щеке.

— Неужели? — ядовито откликнулся Йормунганд. — А выглядит как будто наоборот.

Гарриетт пожал плечами. Лезть в чужие отношения дело неблагодарное. В конце-концов, Элоди всего лишь глупая половозрелая девочка. Да и князю не по нутру будет брак любимой дочери с пришлым колдуном.

Поползут слухи, будто он ее околдовал, очаровал. Похоже, сама Элоди так думала.

А Йормунганд аккуратно раз в неделю ходил в заведение Мадам Малене и платил одной из девочек пять серебряных монет за ночь. Он старался менять их, чтобы ни у одной не возникло искушения навязаться ему в содержанки. И изредка он выходил ночной порой на улицу у трактира и искал женщину с перьями по имени Симона, чье разноцветное платье можно увидеть даже в ночном сумраке. И всегда она оказывалась пьяной.

Йормунганд покупал игрушки для ее маленького сына. Ребенок родился с глазами матери и ничем больше на нее не походил. Светлые волосенки торчали во все стороны. В солнечном свете они походили на нимб, так что его мать звала его ангелочком. Для своего

возраста он был худеньким, зато пошел в рост. И почти не говорил. Симона как-то пыталась рассказать жалобную, романтическую и явно лживую историю об отце ребенка, но Йормунганду оказалось неинтересно. Он и без того знал, откуда появляются дети.

— Я даже не придумаю, что с ним делать, — пожаловалась Симона, когда с Йормунгандом лежала на застиранных простынях в комнатке на втором этаже самой дешевой гостиницы, что только можно было найти в городе.

— Что ты имеешь в виду? — Йормунганд почти заснул, язык едва ворочался.

— Дай мне какое-нибудь снадобье, чтобы я приворожила себе хорошего мужа и вышла замуж, — сказала Симона.

— Хочешь меня бросить?

— Ай, да как будто тебе есть до меня дело! — Симона повернулась на бок спиной к нему и принялась ждать, когда он уснет.

Едва его дыхание выровнялось, она встала, быстро оделась в рабочую одежду. Плата лежала на одном и том же месте, у изголовья. При свете свечи Симона пересчитала блестящие монетки и спрятала в потайной карман среди вороха юбок. Яркие юбки и украшения из перьев в волосах были отличительным знаком Симоны.

Йормунганд проснулся, едва за ней закрылась дверь, и долго лежал, глядя в темноту. На подушке осталось маленькое синее перышко. В дрожащем свете его тень расползалась и трепетала.

На следующий день Элоди прилюдно дала ему пощечину.

— Ты! — на руке Йормунганда тут же повис Гарриетт.

— Не надо, — прошептал он. — Не надо, не делай этого. Пойдем отсюда.

Йормунганд сделал шаг назад. Все произошло в пиршественной зале, где, по обыкновению, князь собирал своих вояк, чтобы отметить начало нового дня. Элоди тоже присутствовала вместе с мачехой. Жена князя с интересом взидала, как Элоди взмахнув юбками, перепрыгнула через низкий стол, добежала до Йормунганда и вlepила ему звонкую затрещину.

Из-за Гарриетта Йормунганд замешкался, так что маленькую, сжавшуюся Элоди успели оттащить прежде, чем он замахнулся во второй раз.

— Прекратите! — голос Эдегора перекрыл возникший шум.

— Ты! — князь ткнул в ошеломленного Йормунганда. — Пошел вон! Не попадайся на глаза моей дочери!

Йормунганд вскинулся, но Гарриетт опять предупреждающе схватил его за локоть.

— А ты, Элоди, — князь тяжело посмотрел на дочь, — подойдешь ко мне и объяснишься. Сейчас же.

Гарриетт потянул Йормунганд прочь из зала.

— Пойдем, — говорил он на ходу. — Пойдем, пойдем, хоть раз поедим как люди. Пропустим пивка, заедем рыбкой. А? Ты же любишь рыбку, Йормун?

Йормунганд тряхнул головой и позволил себя увести.

— Элоди! — отец одним словом умел показывать, насколько он подавлен, разочарован, раздосадован и устал. Новая «мама» умела показать все то же самое одним взмахом ресниц.

— В чем дело, Элоди? Колдун чем-то обидел тебя?

Раннвейг фыркнула. Она сделала это тихо, но чтобы Элоди услышала и поняла, что ее

тайна давно ни для кого не секрет. Девушка устояла себе под ноги.

— Ее надо выдать замуж, — сказала Раннвейг. — А колдуна отослать... на какое-то время.

— Что ты имеешь в виду? — взгляд Эдегора устремился на супругу.

— Если конечно, — Раннвейг усмехнулась, — ты не хочешь, чтобы твоя любимая дочка вдруг оказалась беременной от знатного ирмунсуьца, пришедшего сюда в лохмотьях, а теперь живущего под твоим крылом будто принц.

— Да ничего подобного же, — начала Элоди.

— Не теряй самообладание, девочка, — сказала Раннвейг. Еда на ее тарелке осталась нетронутой и вид он имела нездоровый, однако несколько не беспокоилась. Да и отец, похоже, ничего не замечал.

— У нас половозрелая дикарка на руках.

— Не говори так о ней, — сказал князь сердито.

Раннвейг реплику проигнорировала.

— Теперь нам надо организовать новый брак, более выгодный.

— Я больше беспокоюсь о ее счастье.

— Явившись в одной сорочке к дверям колдуна и умоляя взять ее, она, безусловно будет счастлива.

Эдегор хлопнул ладонью по столу. Получилось внушительнее, чем кулаком. Женщины притихли.

— Не носи чушь, — спокойно сказал князь, — а ты, Элоди, ступай в свои покои и не выходи оттуда, пока я не позволю. Раннвейг, если ты будешь наговаривать на мою дочь, то тоже понесешь наказание.

— Хорошо, любимый, — равнодушно отозвалась Раннвейг.

Элоди кивнула и в сопровождении дуэньи удалилась. Она сама не знала, что нашло на нее, едва она увидела красный след под подбородком у Йормунганда. Такие следы оставляют женщины, принося губами к нежной коже мужчины. Воображение нарисовало ей мерзкую и одновременно сексуальную гурию, обвиняющую темноволосого колдуна руками и ногами. Элоди попыталась представить, какое у него было выражение лица в этот момент, и разрыдалась.

Она стояла, прислонившись к гобелену на стене, и тихонько подвывала, пока дуэнья гладила ее по плечу.

— Да что нашло на эту гарпию? — Йормунганд тер щеку, отчего она только еще больше краснела.

Гарриетт протащил его почти до живой изгороди, что отделяла сад с беседками и вымощенную темно-синим камнем площадку перед воротами. Мимо прошла кухарка, с подвернутым фартуком. Ее пухлые щеки лоснились, а на подбородке красовался толстый, налившийся багровым прыщ. Узкие глазки с интересом скользнули по ладным фигурам Гарриетта и Йормунганда. Гарриетт тут же убрал руку с воротника Йормуна и даже отвернулся, нахмурившись.

Йормунганд проводил кухарку взглядом. Отчего-то подумалось, что обедать в доме Эдегора ему больше не придется. Он не успел ухватить эту мысль и понять, предчувствие это или просто непрошенная мысль, что уходят и приходят не оставляя следа.

Щека все еще горела.

— Да, тяжела ручка у княжеской особы, — сказал Гарриетт. — Надо бы чего-нибудь холодного приложить.

— Обойдусь, — буркнул Йормунганд.

— А ведь говорил тебе, предупреждал.

Йормунганд никак не мог вспомнить, на счет чего это предупреждал его Гарриетт. В сущности, большинство разговоров с Гарриеттом сводились к невероятным произошедшим с ним историям, сплетням и наставлениям. Гарриетт, как и Бьярне до него, стремился учить жить и стать наставником для молодого ирмунсульца. Но Йормунганд относился к Гарриетту так же, как и к любому другому, кто набивался к нему в учителя — не слушал. Или, вернее, слушал лишь что хотел.

Теперь ему избирательный слух выходил боком.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Йормунганд. Он быстро огляделся. Рядом обязательно находился хоть один соглядатай Валонхейма. Йормунганд заметил девочку, костлявую, с короткими волосами, она водила грязной тряпкой по узорчатой кладке садового забора, и, судя по потерянному виду, выпала из реальности. Того гляди, тут же упадет и уснет. Мимо пробежала прачка, нагруженная корзиной с грязным бельем. Несколько стражников вышли погреться на солнышке и полужать семечки.

— Об интересе Элоди, — сказал с досадой Гарриетт. Йормунганд опять принял отсутствующий вид, будто он здесь и не здесь, слушает и не слушает. Вот и попробуй что-нибудь такому втолковать. — Она же с ума по тебе сходит. А ты пренебрегаешь, по бабам шатаешься.

— Ну, — Йормунганд замялся, — Элоди ничего себе, да и дочь князя, но...

Гарриетт хмыкнул. Все-таки Йормунганд еще молод, напомнил он себе. Голова забита не тем. Будь он на десять-пятнадцать лет старше, для Элоди все обернулось бы куда трагичнее.

— Я не осуждаю, — сказал Гарриетт, — но от связи с ней ты бы мог кое-что выиграть. Жениться.

— Головы лишиться.

— Только не такой прохвост как ты. Говорят, твой отец ни одной юбки не пропускал.

— Я. Не. Мой. Отец.

— Знаю, знаю. Только, как говорить, не легче. Что ты теперь делать будешь?

— Делать? — Йормунганд удивленно поднял бровь, — Ничего. Что я должен делать? Игнорировать ее притязания.

Гарриетт рассмеялся, он смеялся добрые две минуты, сотрясаясь в плечах и прикрывая рот кулаком.

— Что? — Йормунганда веселье Гарриетта вовсе не заразило.

— Тебе надо уехать на время, — сказал Гарриетт, отсмеявшись.

— Какого?.. Ты хоть представляешь, сколько у меня работы? Я для этого нанимался к Эдегору? Чтобы опять мотаться от деревни к деревне? Тебя такая жизнь устраивает, но не меня. Я странствиями наелся до отвала, по самое горлышко хватило. Месить дорожную грязь, жрать всякую погань по постоянным дворам, слушать пьяных дебилов, что вечно лезут во всяком дворе. Что, уже не смешно?

Гарриетт смотрел на Йормунганда со смесью удивления и жалости. Йормунганд выкинул старый дорожный плащ. Тот потерял глубокий синий цвет, став безжизненно-серым. Теперь молодой человек носил шелковые рубашки и бархатные кафтаны. Он не

скупился на тонкую отделку по специальному заказу — множество змей переплетались в дивном ирмунсульском узоре по подолу и рукавам. Йормунганд вновь начал разговаривать властно со слугами, делая послабления лишь Ругеру, но и то, больше от осознания его в своей собственности.

Йормунганд снова превращался из бродяги в сына Ангаборды, сына Лодура, наследника Ирмунсуля.

Гарриетт вздохнул. Рано или поздно новый стеклянный замок Йормунганда рухнет. И лучше, чтобы скоро, пока он, Гарриетт, рядом.

— Элоди так этого не оставит, — сказал Гарриетт. — Она унизилась перед всеми. Эдегор этого так не оставит и, что важнее, Раннвейг постарается вытянуть из произошедшего все возможное. Элоди выдадут замуж, а тебя... либо сошлют, либо отравят.

Йормунганд ухмыльнулся.

— Отравят? Меня? Я автор практически всех ядов, что есть в округе. Не смогут и не посмеют.

— Кроме печеной картошки с тунцом, — сказал Гарриетт. — К этой отраве ты непричастен.

Йормунганд дернул уголком губ.

— Да, кроме вот этого блюда. Кухарка тут справляется без меня.

— Я слышал, еще один человек умер, — сказал Гарриетт.

— Помощник псаря, — сказал Йормунганд, понизив голос, — еще говорят, что остатки картошки по ошибке выкинули свиньям, и они все издохли.

Гарриетт ахнул.

Они оба помолчали, отдавая должное способностям кухарки.

— Слушай, а есть вероятность, что ты все-таки ответишь взаимностью Элоди?

— Нет.

— Если тебя смущает ее внешность или возраст...

— Еще в нашу первую встречу, — сказал Йормунганд, — когда впервые ее увидел поодаль Эдегора, я подумал, что она Дочь. Что одна из них все же нагнала меня и пришла по мою душу.

— Разве ты и Ванадис?..

— Слухи не врут, но и не говорят правду. Когда я бежал, Ванадис преследовала меня в снах, Дочери преследовали наяву. И Элоди, какой бы она ни была, для меня сродни им. Я не могу, не могу даже смотреть на нее. Не смогу прикоснуться к ней. Со временем, возможно, это пройдет. Да пройдет, но для меня она женщина не больше, чем узорчатые ворота в сад.

И Йормунганд кивнул на ворота, что тускло блестели темным металлом в тени листвы.

— А симпатичные ворота, — сказал Гарриетт.

Йормунганд ткнул его кулаком в плечо.

— Если тебя не знать, то можно счесть твою холодность за благородство, — сказал Гарриетт. — Ты и в самом деле не похож на своего отца. Пожалуй, ты даже больше эгоист, чем он.

Развязка наступила быстрее, чем Гарриетт предполагал. Карающая длань Эдегора накрыла и его. Как и в день, когда он отстаивал Йормунганда перед князем, он вновь оказался преклоненным, на этот раз перед княжеской четой. Валонхейм и Элоди не присутствовали. Гарриетт догадывался, что при новой госпоже, положение старших детей не

просто пошатнется, рассыплется. Валонхейм затаился, Элоди же вела себя как ребенок.

Эдегор принимал его не в зале, а в личных покоях. Деревянные стены завешаны коврами, тяжелый полог скрывал княжескую опочивальню. Но и тут Эдегор восседал на высоком стуле с резной спинкой, а под ногами его стояла скамеечка с бархатной подушечкой. Раннвейг стояла рядом, положив тонкую ладонь мужу на плечо. Накидка, в которую она укуталась, соскользнула, показывая глубокий ворот атласного платья натянутого на крепкой груди. Светлые волосы Раннвейг слегка растрепались, будто она только встала с постели. На лице Раннвейг читалась гордыня и решимость. Йормунганд не рассказывал, как убедил любовницу Йорда выйти за Эдегора, но без чар явно не обошлось. И теперь Раннвейг собиралась отомстить. Гарриетт старался смотреть мимо нее. Подобострастного взгляда не получалась, а иного она бы не потерпела.

— Мы получили донесение, — сказал Эдегор, и голос его прозвучал глухо, как будто слова даются с трудом. — Хмм, мм, в западной части наших провинций...

Гарриетт подавил усмешку. «Западные части провинций» представлял маленький клочок земли между скалами с одной стороны и равнинами Ингви с другой. С землями Ингви их разделяла лишь речушка называемая Иголинд. Имя ей дали древние поселенцы, от народа которых ныне осталось человек пятьдесят, не больше.

Совсем полная, беспросветная дыра.

— Появилась некая тварь, нападающая на путников. Возьми небольшой отряд и проверь, так ли это. Наверняка лютуют волки или медведи, но хранить безопасность проезда через наши земли — наш долг.

Эдегор выражался непривычно пафосно, и легкая дрожь пальцев выдавала его нервозность.

Гарриетт склонил голову.

— И возьми с собой Йормуна, — сказал Эдегор быстро и даже с облегчением. Наконец-то он сказал главное.

— Конечно, — произнес Гарриетт, удивляясь про себя, с чего это Эдегор так волнуется, давая простое задание, даже если суть его — убрать с глаз долой неудобного придворного.

— И еще, — сказала Раннвейг, — постарайтесь остаться там подольше.

— Мы вернемся, как только с неизвестной тварью будет покончено, госпожа, — сказал Гарриетт с улыбкой. Он по-прежнему избегал смотреть на нее. Раннвейг внушала ему иррациональное беспокойство, будто кошка скребла по сапогу. Но Йормунганд убедил ее сделать что-то против ее воли. А значит, не стоит бояться, находясь на стороне сильнейшего. Йормунганд не проиграет ей.

Но осторожность не помешает.

— Мы выдвинемся немедленно, — сказал Гарриетт.

— У нас есть небольшой... подарок для Йормунганда, — продолжила Раннвейг. Гарриетт нахмурился.

— Поскольку он, верно, занят сейчас... Мы посылали за ним, но слуги не нашли его. Надеюсь, он не покинул нас как некогда Альфедра. Йормунганд думает, что князь зол на него и сожалеет о потере расположения князя. Постарайся разубедить его. Нет никого, кто был бы приятнее нам, чем Йормунганд из Ирмунсуля.

Гарриетт нахмурился еще больше.

— Будь добр, передай ему, — и Раннвейг протянула Гарриетту сверток из шелкового платка, вышитого по краю цветочным узором. В платке угадывалось что-то холодное,

маленькое и неправильной формы. Гарриетт поклонился, с недоумением украдкой ощупывая платок.

— Я передам.

Йормунганда и в самом деле не могли найти. Ругер пожимал плечами, а по его желтоватым глазам ничего нельзя было понять. Он клялся и божился, что его хозяин вот вышел на минуточку, а может, и выпорхнул в образе черной птицы, кто их, колдунов, разберет. А как вернется, Ругер ему сразу обо всем доложит, всенепременно, сразу же.

Йормунганд же, предчувствуя недоброе, отправился навестить прежнего друга — Бьярне, что томился теперь в самой высокой башне Эдегора.

Стража у башни пропустила его без вопросов. Йормунганда уже начали узнавать и, в какой-то степени благодаря Гарриетту, стража и воины относились к нему со сдержанной лояльностью. Защитные руны, которые Йормунганд накладывал на оружие, тоже поспособствовали.

Башню явно достраивали, деля ее повыше. Кладка поменялась примерно с двух третей ее высоты. Серый камень, которым был выложен замок, сменился темно-коричневым камнем, мягче и легче. Ступеньки, хоть и были сделаны позднее нижних, уже обсыпались. Мелкая крошка пыли вздымалась у Йормунгандовых сапог. На стенах плясали отсветы от факелов, рождая таинственные и тревожные тени.

Перед верхом башни находилась каморка тюремщика. Оттуда, из-за прикрытой двери, слышалось треньканье лютни и приятный басовитый голос, выводящий песенку о чудесной деве из-за моря, что ждала-ждала своего возлюбленного моряка, да утопилась. Йормунганд постучал, пение прекратилось и за дверь высунулся приземистый, с картошкой-носом, тюремщик. Кислый запах заставил Йормунганда поморщиться.

— Я к цвергу, — сказал он. — По приказу Эдегора, — добавил он на всякий случай, понимая, что тюремщик не будет проверять его слова.

Тюремщик кивнул и вновь исчез за дверью. Через несколько минут он вышел, кутаясь в длиннополый кафтан. Ключи брякали на поясе, и тюремщик кряхтел, пока отворял тяжелую кованую дверь. Большинство камер к башне пустовало и Йормунганд догадался, что раньше, до появления Бьярне, башню никак не использовали. Разве что как склад, или наблюдательный пункт. Или разводили здесь голубей, впрочем, последнее Йормунганд считал сомнительным.

— Здесь он, — прохрипел тюремщик. — Скажите князю, что тяжело всяческое железо в такую высоту тащить, пушай что-нибудь придумают его советники для того, чтобы простые люди задаром не надрывались. А то, не того, упадет какая-нибудь железяка важному персону на голову — и нет его. А мы виноватые.

Йормунганд кивнул, соглашаясь.

— Безопасность персонала — прежде всего, так говорю, — сказал тюремщик и распахнул дверь, пропуская Йормунганда внутрь.

Вонь и затхлый воздух вкупе с кузнечным жаром, сбивали с ног. Йормунганд уткнулся носом в высокий воротник темно-синего плаща.

— Стукните, как дела порешаете, — сказал тюремщик, и дверь за Йормунгандом с густым лязгом захлопнулась.

— Айе! — сказал Йормунганд. Перед ним находилась тесная комнатуха, заваленная железным ломом, освещаемая тусклым светом керосиновой лампы под потолком. Кузнечные

принадлежности уже лежали на своих местах. В печи горел огонь.

Спал цверг на старом сундуке, покрытом сверху шкурами, старыми шерстяными одеялами и прочим тряпьем. Йормунганд разглядел даже собственный, бывший когда-то синим, плащ. В него он закутывался, пряча нарядную одежду, убегая с пира Альфедра, в этом же плаще он видел смерть молодого князя.

Рядом с сундуком стояло ведро с нечистотами. Йормунганда затошнило, так что пришлось мелкими порциями вдыхать воздух через рот.

— Айе, коль не шутишь, — сказал Бьярне. Борода его сваялась, в ней засохли кусочки еды. Он как будто постарел, под глазами залегли тени, добавилось седины. Пахло немытым телом и желчью.

Эдегор приказал перерезать сухожилия на ногах цверга. Теперь Бьярне выглядел как разбитый молот, бывший некогда непобедимым. Йормунганд не решался подойти ближе, запертый зверь становится еще опаснее. Мало ли, что передумал цверг за дни и недели заточения. Йормунганд, чье положение оказалось гораздо лучше, палец о палец не ударил ради него. И даже не вспомнил до этого дня.

— Как ты? — спросил Йормунганд, потому что молчать становилось невыносимым.

— Чего явился? — проворчал Бьярне. — Вспомнить старые добрые времена? Так ты еще молод, наживешь еще воспоминаний. А глазеть на старую развалину — невелика доблесть.

— Я не... способствовал твоему пленению, — сказал Йормунганд. — Я задержался в пути и приехал в город уже того, как тебя схватили. Клянусь тебе...

— Не клянись, — сказал Бьярне. Он повернулся к Йормунганду. — Чего пришел, спрашиваю?

Йормунганд вынул из-за края плаща бутылку. Он поставил ее на наковальню, где она озарила все вокруг разноцветными отблесками бесчисленных стеклянных граней.

— На чем настойка? — деловито осведомился Бьярне. На мгновение Йормунганд увидел в нем прежнего добродушного жизнерадостного цверга.

— На полыни, — сказал Йормунганд, — Забирает крепко.

— А ты потом, — Бьярне окинул Йормунганда насмешливым взглядом, — отсюда спустишься? Голову себе не расшибешь?

— Не расшибу, — ответил Йормунганд.

Передвигался Бьярне с помощью самодельных костылей. Йормунганд было дернулся помочь ему, но цверг легко перенес вес с костылей, ухватился руками за край сундука и взгромоздился сверху.

— Открывай, давай, — скомандовал цверг, — В кои-то веки хоть напыюсь, да посплю нормально.

Йормунганд отвинтил крышку. К запахам камеры-кузницы добавился запах спирта и полыни.

— Хоть какая-то от тебя польза, — сказал Бьярне. — Чего раньше не приходил?

— Не мог, Эдегор...

Бьярне сплюнул при звуке имени князя.

— Эдегор послал меня улаживать некоторые его делишки. Добыл ему жену такую стерву, что она сживет и меня, и его, и еще с десятков человек впридачу. Дочка князя в меня влюбилась и теперь наверняка придется ехать в дыру, куда и Лунолика не смотрит. А еще я встретил здесь гардарикца. Я говорил про него как-то. Так он теперь мой друг и

покровитель. Эм, опекун, да, опекун.

Йормунганд вздохнул.

Бьярне отхлебнул из горла бутылки.

— Столько бед у тебя, — сказал он. — Мне даже неловко стало.

Йормунганд криво улыбнулся.

— Я не хотел смеяться над твоим положением, прости меня.

— Женщины, — пожал плечами Бьярне. Он поболтал бутыл, принялся к горлышку и сказал:

— Давай, что ли, за них выпьем, — и сделал большой глоток.

Йормунганд от протянутой бутылки отказался.

— Можешь меня отсюда вытащить? — спросил Бьярне без обиняков.

«Зачем?» едва не спросил Йормунганд, но после такого вопроса он и в самом деле мог оказаться с разбитой головой.

— Я что-нибудь придумаю, — сказал он. — Эдегор отправит меня...

— Подальше, чтоб глаза его тебя не видели, да-да. Но не навсегда. И, сдастся мне, ты еще тот вертихвост.

Йормунганд поморщился. В его краях слово «вертихвост» значило не то, что, вероятно, подразумевал Бьярне.

— Бьярне, — сказал Йормунганд, — у меня есть просьба.

— Да катись ты! — Бьярне добавил еще парочку специальных цверговых словечек.

— Сделай ожерелье для княжеской жены. Витое, красивое, чтобы она носила его. Вроде как в знак смирения.

Бьярне разразился хриплой бранью.

— На ожерелье добавь этот амулет, — продолжил Йормунганд, когда поток слов цверга иссяк. Из потайного кармана плаща он вынул маленький круглый камешек похожий на тот, который носил сам. Тонкая резьба обрамляла его.

— На счастье, — сказал Йормунганд и зловеще усмехнулся.

Бьярне воззрился на него с секунду и выхватил камешек из руки. Долго ворочал в широких ладонях так и эдак, прикидывая, в чем подвох.

— И что? — спросил он.

— И Раннвейг заживет счастливо, — сказал Йормунганд с ухмылкой.

— Счастливо? — сказал Бьярне.

— Очень, — заверил его Йормунганд.

— Сделаю, как говоришь, раз счастливо. Что, такая вредная баба?

Йормунганд пожал плечами.

— Женщины, — произнес он с глубокомысленным видом.

— Видел ее, а? — сказал Бьярне, пряча улыбку в бороду. Он уже захмелел, тяжело оперся на стену широкой спиной.

— Кого? — спросил Йормунганд, подхватывая едва не выпавшую из пальцев Бьярне бутыл.

— Деву-лебедь.

— Нет. С чего ты взял, что твоя пташка здесь?

— Еще раз назовешь ее пташкой, зубы в узелке унесешь. Точно она. Я ее видел.

— Она сюда поднималась? — удивился Йормунганд.

— Нее, да и зачем? Я видел ее сверху, из окна. Подтянулся на руках, руки-то у меня

крепкие, да посмотрел. Она стояла во дворе замка. Князь напротив нее, пеший, а она верхом на коне, вся такая гордая и красивая. А потом вверх глянула. Будто меня увидела, тут-то я с окна и упал. Тут не высоко, не расшибся.

— И все? — спросил Йормунганд, делая глоток. Жидкость обожгла рот и раздражила вкусовые рецепторы. В следующий раз, решил Йормунганд, он сделает выпивку не такой крепкой. И, может быть, не из полыни.

— А чего еще надо? Она жива и все такая же красивая.

Бьярне еще бормотал, хотя глаза его слипались. Йормунганд следил за ним краем глаза. Он сунул руку в потайной карман плаща и вынул одну из рун.

Хагалаз.

Руна стихий.

Так тому и быть. Йормунганд спрятал руну обратно в карман, поднялся на ослабевшие ноги и несколько раз ударил в дверь. Тюремщик открыл так скоро, будто все это время ждал на пологе.

— Ах, дева, дева, — пробормотал цверг во сне, — Что же ты натворила, что же со мной сделала.

С лестницы за дверью раздался слабый крик.

Хозяин в тот день впервые пришел пьяный. Он и раньше приходил навеселе с княжеских пиров, но всякий раз своими ногами. На этот раз его принесли. Стражник с башни молча скинул хозяина с плеча как куль с мукой.

— На вот, — сказал он, — своего чародея. Облакался зелья, ногу на лестнице подвернул.

Ругер низко поклонился. Он уже давно стар, голова облысела, оставив немного волос за ушами. Уши топорщилась как стяги, изо рта воняло гнилью. Он втайне надеялся, что чародей найдет способ вернуть ему молодость, но Ругер и в молодости не отличался красотой. Иногда хозяин давал ему снадобья и с интересом спрашивал, как он себя чувствует. Ругер прислушивался к своему нутру, но никаких изменений в нем не происходило. Только живот болел.

— Нога болит, — сообщил хозяин, лежа на каменном полу и с улыбкой глядя вверх. Он поднялся. Снова упал, ругаясь сквозь зубы, и пополз в сторону двери. Ругер подхватил его и помог добраться до опочивальни.

— Надо же так нализаться, — пробормотал стражник.

— Не было такого никогда, — признался Ругер, стягивая с засыпающего Йормунганда сапоги.

— Слушай, — сказал стражник, — а правда, что он может золото из камней делать?

— Умел бы, платил бы больше, — сказал Ругер.

— Справедливо. Я слышал, он наложил какие-то чары на княжескую дочку, так что она только о нем и думает.

— Княжескую дочку отодрать бы следовало, — сказал Ругер угрюмо, — Тогда нам бы ни пришлось ни свет ни заря ехать куда подальше от ее милости.

— Хехе, уж я бы ее отодрал, — сказал стражник ухмыляясь.

— Хехе, — поддержал его Ругер.

— Лады, ну бывай, — сказал стражник и вышел, стуча железными подошвами по каменному полу.

— Дерун, — проворчал Ругер и плюнул вслед.

Йормунганд тихонько застонал во сне, перевернулся и начал похрапывать.

Ругер подошел к низенькому шкафчику у окна и вынул оттуда надушенное письмо на розовой бумаге, которое передала ему дуэнья Элоди еще сегодня после полудня. Ругер небрежно сорвал печать, снял нагар со свечи и принялся читать, водя заскорузлым пальцем по ровным летящим строчкам.

— Ну и почерк у господ, — слышалось его ворчание, — ну и почерк. Да за такой почерк пороть и пороть.

Йормунганд проснулся за полдень. Хмурый Ругер вместе со хмурым Гарриеттом сидели возле его постели и играли в Хнефатафл. На потемневшей доске едва угадывались линии поля. Ругер защищал короля, Гарриетт нападал. Он как раз блокировал вторую сторону, предупреждая паническое бегство фишек Ругера, когда Йормунганд пошевелился и взялся за голову.

Оба игрока вострепнулись. Ругер кинулся за водой, кувшин стоял тут же, возле кровати, но вода успела согреться и показалась противно-склизкой на вкус. Гарриетт встал возле Йормунганда и покачал головой.

— Где ты умудрился так надраться? — спросил он. — Вчера князь искал тебя.

— Да? Сейчас оклемаюсь и пойду.

— Уже не нужно, — сказал Гарриетт. Он бросил на грудь Йормунганда шелковый сверток. — Подарок от княгини, чтоб не слишком злился. Сегодня отправляемся Уллаильм.

— Где это? — Йормунганд приподнялся на кровати и отхлебнул от заботливо поданной Ругером кружки.

— Лунолика знает где. На западе.

— А. Очередная саранча?

— Мотыль, — поправил его Гарриетт.

Княжескую свадьбу Йормунганд пропустил из-за нашествия мотыля на княжеские поля. Дело показалось безотлагательным, так что Йормунганд, надеявшийся вкусить все радости свадебных празднований, должен был со вздохами и ругательствами ехать в дальнюю деревушку, чтобы предупредить эпидемию.

По возвращению Йормунганд доложил, что никакого мотыля на поле не оказалась, и что у крестьян свекла растет превосходная. А княжеское поле необходимо пропалывать. Старосту деревни казнили. Крестьяне же в тот же день вышли в поле и работали до самых сумерек. Их собственный урожай конфисковали. Йормунганд до сих пор думал, что Раннвейг просто хотела избавиться от него на время свадьбы, но тогда пропустил ту ее выходку.

— Я хотел отправиться после завтрака, если бы ты очнулся раньше. Не стоит дольше мозолить Эдегору глаза, — сказал Гарриетт. — И, Йормун, надо что-то делать с его новой супругицей, иначе закончим жизнь либо в тюрьме, либо на плахе.

— Либо в башне, — пробормотал Йормунганд.

Он взял шелковый сверток, который ему дал Гарриетт. Цветочный узор, внутри что-то металлическое. Йормунганд развернул платок и вытряхнул на ладонь слегка покореженную, но все еще красивую брошь в виде переплетенной змеи с изумрудным глазком. Хвоост змея держала во рту и больше походила на водного дракончика.

— Похож на ту, что ты носил в Гладсшейне, — сказал он.

— Она и есть, — сказал Йормунганд, поворачивая брошь на свет. Изумрудный глазок вспыхнул. Йормунганд повертел ее перед глазами. Будто в первый раз увидел, потом спрятал в поясной кошель.

— Ругер, — сказал он. — Умываться. Гарриетт. Прикажи своим людям собитаться, выезжаем немедленно.

— Вот прямо сейчас? — уточнил Гарриетт. — Скоро обед.

— Найдем где поесть, — сказал Йормунганд. — Сам же говорил, что незачем мозолить княжеской чете глаза. Ругер, найди замок понадежнее и скажи Валонхейму, чтобы никого не допускал в мои покои, пока меня не будет, даже служанок, понял? Скажи, что это моя личная просьба. Скажи, что если б не торопился, то пришел бы и лично умолял.

Ругер кивнул. Он все еще неуверенно смотрел на хозяина.

— Поедешь со мной, — добавил Йормунганд. — Слуга в пути необходим.

Ругер поклонился и попятился к выходу.

— Что, и голова уже не болит? — осведомился Гарриетт.

Йормунганд бросил на него взгляд исподлобья.

— Болит, — сказал он, — и не из-за поила, которого я всего-то плоток плотнул. Но у сучки этой тоже скоро заболит. Ничего, Гарриетт, ссылка будет недолгой.

Путь до Уллаильма должен был занять самое большее, пару недель. Дороги пролегали через леса и болотистые низины. Человеческие жилища встречались все реже, а вскоре и вовсе перестали. И все же дорога была не так уж плоха. Купцы ездили по ней из земель Ингви, караваны и одиночные телеги торговцев встречались хотя бы раз за день. Некоторые делились историями и слухами о чудовище, что промышляет в округе Уллаильм.

— Люди там живут хорошие, только бедные, — говорил, сплевывая в дорожную пыль, владелец театрального балагана. — А вот чудовище и вправду есть. Мохнатое, глаза красные, и клыки как у вепря. Упырь али оборотень, кто разберет? Не, сам не видел. Но зря болтать не будут.

Для поимки чудовища выделили вооруженный отряд во главе с Гарриеттом. У гардарикца оказался богатый опыт в охоте на чудищ. Йормунганд вначале слушал его рассказы со снисходительной усмешкой, но пара бак ему все-таки понравилась. Одна из них была про упорного в неверии в Луноликую пастуха Гламринга, что не соблюдал никаких обрядов и даже перед главным праздником — началом года вел себя неподобающе, заставляя жену варить ему баранье мясо.

Однажды, когда он пас свое стадо в горах началась буря. Гламринг не вернулся тогда, а после поисков его нашли распухшего и почерневшего. Он до того увеличился в размерах, что одежда на нем лопнула. Вокруг тела даже деревья были вывернуты, — рассказывал Гарриетт, для верности подтверждая слова взмахами рук.

Солдаты собрались в кружок и слушали, кто внимательно, кто, как и Йормунганд, со снисхождением.

— Точно говорю, тролли его убили, — говорил Гарриетт сурово, — потому что был он скверный человек и умер скверно.

— Буря его потрепала, — возразил воин по имени Главринг. Его усы уже поседели, и он с неодобрением внимал молодому командиру.

— Хех, и я бы так подумал, да так бы оно и было, если бы не следующие события, — таинственно понизив голос, сказал Гарриетт. Воины придвинулись чуть ближе.

— Ну не томи, что там дальше-то было?

— До кладбища Гламринга так и не довезли, слишком большой он был, да тяжелый, — продолжил Гарриетт, — а вонял так, что дух вышибало.

Похоронили его там же, где нашли. Придавили камнями, да толку? Чуть больше месяца прошло и началось в деревне твориться неладное. Гламринг выбрался из могилы и принялся давить скот, да нападать на людей. Облик его изменился — стало он черным, из пасти

клыки торчат, а глаза — как два блюда в темноте желтым светятся. Причем нет, не только ночью он деревенских пугал, даже днем его сила не убывала. По ночам он лишь шумел сильнее.

— Странно, — сказал Йормунганд, — обычно нежить не показывается днем.

— И я тоже так подумал, — сказал Гарриетт, — когда услышал всю эту историю. Конечно, я тут же поспешил на помощь несчастной деревеньке. Дочь у них была одна на три деревни, и путь для нее был не близкий. Да и стара уже, — пояснил он для Йормунганда. Остальные не слишком хорошо знали об обязанностях Дочерей в борьбе с чудовищами. С их точки зрения, сражаться с Гламрингом должен был герой.

— Он нападал даже на собственных отпрысков, — сказал Гарриетт с сожалением. — Когда я пришел, дом был совершенно разграблен. Вдова Гламринга забрала уцелевших детей и ушла в другую деревню — к родственникам.

Гарриетту не приходилось выбирать и он остановился там. Где предложили — в разоренном доме. Гламринг явился и в этот раз, когда солнце почти скрылось за вершинами гор. Начал стучать пятками по крыше, так что весь дом содрогнулся. А потом полез внутрь. Он был точно таким, как его описывали. Большим, голова доставала до потолка. Одежда висела лохмотьями, челюсть не закрывалась из-за острых зубов. А вонь стояла такая, что слезились глаза и невозможно было вздохнуть.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Если бы Гарриетт замешкался хоть на мгновение, то гардарикцу не сидеть бы теперь у костра. Чудовище хотело съесть его, или просто убить. Гарриетт не успел обнажить меч, поэтому просто толкнул Гламринга со всей силы, вышибая из дома. Не хотелось убивать его там же, где собирался спать. Чудовище взвыло и само потащило Гарриетта к выходу. На пороге Гарриетт все-таки повалил Гламринга и прижал к земле, достав длинный кинжал, что тогда всегда носил с собой.

— Я замешкался лишь на секунду, приноравливаясь, куда лучшего его ударить, в глаз или в шею, — сказал Гарриетт. — Охи страшен же был его взгляд, — его передернуло.

— Зачем ты смотрел? — сказал Йормунганд с досадой.

А потом Гарриетт все-таки отрезал Гламрингу голову. Она откатилась с чавкающим звуком и застыла с вывалившимся языком. Гарриетт поднял ее, и положил на тело, между ляжек, как учили его давно-давно, еще в родной земле, как следует поступать с нелюдью.

— Жечь надо было, — сказал седой воин. — Огонь все очищает.

— Деревенские так и сделали, — сказал Гарриетт, — сожгли. Прах собрали и похоронили далеко в лесу, так, чтобы не беспокоил больше ни деревню, ни путников.

Йормунганд кивнул.

— Он что-нибудь сказал тебе? — спросил он Гарриетта.

Гарриетт едва заметно вздрогнул.

— Нет, — сказал он, глядя в пламя, — ничего.

После дождя дорога превратилась в жидкий кисель. Но торчать в мокром лесу, глядя как капли воды скатываются с широких листьев и мерзнуть, закутавшись в плащ и согревая руки дыханием, бессмысленно. Йормунганд тащился в самом конце отряда. Капюшон падал ему на глаза, и он уже устал его поправлять. Так что прислонился к шее лошади и незаметно задремал. Лес и грязь, ничего интересного.

Йормунганда разбудили далекие крики. Оказалось, что уснув, он отстал от отряда еще

больше, и никто не хватался его. Он отодвинул капюшон и прищурился. Гарриетт говорил, что до Уллаильма уже недалеко, полдня пути или чуть больше. Может, Йормунганд пустил лошадь галопом, на них напало чудовище? Он протянул руку к небольшому самострелу приточенному к седлу. Нет, лязг мечей и крики доказывали, что на отряд напали, но не потусторонние силы. Даже в глухих местах сидит по банде. Йормунганд шумно выдохнул.

Скачка поначалу мешала ему, но потом он приспособился, сдернул капюшон с головы, россыпь капель брызгами сорвалась с него. Йормунганд закрыл глаза и тут же широко открыл их, стремясь вместить во взгляд не только то, что находилось перед ним, но и далеко впереди, вокруг и сзади. Он почувствовал каждый мускул лошади и ее напряжение, и скользкие в грязи копыта. Крики и лязг стали не просто ближе, они раздавались под самым ухом, будто вот-вот снесут ему голову.

Йормунганд резко остановил лошадь, едва не упав вместе с ней. Золотые нити взметнулись от земли и опутали голову и плечи. Мокрый темно-синий плащ засиял дивным узором.

— Еще, — прошептал Йормунганд, — они не одни, есть еще.

Нет, не чудовища, люди.

Но разницы никакой.

Йормунганд направил лошадь в лес. Она шла послушно, помахивая хвостом, как на прогулке. Йормунганд ласково потрепал ее за шею. Встречная, вспомнил он ее имя. Хорошая пегая лошадь. Не самая лучшая, не боевой конь, но умная и выносливая.

Давно, еще в прошлой жизни, когда Йормунганд скитался от деревни к деревне, его часто преследовали, загоняли в лес, неожиданно пленяли, когда он останавливался на ночлег. Йормунганд достал самострел. Возникло искушение погадать прямо сейчас, вытащить руны на счастье, но Йормунганд уже чувствовал, а скоро и услышал, как зашевелились бандиты на деревьях. Лучники часто прятались под покровом леса, с безопасного расстояния расстреливая путников. Сейчас они не стреляли, их поделщики в куче дрались с людьми Гарриетта, велик шанс попасть в своих.

Йормунганд знал, что его заметили. Резко вскинув руку, он поймал стрелу в полете. Но тут же полетели и другие. Трое, нет, четверо целились в него из-за тисовых ветвей.

— Ну-ну, — сказал Йормунганд, улыбаясь, — зачем же так грубо?

Он вскинул самострел, и тот, что находился на ближнем дереве, с коротким вскриком упал. Йормунганд поднял Встречную на дыбы, защищаясь от выстрелов, и тут же выпрыгнул из седла умирающей лошади. Времени хватило. Чтобы перезарядить самострел. Снова щелкнула тетива, и еще один лучник повис на ветвях дерева.

Йормунганд притаился за тисовым стволом. Болтов самострела хватило бы на взвод лучников, но двое последних спрятались по-настоящему хорошо. Не так просто попасть в человека сквозь все ветви и листья. Только одно хорошо — у них та же проблема. Йормунганд сидел, пригнувшись, положив самострел на колено. Главное — не торопиться, не начать пороть горячку первым, дать противнику испугаться и запаниковать.

Он точно знал, на каких деревьях сидели двое оставшихся.

— Все равно Турх сейчас вернется и прирежет тебя! — звонко крикнули с макушки одного из тисов. Йормунганд поднял самострел и выстрелил на голос. Судя по ругани, попал, но не убил. Ответная стрела едва не задела его по носу. Йормунганд рефлекторно шарахнулся и уклонился от другой стрелы — в горло. Он пригнулся как можно ниже, скрываясь за зарослями чертополоха. С самострелом, почти лежа на земле, пришлось

повозиться. Перезарядить получилось не сразу и несколько болтов упали во влажную подгнившую траву.

Шум битвы тем временем стихал. Турх и в самом деле мог появиться с минуты на минуту. Для, преследуемых ли отрядом Гарриетта, с добычей ли, бандитов Йормунганд станет легкой жертвой. Не такой уж легкой, подумал он, нащупывая длинный кинжал на поясе. Но сначала надо разобраться с лучниками. Просидеть друг против друга они могли достаточно долго, и ребятам на деревьях это было только на руку.

— Что-то долго нет твоего Турха! — громко сказал Йормунганд, приподнимая голову. Темные волосы взъерошились и лезли в глаза, он нетерпеливо мотнул головой. Дерево, где находился раненный лучник, находилось в двадцати шагах. Йормунганд подобрал потемневший от влаги плащ, на него налипли комья земли, прошлогодние листья, трава. Йормунганд перекинул плащ через руку, чтобы не мешался и выскочил из зарослей так быстро, как только мог. Стрела вонзилась в землю слева у его ног, Йормунганд послал ответный болт. На дереве вскрикнули.

— Еще один, — произнес Йормунганд одними губами. Теперь он находился на виду. Пара секунд. Наконечник стрела замер у зрачка. Йормунганд перехватил древко и тут же, почти не целясь, метнул кинжал. Последний лучник упал на землю молча. Йормунганд помедлил мгновение, потом быстро побежал на звук падения. Кинжал с рукояткой инкрустированный бриллиантовой крошкой, работы Бьярне. Оставлять его в лесу Йормунганд себе не мог позволить.

Лучник лежал под деревом, широко раскинув руки, на вид ему было лет двенадцать. Грубая, порванная в нескольких местах куртка с капюшоном. Обувь, из которой торчали пальцы. Он умер от падения. Кинжал пронзил ему бедро. Светлая голова затылком приплась на некстати подвернувшийся булыжник. Йормунганд склонился над телом и выдернул кинжал. Прислушался. Звуки битвы стихи, но теперь появились звуки ломаемых веток и топота. Бандиты бежали, так и сумев одолеть обученных солдат. Йормунганд недолго думая, взобрался на тис, откуда упал лучник.

Ждать пришлось недолго. Мимо пробежали несколько человек, примерно шестеро, в выцветших пятнистых плащах. Йормунганд усмехнулся. На голове одного из бандитов красовалась корона из пучков сухой травы, второй извалял плащ в сухих листьях. Бежавших замыкал здоровяк с широким мечом в руках. Он не стал портить дорогой плащ маскировкой из лесного мусора. На шее болталась золотая цепь, блеск которой Йормунганд уловил даже сидя на дереве.

— Вот и чудовище, — пробормотал он и прицелился из самострела в здоровяка. Большая часть болтов осталась на земле, там, где Йормунганд упал за кусты. Но для Турха как раз нашелся один. Бугристое лицо бандита измазано кровью, глаза выпучены и озирается он так, будто ждет в погоню медведей.

— Грете! Рут! Юрун! Турилль! — крикнул Турх срывающимся голосам, и споткнулся, едва не налетев на тело юного лучника.

— Юрун... — прошептал Турх. — Грете! Рут! Турилль! — крикнул он громче.

Йормунганд нажал на спуск. Турх споткнулся еще раз, едва не упав навзничь. Болт попал в основание плеча, добавив поток крови на дорогой, темной шерсти плащ. Йормунганд досадливо цыкнул. Турх вздернул голову, и Йормунганд встретился взглядом с серыми глазами лихого человека. Йормунганд мог бы поклясться, что Турх и разглядел его и запомнил. Он бы стащил колдуна с дерева и убил его прямо сейчас.

— Сюда! — голос Гарриетта разрезал лесную тишину как молния ночное небо. Турх дико оглянулся и побежал дальше, держась за раненное плечо.

Гарриетт несся точно как медведь. Не разбирая дороги и ломая кусты и ветви на своем пути.

— Ой! — крикнул Йормунганд. — Это я, Йормун!

— Йормун! — сказал Гарриетт с видимым облегчением. Он остановился у дерева. Вместе с ним было трое солдат, они тут же сгруппировались рядом. — Где ты был? Как там оказался? Это кто? — он указал кончиком сапога на тело лучника. — Что за ребенок?

Йормунганд уже слезал с дерева, чувствуя, что рад видеть гардарикца как никогда.

— Здравяк, который у них за главного назвал ее Юрун, — сказал он. — Но я не знаю, что тебе это даст.

— Ее? Это девочка?

— Лучница, — сказал Йормунганд. — Их было всего четверо. Много они положили?

— Трех, — сказал Гарриетт, — Хенрика, Бернта, Яна-Улофа, еще пятеро ранены, и Ругер тоже. Едва не отбили телегу, так что приедем мы в деревню слабыми и избитыми.

Гарриетт сплюнул в сторону.

— Скорее всего этот Турх и есть чудовище, — сказал Йормунганд. — Ну, идем, посмотрим раненых.

— Так это вы их? — спросил один из воинов, конопатый Рольф. Он уже увидел еще одно тело, застрявшее в ветвях. — Что с ними делать?

— Ничего, — пожал плечами Йормунганд. — С тел взять нечего — голодранцы, а хоронить некогда — других дел полно. Чем скорее окажемся с ранеными в деревне — тем лучше.

— Нам в другую сторону, — сказал Гарриетт негромко.

— А, — Йормунганд смутился на мгновение, но тут же зашагал рядом с Гарриеттом. — Ты ранен? Наверняка задело?

— Да пустяки, — Гарриетт отмахнулся, поморщившись во время жеста.

Йормунганд вздохнул.

— Пустяки. Сколько людей умирает от пустяков, — сказал он.

Вдоль дороги шумел лес. Ветер усилился, грозя привести еще одну дождливую тучу. Возле обоза творился бардак. Йормунганд осторожно переступил чрез распростертое тело Яна-Улофа. Ингемар сидел, прислонившись к колесу, обхватив голову руками. Йормунганд присел рядом.

— Принеси мой сундучок, — бросил он недалеко стоящему солдату. — Небольшой, отделанный кожей, окованный железом. Аккуратней с ним. В нем снадобья и мази как раз для таких случаев.

Воины бросились искать сундучок, пока Йормунганд отнимал руки Ингемара от головы и ощупывал рану, скривив тонкие, сердитые губы.

— Жить будет? — спросил Гарриетт, он уже сидел рядом, на коленях держал самострел Йормунганда. Колдун только приподнял бровь — когда успел взять? Гарриетт внимательно оглядывал лес. Ингемар стонал.

— Кто знает? — сказал Йормунганд.

— Если бы ты не помог с лучниками, худо бы нам пришлось, — сказал Гарриетт.

— Пустяки, — улыбнулся Йормунганд кончиками губ. Рана у Ингемара плохая, может и не выжить. Рольф поставил сундучок с боками кованными изящной филигранью.

Йормунганд снял с шеи ключик и отпер замок.

— Перенесем раненных на телегу и поедем дальше, — сказал он. — чем скорее доберемся до жилья — тем лучше. Отребье может вернуться с подкреплением.

Гарриетт хмыкнул.

— Не из ближайшего ли села сии герои, — сказал он. — Могут и вилами встретить, и поминай как звали.

— Не посмеют, — сказал Йормунганд. — По дороге давно не ездят одиночные купцы, а если и бывают — хорошо вооруженными караванами. Турх и ребята оголодали, выскочили на удачу, без разведки.

— Думаешь, они и есть чудовище, за головой которого нас послали?

Йормунганд аккуратно оборачивал голову Ингемара толстым куском чистой ткани. Ингемар уже закатил глаза и едва дышал. Йормунганд принялся к дыханию и скривился. Тем временем остатки отряда уже освободили место на телеге для раненых.

Йормунганд перевязал каждого, сетуя про себя, что нет рядом ни одной Дочери, когда они так нужны. Втопчем, будь тут Дочь, для начала попыталась бы скрутить его, а потом уже принялась бы лечить раненых. Может быть, принялась.

Рана Гарриетта и в самом деле оказалась неопасна. От телеги Гарриетт гордо отказался, приговаривая, что там и без него тесно. Йормунганд мог только посочувствовать. Синяк останется в полбока, и рука будет двигаться не так хорошо.

Прошло несколько часов, прежде чем Йормунганд закончил с последним раненым. Умерших положили в овражек на обочине дороги, сверху обернули потертым походным одеялом и завалили камнями. На Йормунганда выжидающе уставились и он, запоздало вспомнив еще одну обязательную функцию Дочерей, выругался про себя. Он представления не имел, что говорить над могилами тех, кто не желал ходить под сенью Луноликой. Он даже не знал, есть ли у них подобие ее небесных чертогов.

— От смерти никто не находит защиты, — сказал он, — Но души их среди костров вечного пира нашли себе пристанище, пока не возвестят бесконечную битву прекрасные девы.

Йормунганд вздохнул. На него смотрели с недоумением, но без неприязни.

— Они в лучшем мире, — сказал Йормунганд, и на этом церемония погребения была исчерпана.

— Вечная битва и костры пиров, — пробормотал Гарриетт, когда, чуть позднее, поравнялся с Йормунгандом. Йормунганд больше не дремал на ходу, — такие в Ирмунсуле поверья?

Йормунганд скосил на него глаза, не смеется ли.

— Мы верим в Луноликую, — напомнил он. — Верим в чертоги лунного камня и вечное блаженство среди вина и прекрасных дев. Нет никакого рая без дев, ты согласен?

— И то верно, — сказал Гарриетт. — Значит, вино, камень, девы и веселье.

— Хм, — Йормунганд задумался на мгновение. — Веселье... Нет, не думаю, чтобы в потустороннем мире весело, ведь там одни мертвые. Если говорить, что мертвые веселятся, это все равно, что приписывать им радость жизни. Все, что я думаю о смерти — там оканчиваются все страдания.

Деревня пахла навозом и сеном. Добротные домишки потемнели от старости и влаги, верный признак того, что деревеньке не приходилось гореть ни по недосмотру, ни от лиходеяства. Дворы ухожены, а по улицам ходили стайки гусей. На окраине располагалась пасека, а в отдалении кузница. Солнце припекало, так что кузнец наверняка давно спал. Возле пасеки Гарриетт спешился и громко окликнул копошащегося возле ульев пасечника,

— Айе, добрый человек!

Тот обернулся, откинул с глаз сетку, и поспешил навстречу.

— Айе! — пасечник был пухлым круглолицем человеком в широкополой шляпе и закутанный в одежду непонятных цветов так плотно, как только возможно было. Он кинул быстрый взгляд на отряд и внимательно всмотрелся в лицо Гарриетта.

— Какие дороги привели вас, добрые господа? — спросил пасечник, вежливо кланяясь.

— Мы с поручением от князя Эдегора, — сказал Гарриетт. — По дороге на нас напали лихие люди, неподалеку отсюда. Есть раненные, так что скажи-ка нам, где тут дом старосты и как поскорее до него добраться.

Пасечник согнулся в три погибели.

— Староста наш..., — залепетал он, — староста наш. Да. Наш староста...

— Ну! — поторопил его Гарриетт. — Или ты хочешь, чтобы мы квартировались у тебя, добрый человек?

Пасечник сглотнул. Вид раздраженных вооруженных воинов смутил его.

— Туда, — сказал он наконец и показал в сторону возвышающегося над остальными дома, с крышей крытой зеленой черепицей и резными ставенками.

— Могли и догадаться, — пробормотал Гарриетт. — Эй, и давно у вас по округе всякие бандиты шныряют? Вижу. Деревеньку не трогают.

— Не, не было, господин, — пасечник все так же продолжал, согнувшись смотреть себе на ноги. Йормунганд хмуро оглядывал дома. Звонкий лай собак, и визг ребятишек дополняли умиротворенную картину.

— А чудище, про которое докладывали князю, как часто оно бывает в деревне?

— Чудище-то? — пасечник почесал за ухом, сложная конструкция на голове заходила ходуном. — Я вот ни разу не видывал, но говорят всякое.

— Сколько людей в деревне? — спросил Йормунганд.

— Человек пятьдесят, не более.

Йормунганд кивнул и тронул было лошадь в объезд пасеки, но тут же остановился.

— В дом старосты пришлешь меда и воска, — сказал он, — для раненых. Понял?

— Как не понять, — ответил пасечник.

Гарриетт уже успел отойти вместе с остатками отряда, так что Йормунганду опять пришлось нагонять его. Он приблизился к телеге. Ингемар бредил, а Ругер с Бриссом играли в Хнефатафл. Брисс, смуглый уроженец Бретани, получил ударом меча в бедро и только чудом избежал большой потери крови. Он здорово ругался, пока Йормунганд очищал и зашивал его рану, но теперь чувствовал себя вполне сносно.

— Совсем плох, — сказал он, кивнув в сторону Ингемара, — очочурится по дороге.

— Знаю, — сказал Йормунганд.

— Деток вспоминает, — вздохнул Брисс.

— Значит, судьба такая, — сказал Ругер, под разговор сдвигая фишку на поле противника. — У тебя вот и деток нет, помрешь, и вспомнить некого.

Брисс фыркнул, но отвечать не стал.

Йормунганд продолжал смотреть на дома. Рядом с дорогой высилась таверна, криво прибитая доска возвещала, что добрых путников здесь ждут кров и обед. Йормунганду уже приходилось бывать в подобных местах, и он доподлинно знал, что кровля у крова, как правило, протекает прямо на кровать, а обед — жидкий и безвкусный. Но ради кружки пива и очага после долгих скитаний можно перетерпеть и не такое.

Дом старосты не в пример таверне большой и ухоженный. Под окнами стояла скамейка и цвели цветочки. На скамейке сидела старушка, скромно сложив руки перед собой и шурясь на путников. Голова старушки покрыта затейливо завязанным платком. Платок тоже был не простой — из яркой, с блестящей нитью ткани. Из-под палатка торчала жиденькая седая коса, длинная, спускающаяся почти до пояса. Платье старушки прикрывал передник вышитый петушками и курочками с тонкими ножками и разноцветными перьями в хвостах. — Чьих будете? — спросила старуха, прикрываясь ладошкой от света.

Гарриетт спешил, потянул коня за собой за уздечку.

— Мы люди Эдегора, — сказал он.

— Кого это? — старушка сложила ладошку трубочкой и поднесла к уху.

— Князя Эдегора, старая, которому вы подати платите. По его приказу. Хозяина зови.

— Нету его.

— Да... — Гарриетт длинно выругался по гардарикски и толкнул калитку. И едва не влетел во двор плечом вперед. Навстречу выскочили две собаки, Гарриетт отпрянул и едва успел захлопнуть калитку у них перед носом. В сердцах как следует пнул калитку. Собаки зашлись в хриплом лае.

Послышались звуки открываемых дверей и густой мужской голос окликнул.

— Кто там?

— Князя Эдегора отряд, — рявкнул Гарриетт.

Во дворе завозились, захлопали двери, раздались испуганные женские голоса. Йормунганд вздохнул, ткнулся на мгновение в сплетенные на гриве коня руки и тут же выпрямился.

— Ой, бабушка, — сказал он, глядя на старушку с высоты своего коня. — Мы прибыли поймать чудовище, которое нападает на путников в здешних лесах, а наткнулись на лихих людей.

Старушка пожевала губы, прищурившись, но промолчала.

— Давно тут деревенские лихим делом промышляют? — спросил Йормунганд. — Не они ли то чудовище и есть?

— Не ведаю, о чем толкуешь, — сказала старушка.

Гарриетт смотрел на старушку с выражением крайней усталости.

— Не бери в голову, — сказал он. — Поговорим с людьми, прочедем окрестности. Что ты от старой хочешь узнать?

— Я тут встретил девчонку на дороге, — продолжил Йормунганд, — Юрун. Не знаешь, чья дочь?

— Чудно вы говорите, — сказала старушка, склонив голову набок, — Будто по-нашему и не по-нашему. Откуда такой?

Собак, наконец, убрали. Заскрипели ворота, два мужика растащили их в разные стороны. Низко кланяясь, перед Гарриеттом стоял нестарый еще человек в длинной, перевязанной полоской желтой ткани, рубахе. Гарриетт протянул ему грамоту. Тот лишь

мельком взглянул на княжескую печать и склонился еще ниже. Гарриетт махнул рукой, во двор въехал Йормунганд и остатки отряда с телегой.

— Где староста? — осведомился Гарриетт.

— Ушли намеренно, — сказал мужик в рубахе, не разгибая спины, — сказали, к ужину будут.

Гарриетт кивнул.

— На нас напали в лесу, есть раненые, — сказал он. — Пусть их разместят где-нибудь с удобствами.

— Дочери в деревне есть? — спросил Йормунганд, спешиваясь. Мужик вздрогнул как от удара и уставился на него.

— Не держим, — сказал он. — Князь же не велит.

Йормунганд ответил ему долгим задумчивым взглядом.

— Лекари, — сказал он, — знахари? Знахарки? Травницы? Ведуньи? Кто вас лечит, принимает роды?

Мужик растерялся.

— Про роды не ведаю, у баб надо бы спросить.

Йормунганд провел рукой по лицу.

— Спроси, — сказал он. — И поскорей.

Когда Ингемара вынимали из телеги, он был уже в забытьи. Йормунганд проследил, чтобы Ругера и Брисса устроили поудобнее. Велел нагреть воды и принялся обмывать и заново перебинтовывать раны. Ему помогала девочка лет двенадцати — четырнадцати. Уже почти невеста. Йормунганд спросил ее имя, но девочка только мотнула головой. Светлые волосы уложенные в косу, веснушки на румяных теплых щеках, темные блестящие глаза.

Староста приехал не один. С ним прибыл и сборщик податей — высокий сухой мужчина на гнедом коне с мешочком для денег притороченным к седлу. Йормунганд при виде сборщика невольно поежился, хотя и никогда не платил податей, кроме как за въезд в город порой. Девочка тоже выглянула в обширный зал, куда пригласили гостей и накрыли стол, и тут же убежала обратно. Солдат оставили стоять, пока Гарриетт вручал верительные грамоты старосте деревни. Прделано все было с такой торжественностью, будто их принимал не староста, Лунолика знает какой деревеньки, а, самое меньшее, владетель городка.

Стены зала затянуты тканью, на городской манер. Вдоль стен красовались сундуки покрытые одеялами и заставленные посудой, вынутой из сундуков специально для гостей. Посуда на толстом столе, выдвинутом на середину, стояла разномастная. Тут были и плошки из дорогого зеленого стекла, и тонкой работы кружки из белой глины. Йормунганд взял в руки одну — полюбоваться на узор из танцующих рыбок.

Старосту звали Хальгаир Симонсен, уже седой крепкий мужик, привыкший держать все в своих руках. Он даже не смог скрыть досаду от прибытия гостей, хоть и улыбался сквозь седые, сплетенные в тонкие косички усы. На Йормунганда едва взглянул, хотя вид чужака явно заинтересовал его домашних. Жена Хальгаира то и дело поглядывала с любопытством на заросшего темной щетиной ирмунсульца. Но волосы Йормунганда все же были куда короче, чем у спутников, а бороду он не носил, по обычаям своей родины. Йормунганд поскреб подбородок, не встречая в обмен любезностями между Хальгаиром и Гарриеттом, тем более у Гарриетта ладить с людьми получалось куда лучше. Гарриетт держался прямо, и даже нагло, но в открытую старосту не понукал, и разговаривал вежливо, хоть и не кланялся.

— Лихие люди, — протянул Хальгаир, разглядывая порванную одежду Гарриетта. — Мало ли таких по округам. Чего удивляться? А про чудище верно вам рассказали. Да вы кушайте, кушайте, отдохнуть вам надо.

— Чудовище или нет, нападение на купцов нехорошо, — сказал Гарриетт. — У вас должен быть собственный гарнизон, рядом же граница. Вы отправляли туда за подмогой?

— Из-за чудища не подходят, — сказал Хальгаир. — Я думал уж, что никто нас от напасти не избавит. Тут же колдунство нужно, и сильное колдунство. Но, мы б и сами справились, — добавил он в усы.

— Дочери? — подал голос Йормунганд. — Рядом земли Ингви, вы могли обратиться к ним за помощью.

Староста сплюнул.

— Не поклонимся мы ведьмам, — сказал он. — Никогда я на это не пойду! Они к нам то чудище и подослали, точно говорю, они это. А лихие люди это потом, под шумок завелись. Не было у нас такого.

Йормунганд лишь усмехнулся. Не было, ага.

— Знающие люди, кроме Дочерей, в деревне есть? — спросил он. — У нас есть раненные. Я спрашивал про лекаря...

— Так болеет, — сказал староста, — занемог вот накануне. То ли съел чего, то ли перепил, не встает. Другой лекарь живет в соседней деревне. Хороший человек, но занятой. И важный, что наш кот. Я прикажу послать за ним, к вечеру прибудет.

Йормунганд вздохнул. У него самого началась ломота в висках. Стоило присесть на мягкие сидения, как усталость растеклась по телу, как растопленное масло впитывается в хлеб. Сборщик податей не спускал с Йормунганда глаз.

— Чудище разорило купеческий караван шесть дней тому назад, — сказал он. — Везли шкурки и рыбу.

— Рыбу? — переспросил Гарриетт.

— Вяленую рыбу, — уточник сборщик. Йормунганд вспомнил его имя — Хенрик. Сборщик податей произнес его так тихо и быстро, что никто, кроме Йормунганда и внимания не обратил.

— Товар, разумеется, растащили, — сказал Йормунганд.

— Разумеется, — сказал Хенрик.

— Нападают в одном и том же месте?

— Нет, но только те караваны, которые следуют из земель Ингви.

— Хм, — Йормунганд опять поскреб подбородок. Щетина раздражала его. — Кто-нибудь видел чудовище?

— Да кто выживет-то после встречи с такой тварью? — возгласил староста. — Видели следы — огромные. И когти у него что кинжалы.

Староста руками показал, какие когти. Получалось, что большие. Йормунганд переглянулся с Гарриеттом. Воин снял шлем, каштановые с проседью, давно не мытые волосы, упали на плечи.

— Поедим, — сказал Гарриетт, — отдохнем. И посмотрим где тут и что.

— Колдунство тут надо, — повторил Хальгаир.

Гарриетт с улыбкой кивнул на Йормунганда.

— Обеспечим.

Слухи разнеслись по деревне с молниеносной скоростью. Пусть Уллаильм и походил больше на маленький городок, чем на большую деревню, каждый знал каждого. Из-за близости торгового пути не было недостатка ни в жилье, ни в товарах для путников. Только торговое место было расположена не в середине, как обычно бывает, а ближе к дороге, чтобы обращать внимание проходящих мимо караванов.

И все же Уллаильм оказался дырой. Кроме поисков чудовища делать здесь было нечего. Ингемара похоронили на местном кладбище. Йормунганд уже расспросил Ругера об обычаях при дворе Эдегора и на этот раз сделал все как надо — даже высыпал в могилу пригоршню ячменя, но подходящих слов так и не подобрал. Гарриетт потерей еще одного члена немногочисленного отряда огорчился и с удвоенной силой принялся искать следы Турха и его людей. Деревенские, если что и знали — не говорили, не помогали ни посулы, ни угрозы. В деятельном порыве Гарриетт даже поскакал в приграничный гарнизон просить поддержки. Вернулся пьяный, чуть не падая с коня, и в споровождении двух заслуженных ветеранов. Командир гарнизона пообещать помочь, если «случится что-нибудь действительно важное». Никто не хотел связываться с чудовищем.

Йормунганду не терпелось убраться из Уллаильма. Он ходил по жалким деревенским улочкам вместе с Ругером и приглядывался к домам и малозаметным признакам того, что обычно называют «ересью». Йормунганд не удивился бы ни на миг, если бы увидел Дочь прямо за углом, но вместо этого все покосившиеся и добротные, новые и ветхие домики красовались изображениями дракончиков на крышах. Дракончики мало походили друг на друга, некоторые были искусно вырезаны и раскрашены в нежно-бирюзовые цвета, в других же фигурка дракона лишь угадывалась. Йормунганд не мог отвести от них взгляд.

Он как раз смотрел на ощеренные зубки одного из деревянных ящеров, когда Ругер похлопал хозяина по плечу.

— А? — Йормунганд обернулся так резко, что старику пришлось отступить на шаг. Раны Ругера заросли быстро, так, что сам Йормунганд поразился действенности собственного лекарства. Он попробовал было по старой памяти, предложить местному люду что-нибудь купить у себя, но так его сторониться стали еще больше. Женщины его побаивались, а мужчины хмурились, детей прятали при его приближении. Даже лекарь, к которому Йормунганд все же заглянул, недоверчиво попросил его удалиться и больше не искушать дьявольскими снадобьями.

Вечера остатки отряда коротали в таверне. Пиво подавали отвратительное, а вино и того хуже, но солдатам глянулись местные девки, так что время проходило весело. Йормунганд разговаривал с торговцами, живо интересуясь новостями. Гарриетт тоже расспрашивал тех, что ехали от самой Гардарики, узнавая их по грузам шкурок мелкого зверька с удивительно шелковой нежной шерсткой. Стоили такие шкурки невероятно дорого и водились, по словам Гарриетта, только в Гардарике, да и то не везде.

— Хорошо бы вернуться до зимы, — сказал он как-то Гарриетту. — Не хочется застрять здесь зимой.

— Ага, — отозвался Гарриетт. В последние дни он стал молчалив и раздражителен. Все дальше забирался в лес в поисках Турха или чудища. Но, похоже, ему тоже не нравилась ни

деревня, ни жители, ни староста.

— Как только заполучим чью-нибудь голову, — ответил Гарриетт, заметив, что Йормунганд ожидает ответа, — сразу вернемся. Хоть зимой, хоть не зимой.

— Чью-нибудь? — криво усмехнулся Йормунганд.

— Хоть старосты, — сказал Гарриетт. — Никогда не поверю, что он не в курсе здешних дел и не покрывает лесных воителей.

— Лучники были слишком плохо одеты для тех, кто регулярно промышляет разбоем. Скорее вышли на промысел от голода.

— Или им не доставалось при разделе добычи. Мелкие сошки, — сказал Гарриетт. — Староста ждет не дождется, когда мы уедем. Даже предлагал сочинить письмо, что мы тут очень помогли и все такое. Ясно же, что он за всем стоит. Скрутить и допросить!

— Так нельзя. Деревенские просто перебьют нас за самоуправство.

Гарриетт недовольно поморщился.

— А ты можешь как-нибудь магией поискать чудище? — спросил он. — Ты же колдун.

Йормунганд спрятал руку в потайной карман плаща, зажмурился, сосредотачиваясь. Когда он вынул руку и развернул ладонь, на ней лежал кусочек круглой отшлифованной кости. Гарриетт с любопытством уставился за зигзагообразный знак.

— Что значит? — спросил он.

— Нет ничего невозможного, — сказал Йормунганд. — Совсем ничего.

Йормунганд подбросил руну и ловко поймал ее, снова спрятал в потайной карман. Косточка глухо стукнулась о другие руны.

— Хорошо, — Йормунганд улыбался. — Я опоясал всю деревню рунами поиска, так что никто не шелохнется без моего ведома.

Гарриетт при этих словах приподнял брови.

— Ты и такое умеешь?

Йормунганд откинулся к стене. Посетители таверны шумели. Музыкант выводил писклявые трели на дудке, черноволосая девчонка танцевала, трясая бедрами и крутя попкой. На лице ее сохранялось выражение полнейшего безразличия.

— Я устал, — сказал он Гарриетту. — Сначала я предполагал, что поездка в Уллаильм развлечет меня, что я всего лишь соскучился по скитаниям и дороге.

Гарриетт взял кружку с медовухой и усмехнулся.

— Не соскучился, — сказал Йормунганд. — Мне нехорошо здесь. Я не могу спать, кусок не лезет в горло. Девки кажутся уродинами. И не чувствую, чтобы здесь... что-то было.

— Ты перетрудился, — сказал Гарриетт. — Или проклят. Знаешь как бывает, косой взгляд и...

— Может быть мы уже нашли что искали? Мы оба видели Турха вблизи. Он человек, но вполне может обернуться чудовищем. С людьми подобное происходит слишком часто. Вся деревня заражена подлой болезнью, что разъедает души. Бедность, самоуправство...

Гарриетт поставил кружку обратно, едва пригубив. Девчонка взмахнула юбками, вызвав одобрителный мужской гул.

— То есть староста ни при чем?

— У него могут быть свои дела, которым мы мешаем, а вот разбойники вполне подходят на роль чудовища.

— Я Турха не видел, — признался Гарриетт. — Даже не знал его имени, пока ты не сказал. Он рубился с Ингемаром.

— Люди, забывшие Богиню, отдают свои сердца и души темным силам, обращаются и становятся проклятыми существами.

— Будешь подозревать в оборотничестве каждого жителя деревни?

— Сам подумай, — сказал Йормунганд. — Гарриетт, местные не верят в Луноликую, хотя земли Ингви практически впритык к этим, нет ни одного ее последователя. Но я не видел ни огненных капищ, ни алтарей, ничего, что указывало бы на глубокую веру во что-то еще. Только не говори, что в Уллаильме живут люди не нуждающиеся в покровительстве.

— Ты думаешь, я знаю все на свете? Везде бывал, все видел?

— Ну а вдруг? — Йормунганд зябко поежился. Достал из кармана мелкую монетку и бросил на пол перед девочкой. Она улыбнулась, сверкнув рядом ровных зубов.

— В долине Уллаильм издавна поклоняются ящерам, — сказал Гарриетт.

— Ящерам?! — Йормунганд аж выпрямился.

— Не ори, — Гарриетт пододвинул ему медовуху. — Очень большим ящерам. Говорят, они вроде как духи-хранители этих мест.

— А, — Йормунганд снова расслабился, — духи-хранители.

— Угу. Здесь верят в огромного мудрого ящера, который живет в озере, круглом как блюдце и прозрачном как слеза.

— А по берегам скачут олениа и поют птички, — пробормотал Йормунганд.

— Да ты как будто побывал там, — рассмеялся Гарриетт. — И вот этот ящер живет там, но показывается лишь избранным, хранит эту землю и выполняет работу так хорошо, что последователей других культов тут просто нет. Кроме нас с тобой, да проезжих торговцев.

— А ты не находил то озеро в лесу? Ты же под каждый куст заглянул.

— Нет. С озером еще одна заковыка. Оно есть, но и как бы нет. Ты можешь увидеть его на пороге своего дома, или на поляне в лесу, либо не встретить никогда, сколько не ищи.

— Ого, — сказал Йормунганд. — Больше похоже на сказку. И местные верят?

— Верят. Видел на крышах домов изображения ящерок? Это символ духа-хранителя. Искусно сделано, кстати. Хочу привезти домой дюжину.

— Ящерицы, — Йормунганд фыркнул. — Как можно додуматься поклоняться ящерицам?

— Ящеру, — сказал Гарриетт. — Строго говоря, это одна ящерица, но большая. Или змея, но больше похоже на ящерицу.

— А у нее... него есть имя?

Гарриетт пожал плечами.

Йормунганд отхлебнул медовухи и поморщился. Он снова обрезал волосы и брился каждое утро, заставляя Ругера греть ему воду ни свет ни заря. Нигде не появлялся без синего плаща, кроме как за трапезой в доме у хозяина. Йормунганд похудел и осунулся. Под глазами залегли тени, и даже нос, казалось, заострился.

Гарриетт же напротив, взбодрился, развлекался охотой и ставил ловушки для дичи покрупнее — Турха и его оставшихся в живых товарищей. Похоже, он собирался оставаться в Уллаильме так долго, как только можно, пока не выловит и не отрубит голову каждому, кто помогает ребятам из леса. Вдали от Эдегора и княжеской жены он снова почувствовал себя хозяином жизни.

Чудовище и не думало о себе напоминать.

— Хочешь съездить со мной на охоту? — спросил Гарриетт. — Здесь водятся волки и лисы.

— Тигры и медведи? — улыбнулся Йормунганд. Его уже клонило в сон, так что он попытался уткнуться в воротник плаща.

— На счет медведей не знаю, даже следов не видел. А увижу — устрою облаву с собаками.

Йормунганд зевнул. Ночевать в таверне не хотелось, тем более что все комнаты оказались заняты проезжающим из земель Ингви караваном. Везли ткани и побрякушки. Да и всякий красивый скарб, что так хорошо расходуется в больших городах, но никому не по карману в глухомани вроде Уллаильма.

Крикнув Ругера, Йормунганд стряхнул крошки с колен и отправился в сопровождении слуги в дом Хальгаира. Снаружи уже стемнело, от прохлады немедленно пробрал легкий озноб. Йормунганд то и дело зевал и тер глаза. Ругер шел чуть поодаль, не решаясь поддержать господина и наблюдая, чтобы тот не свернул и не споткнулся.

— А тебе здесь нравится, Ругер? — спросил Йормунганд.

— Кормят хорошо, — уклончиво ответил старик, поглаживая плешь, как всегда делал, когда не хотел говорить.

Йормунганд кивнул.

— Ничего, — сказал он, — недолго осталось грязь месить.

— Неужто придумали что? — встрепенулся Ругер.

Йормунганд не ответил. На этот раз старушка, едва завидев Йормунганда, вскочила и открыла ворота перед гостями. Йормунганд едва удостоил ее взглядом, а Ругер поклонился.

В отведенной гостям комнате уже спал Брисс, завернувшись несколько одеял. Он здорово мерз по ночам. Ругер помог снять Йормунганду сапоги и быстро постелил постель из матраса и тонкого одеяла. В комнату быстро заглянула девочка и тут же исчезла.

— Скоро, — пробормотал Йормунганд, — скоро, скоро, вот увидишь.

Он накрылся одеялом с головой и тут же уснул.

Ругер еще посидел рядом на корточках. Хозяин мог бы потребовать себе условия и получше, а не толкаться с солдатней. Но, похоже, соседство его вполне устраивало. Что кроется за таким человеколюбием, Ругер пока не знал.

Во сне хозяин выглядел моложе. Без бороды, с приоткрытым ртом. Говорили, что он сын Лодура, известного прохвоста и колдуна, про которого болтали всякое. Что умеет он превращаться в животных, что нет такого края, где бы он ни бывал, что он великан и побратим самого Альфедра. Что не пропустит ни одной миловидной женщины. А злые языки намекали, что и мальчика тоже.

Если так, то Йормунганд пошел в мать.

Ругер поправил одеяло на молодом господине и собрался уже сам укладываться. Надо было только лицо сполоснуть, да в нужник сходить, когда дверь снова приоткрылась и вновь заглянула девочка, что помогала ухаживать за ранеными.

— Чего надо? — шикнул Ругер.

Девочка уставилась на него блестящими черными глазами.

— Чего тебе? — повторил Ругер сердито, — Ты же гардарикская, я вашего языка не понимаю, Гарриетта поищи, он с тобой столкнется.

Девочка нахмурилась, тонкие брови презрительно изогнулись. Ругер подозревал, что она и вовсе не умеет говорить. Девочка неожиданно скользнула мимо него и с силой потрясла за плечо Йормунганда. Зеленые глаза мгновенно распахнулись.

— Что? — спросил он так, будто и не спал вовсе.

Девочка потянула его за руку.

— Эй, мелкая... — Ругер хотел было оттолкнуть девчонку от хозяина, но Йормунганд жестом остановил его. Он откинул одеяло, оно мятым комком свалилось у его ног. Йормунганд зевнул, прищурившись, темные пряди падали на лоб и топорщились. «Чисто кот», восхитился про себя Ругер.

— Дело не терпит отлагательств? — спросил Йормунганд девочку. Та развела руками.

— Ну, пойдем. Ругер, на всякий случай жди здесь, — сказал Йормунганд и криво улыбнувшись, пошел вслед за девочкой.

— Какой такой случай? — пробормотал Ругер, едва за хозяином закрылась дверь.

Дом старосты, внешне большой, кому-то вроде Ругера мог бы показаться огромным. Построенный по образцу деревянных палат Эдегора, дом Хальгаира Симонсена уступал им в убранстве и высоте потолков. В углах стояли сундуки с припасами и разным скарбом. Слуг староста держал немного, только старушку с то ли дочкой, то ли внучкой. Девочка не говорила и держалась незаметно. Гарриетту она нравилась, и он даже опасался, не обижают ли ее сыновья старосты.

Сыновей у старосты четверо. Двое уже женились, но лишь самый старший жил отдельно, поставив дом напротив отцовского. Хальгаир поручал ему взимать пошлину с проезжающих купцов, а сам уже платил пошлину с пошрины сборщику налогов. Второй сын жил тут же, занимал добрую четверть дома и образ жизни, не смотря на жену и маленьких ребятишек, вел праздный и разгульный. Йормунганд подозревал, что именно он держит связь между старостой и лесными разбойниками. Возможно, выдумка про чудовище, нападающее на купцов — тоже его идея.

Третий сын только вошел в возраст пригодный для женитьбы, а младший бегал за мамкой и хватал ее за юбки.

Йормунганд шел за девочкой едва слышно, стараясь не шуметь, чтобы не привлекать внимания любопытного подростка или бездельника-гуляки. Девочка же шла уверенно и лишь иногда поглядывала через плечо.

— Послушай, — сказал Йормунганд едва слышно. — А нет ли у тебя сестры, что чуть тебя старше?

Девочка потемнела лицом и мотнула головой.

— Или у тебя была сестра, а теперь ее больше нет?

Девочка не удостоила его ни ответом, ни жестом.

Она остановилась у низкой оббитой коровьей кожей двери. В щели между дверью и полом плясали отсветы свечного пламени. Девочка выразительно прижала палец к губам. Йормунганд прижался к двери ухом. Слышно было плохо, почти ничего, но он все же узнал голос старосты и разобрал еще чей-то, говоривший с сильным акцентом.

Йормунганд поглядел на девочку. Ее глаза сверкали даже в темноте. Она еще раз показала на дверь, потом помедлила, ткнула пальцем в пол. Йормунганд едва успел отскочить, когда она открыла дверь и вошла, оставив ее приоткрытой так, что теперь Йормунганд мог все хорошо слышать, а если отойти подальше и встать в темноте, то и видеть.

— Двина, — сказал Хальгаир, — принеси пива.

Первое, что Йормунганду бросилось в глаза — собеседник старосты не носил бороды. Над верхней губой топорщились короткие усики, светлые волосы стрижены коротко. Встреть такого в темной подворотне, где не разглядеть ярких красок в одежде, Йормунганд

бы принял его за земляка. Да и лицом гость походил больше на жителей побережья. Йормунганд боялся шевельнуться. Чего ради девчонка, чье имя он узнал только сейчас, привела его сюда?

Йормунганд почувствовал, как вспотел, даже ладони стали мокрыми. И в то же время холодок пробежал по хребту. Он узнал гостя старосты. Ингви. Ингви — властитель соседних земель. Ингви — его сводный брат и брат Ванадис, той, что так долго преследовала его в снах.

Колдун стрельнул глазами по сторонам. Зачем Двина привела его сюда? Чтобы его поймали подслушивающим изменнические разговоры старосты? Тогда его убьют на месте. Это мсть, пронеслось у Йормунганда в голове, мсть за ту девушку, что он убил самострелом. Он не сразу, но все же заметил сходство между той, что Турх назвал по имени и этой девчонкой, чье имя он узнал только сейчас.

— Ох, Лунолика, прости мне грехи, — прошептал Йормунганд и зажмурился, ожидая худшего.

Двина поднесла пиво старосте и его гостю на небольшом деревянном подносе. Поставила сначала перед Ингви, потом перед Хальгаиром. Гость одобрительно похлопал девочку по заду, на пальце сверкнуло кольцо с крупным изумрудом.

— О тебе тут хорошо заботятся, детка? Не обижают? — спросил ее Ингви. Лицо девочки оставалось бесстрастным.

— Ух, какая ледышка, — произнес гость. Хальгаир улыбнулся и глазами приказал девочке убираться. Она быстро поклонилась и вновь скользнула в приоткрытую дверь.

Йормунганд уже сообразил, что ему ничего не грозит и разозлился на себя за минутную слабость.

Разговор между старостой и Ингви шел спокойный, добрососедский. И все же Йормунганд отметил подобострастность, с которой Хальгаир заглядывал в глаза светловолосого франта. Ингви же поигрывал кружкой и улыбался в усы. Видно, что со старостой они встречаются не первый раз. И это Йормунганда удивило особенно, ни он, ни его мать, не стали бы водить дел с кем-то вроде Хальгаира, кроме крайней в том надобности. Ингви же, похоже, со старостой был давно и близко знаком, вел дела сам, а не через посредника. Хотя кто их разберет, этих чужаков.

— Ингви? Точно Ингви, ты уверен? — Гарриетт, помятый, в несвежей одежде провонявшей пивом, сидел во дворе на завалинке и наблюдал, как Йормунганд умывается.

Ругер поливал на руки Йормунганда из кувшина. Йормунганд фыркал, тер заспанные глаза холодной водой, рубашка намокла от брызг. Наконец Йормунганд протянул руку к Ругеру за полотенцем и выпрямился. Он уже рассказал Гарриетту о подслушанном разговоре. К разочарованию обоих удалось услышать не так уж много, но это было уже и не важно. Сам факт того, что Ингви находится в Уллаильме, ведет переговоры, стоил многого. Тут уже не до разбойников и чудовищ.

И все же Гарриетт сомневался.

Йормунганд пригладил темные волосы пятерней, непослушный вихор тут же снова поднялся на макушке.

— Мы как в центре урагана, — сказал Гарриетт, глядя в бесконечно-чистое ясное глубокое небо. — Знаешь, в центре урагана тихо, а вокруг...

— Я понял, что ты имеешь в виду, — прервал его Йормунганд.

— И все-таки, ты, в самом деле, больше ничего не слышал? — в который раз спросил Гарриетт.

— Я уснул, — в который раз повторил Йормунганд, стараясь, чтобы раздражение не прорвалось наружу.

Он и в самом деле уснул, когда Ингви и староста принялась обсуждать общих знакомых и домашние дела. Йормунганд и представления не имел, насколько Ингви болтливый любитель жаловаться. Поэтому он едва не засопел, когда Двина растолкала его.

— Жарко, — сказал Йормунганд, хотя, несмотря на ясное небо, жарко вовсе не было. Осень подобралась уже совсем близко, и зимнее дыхание оседало в воздухе по утрам.

— Искупаемся.

— Что? — Гарриетт приподнял бровь. Ругер же молча вздохнул и выплеснул в траву остатки воды из кувшина.

Пока ехали к реке, якобы напоить и искупать коней, Йормунганд молчал. Теревил зубами нижнюю губу, и не смотрел по сторонам. Сунув левую руку в потайной карман, он вынул пару рун и не глядя, бросил их через плечо. Ругер согнул пальцы в знаке отгоняющем злую силу. Гарриетт заметил и усмехнулся. Он тоже был молчалив, и лишь Ругер приветственно кивал встречавшимся жителям Уллаильма.

Как обычно бывает, деревня располагалась возле реки. Холодной и быстрой, текущей прямо с гор, незамерзающая даже зимой и в жаркое лето остающаяся холодной. На каменистом берегу Йормунганд спешил и передал поводья слуге. Кони зафыркали, почувствовав воду.

— Господин, — пробормотал Ругер, когда Йормунганд скинул плащ и принялся стаскивать сапоги, — вода же холодная, течение быстрое.

— Я из Ирмунсуля, — сказал Йормунганд, — как у вас говорят — края северных великанов. Неужели ты думаешь, меня испугает прохладная водичка?

Он помедлил, оставшись лишь в нижних штанах. На бледной коже ни рубцов, ни шрамов. На шее болтался шнурок с круглым, испещренным письменами амулетом. Брошь в виде змейки поблескивала изумрудным глазком с вороха одежды.

Возле реки ветер усиливался, пронизывал до костей. Сквозь прозрачную воду виднелось каменистое дно, юрко проплыла стайка мелких рыбешек. Йормунганд осторожно проверил воду ногой и тут же отдернул ее. Глубоко вздохнул и принялся медленно входить в реку. Он зябко дергал плечами и едва вошел по колени, течение покачнуло его. Ругеру оставалось лишь наблюдать. Он уже привык не задумываться над действиями хозяина, какими бы странными они не казались.

Гарриетт тоже спешил и теперь пинал камешки на берегу, прохаживаясь туда-сюда.

— Смотри за моей одеждой! — зачем-то крикнул Йормунганд. Ругер нахмурился, хозяин что, думает, что он сбежит как какой-то мальчишка-озорник?

Он открыл было рот, заверить хозяина, что все под присмотром, но тут Йормунганд набрал воздуха и упал в воду головой вперед, подняв столп радужных брызг. Некоторое время ничего не происходило. Ругер замер с открытым ртом. Что теперь делать? Бежать за багром? Кидаться в воду?

— И часто он так? — негромко спросил Гарриетт.

— Что...так? — переспросил Ругер.

— Колдует с водой.

Ругер ненадолго задумался, почесал плешь.

— Да все время, все его колдовство на воде зазвано, — сказал он. — Ему бы к морю, вот там бы он размахнулся. Но нет, ему дождь подавай. Или вот, реки, озера, лужи всякие.

Йормунганд открыл под водой глаза. Хорошая река, жаль, поблизости нет водопадов, тогда получилось бы еще лучше. Обходя двор за двором, Йормунганд и не думал выяснять, кто связан с лесными разбойниками, кто помогает Турху и его людям. Это было очевидно с самого начала. Стоило взглянуть на неговорящую девочку, что помогала ему с первых минут, как они приехали, и он увидел сходство с той, что лежала, неестественно выгнув спину, с его болтом в бедре.

Староста держал в кулаке не только свою деревню, но и округу, даже гарнизон зависел от его поставок провизии и связей с торговцами. Он внушал уважение и в самом деле мог бы разобраться с лихими людьми самостоятельно, если бы хотел.

Йормунганд обернулся в сторону деревни. Ничего особенного. Йормунганд сосредоточился. Серебристая рыбка поплыла вверх по течению, обгоняя собственную тень. Немигающий глаз ее сделался золотым, как мелкая монета. Вот она скользнула вверх и еще выше, кусты и тонкие стволы деревьев сменились песчаной отмелью. Рядом, с крутого бережка женщины полоскали белье, опуская посиневшие от холода пальцы в леденелую воду. Рыбка высунула морду из воды и тут же нырнула обратно.

Мозг у рыбки был еще меньше, чем у ворона. Йормунганд уловил золотые блики на лицах женщин, слышал глухие, искаженные толщей воды, голоса. Но интересовало его не это. В паутине рун, укутавшей всю деревню золотой, едва видимой паутиной, появился еще один паук. Йормунганд разглядел и наглые белобрысые усики, и дерзкое перышко на шляпе. Сейчас он должен понять, зачем он здесь.

— Поймал! Поймал! — детский голос заполнил все пространство вокруг. Сильные, неумолимые пальцы обхватили скользкое тело, не давая вырваться, и ввергли в безводный ад. Стало сухо и жарко, солнечный свет ударил в глаза.

Йормунганд резко дернулся и захлебнулся, опрокидываясь в воде на спину. Он неловко замахал руками, стараясь выпрямиться. Камни скользили под ногами.

— Господин! — Ругер спрыгнул с коня и вбежал в воду прямо в одежде. Йормунганд обхватил его за плечо и позволил довести себя до берега. Гарриетт остался на берегу, ожидая, когда Йормунганд выберется.

Йормунганд долго откашливался и кутался в шерстяной плащ.

— Только заболеть вам и не хватало, — причитал Ругер. — Вас-то кто вылечит в случае оказии?

Йормунганд унял дрожь. Он научился этому еще ребенком в Ирмунсуле, когда тайком от мамы купался в таких же быстрых и холодных речках. Сразу стало теплее. Йормунганд натянул одежду на влажное тело и снова залез на коня.

— Ну и что? — подал голос Гарриетт. — Узнал что-нибудь?

— Конечно, — зубы Йормунганда снова застучали, и пришлось переждать минутку, чтобы справиться с приступом дрожи. — Начальник пограничного гарнизона предал князя. Йорд с большим отрядом уже у границы и вторжение случится со дня на день. Ураган... Ха! Надо сматываться так быстро, как только сможем, либо нас прирежут во сне, либо станем военной добычей Йорда. А у него на меня зуб. Клык, нет, бивень у него на меня.

Йормунганд глубоко вздохнул. Не обращая внимания на ошарашенных Ругера и

Гарриетта.

— Ингви выступает посредником, договаривается не поднимать шум о передвижении Йорда как можно дольше. — продолжил Йормунганд. — И с ними есть еще кое-кто, кто-то вроде меня.

— Колдун? — спросил Гарриетт.

— Альфедр?! — ахнул Ругер.

— Нет, не Альфедр, помоложе. — сказал Йормунганд и его спутники дружно выдохнули.

— Жаль, не успели поквитаться с теми... — Гарриетт длинно и замысловато выругался, обозначая «тех». — И бежим, поджав хвосты.

Он сплюнул в траву. Йормунганд сочувственно посмотрел на него.

— Йормун, — шепнул Гарриетт, едва они выехали из пределов двора старосты. Деревенские, те, что были в это время на улице, останавливались и провожали их взглядами. Гарриетту явно было не по себе.

— Йормун, мне надо отлучиться ненадолго.

— Что? В лесу облегчишься.

— Нет, я не за этим, — пробормотал Гарриетт едва слышно.

— Гарриетт, нам надо срочно уходить.

— Йормун, я бы не просил, но у тебя есть свободные деньги?

— Ну есть немного.

— Дай, с жалования верну.

Йормунганд порылся в кармане и вынул несколько круглых, отливающих золотом и медью монеток, сильно обточенных по краям. Гарриетт скептически повертел их, даже зачем-то глянул на свет и сунул в карман, где они звякнули о его собственные сбережения.

Йормунганд махнул отряду, приказывая следовать за ним, пока Гарриетт припустил с дороги влево, прямо к бескрайнему полю гороха, где, согнувшись в три погибели занимались прополкой девушка с двумя ребятишками. Мальчик едва двигался, а младший ребенок болтался у нее за спиной в широком, подвязанном под грудь и животом, полотенце. Девушка, встала, размяла ноги, и вновь согнулась за работой.

— Где хозяин? — спросил у нее Гарриетт, едва приблизившись.

Она отерла лицо, оставив на щеке оставив на щеке грязный развод. Голубые глаза смотрели туповато и с подозрением.

— На кой вам? — голос у девушки оказался хриплым, не женским. Слова как будто ворочались в горле, прежде чем выскочить наружу.

— Надо потолковать, — Гарриетт нахмурился, разглядывая девушку внимательнее. Одежда на ней ладная, застиранная, но целая, без заплат. Передник выпачкан землей и сажей, а густая русая коса повязана вокруг головы, ребенок на спине пошевелился и загукал. девушка ловко перехватила его, оголила грудь и сунула темный сосок в рот. малыш поперхнулся, но вскоре уже жадно принялся сосать.

— Ты из Гардарики? — зачем-то уточнил Гарриетт, отводя глаза.

— Откель же еще? — девушка все с тем же подозрением смотрела на него, — Нечто и сами не видите и не слышите. Иди уж, никого я звать не стану. Недосуг мне. Да и нет его, хозяина.

— Как ты тут очутилась? — спросил Гарриетт.

— Как получилось, так и очутилась, — отрезала девушка.

— Может, ты меня проводишь? — обратился Гарриетт к старшему ребенку. На вид ему казалось лет девять-десять, но Гарриетт подозревал, что могло быть и больше. Смуглый, с темными глазами. Он походил на мать светлыми космами, что контрастировали с темной, до коричневого глянца, кожей. Мальчик вопросительно посмотрел на мать. Он устал, и работать ему больше не хотелось. А других занятий для него быть не могло.

— Иди, — сжалилась женщина, — Только сразу вертайся. И ори, если что.

— Ничего не случится, — сказал Гарриетт, смутившись.

— Знаем вас, благородных, — фыркнула женщина.

— Да кого ты знаешь-то? — не выдержал Гарриетт, подхватил мальчишку на коня и потрусил в сторону тропинки.

— Нам в другую сторону, — сказал мальчишка. Гарриетт развернулся.

— Туда?

— Да.

Господский двор походил на все остальные дворы. Тот же светлый камень, увитые ползучими растениями бока, окошки с резными ставнями и красная черепица. По двору бегали куры, и лениво жевала траву привязанная у столбика коза.

— Позови, — сказал Гарриетт, спуская мальчика на землю, — Мне самому входить неприлично, если есть, кому представить.

— А чо так? — спросил мальчик, не двигаясь.

— Этикет, — объяснил Гарриетт, — Просто позови хозяина, я тут подожду.

— Он занят.

— Иди! — рявкнул Гарриетт, и мальчик вприпрыжку убежал.

Гарриетт спешил, еще раз огляделся, поле, небо, уходящая за лес дорога, все оставалось на месте, поправил одежду и быстро и по возможности незаметно пересчитал деньги. Должно хватить, подумал он, ну сколько они могут стоять? На крыльцо выскочил рыжий котенок, сладко потянулся, выгибая полосатую спинку, и прилег на прогретую солнцем завалинку. За котенком выглянула и тут же спряталась женщина. Гарриетт заметил лишь белую кожу и темные косы.

— Эй, — позвал он, — А хозяин выйдет, нет? У меня дело к нему.

Женщина снова выглянула:

— А какое дело? — спросила она с интересом.

— Эм, да девка, что горох ваш полет, продается?

Женщина вышла из двери неспешной походкой и уселась на завалинку рядом с котенком.

— Простите, что в дом не зову, — сказала она, — Неубрано, да и угощать нечем.

— Не в обиде, — ответил Гарриетт.

— А зачем она вам?

— Эм, служанка нужна. Дети ее? Девчонка, что у старосты служит, Двина, ее дочь, принадлежит ведь вам?

— Да.

— А за них сколько, если возьму всех вместе.

Женщина критическим взглядом окинула его самого, лошадь, задержалась на потертых сапогах и сомнением прищурилась на ножны.

— Десять золотых.

— Шутись, хозяйюшка? За такие деньги можно всю вашу деревеньку купить и сдача останется.

— Не хочешь, не бери, — пожала женщина плечами.

— А мужик в доме есть?

— Зачем?

— С хозяином хочу потолковать, скорее столкнемся, — сказал Гарриетт недовольно, — Без бабьих шуток.

Женщина поджала губы. Теперь Гарриетт мог хорошо рассмотреть ее. Пышнотелая, еще не старая, с темным румянцем на щеках и темными тяжелыми волосами. Одета в широкий сарафан поверх простой льняной рубашки. Передника на ней не было, и косынку она не носила, как местные замужние дамы. Вдова или...

— А ты только горохом, промышляешь, сударыня? — спросил он.

Она бросила на него быстрый взгляд.

— Нет, не только.

— И много девушек у тебя?

Она расплылась в улыбке, поняв, что он догадался.

— На любой вкус, сударь. Войдешь? Не убрано и девушки кто спит, кто работает, но может, кого и найдем.

— Я хотел бы ту, из Гардарики, выкупить.

— Землячка?

— Ага.

— Не продается. Но я могу позвать ее с поля, если ты ее желаешь, сударь.

Гарриетт потер переносицу,

— А мелкую девчонку. Двину, отдашь?

— Позднее приходи, — сказала женщина.

Гарриетт повернул назад, ругаясь про себя что было силы. Мелькнула мысль поехать на поле и выкрасть девку вместе со щенками, а потом сразу на двор старосты — за Двиной. Но ведь кинутся в погоню. Йормун захочет людей вернуть без стычки. Гарриетт понукал лошадь, стремясь поскорее нагнать отряд. Но сколько бы он не торопился, отряда на дороге он не видел.

— Да куда они делись? — бормотал он, пока не услышал странный шум в стороне от дороги. Шумела река, за поворотом должна быть переправа, как он помнил.

Гарриетт едва не вылетел из седла, резко натянув поводья, едва не разорвав рот коню. Бедняга поднялся на дыбы и попятился, но Гарриетт сумел удержаться. Он отрешенно рассматривал разбросанные в разных позах тела. Их убили быстро, они не успели ничего сделать. Конь фыркал, следы от его копыт наполнялись кровью. Гарриетт огляделся, будто ожидая увидеть противников тут же, за деревьями. Ветерок шелестел листьями, приятно обдувал лицо. И все же внезапное шевеление заставило Гарриетт вздрогнуть и вытащить меч.

— Йормун?

Йормунганд принял сидячее положение, он словно не слышал Гарриетта, сидел бледный, с прижатой к лицу ладонью.

— Йормун!

Йормунганд поднял голову и только тут Гарриетт увидел, что сквозь пальцы Йормунганда стекает кровь.

Гарриетт перевязывал Йормунганду голову, тот то и дело приваливался к его плечу, заметно усложняя дело.

— Йормун, — Гарриетт старался говорить ласково, — ты не умер. Да не умирай ты! — рывкнул он так, что Йормунганд дернулся. Гарриетт тут же устыдился своего порыва.

— Что случилось? — спросил он.

— Напали. — прошептал Йормунганд едва слышно. — Перебили.

— Всех? — спрашивать не было смысла, но Гарриетт все же продолжал задавать вопросы.

— Да. Гарриетт, у меня в сумке обезболивающее. Дай мне.

Гарриетт огляделся. Сумка Йормунганда валялась тут же. След лошадиного копыта пришелся ровно на середину. Но Гарриетт все-таки открыл ее и вытряхнул влажные остатки баночек и отсыревших мешочков с травой. Пахло спиртом, полынью и чем-то еще неприятным.

— Кто это был? Турх? — спросил Гарриетт, пока Йормунганд сосредоточено шарил в останках лекарств.

— Нет, — Йормунганд выглядел сейчас совсем юным, судорожно выдыхая, он едва не терял сознание. Наконец нашел, что искал. На дне разбитой бутылочки осталось совсем немного.

— Тогда кто? Ингви? — продолжал спрашивать Гарриетт.

— Нет, — глаза Йормунганда остекленели и начали закатываться.

— Йорд. — сказал Гарриетт, глядя себе под ноги. — Ты очень везучий человек, Йормун.

Гарриетту захотелось потрясти его, растормошить, чтобы узнать подробности. Но Йормунганд и так скользил на грани сознания. В неуместно веселой, зеленой травке, рядом с нежным цветочком на тонком стебельке лежал окровавленное любимое оружие Йорда — боевой молот. Гарриетт узнал его по укороченной ручке, по тонкой вязи рун. Гарриетт не мог не ухмыльнуться, поднимая его.

Гарриетт водрузил Йормунганда на своего коня. Безымянный фыркал и упирался, будто на него взгромодили труп. Йормунганд обхватил шею коня и уткнулся окровавленным лицом в гриву. Кровь все еще сочилась сквозь повязки и падала тяжелыми каплями на траву.

Йормунганд очень надеялся потерять сознание, но уже понимал, что стоит ему это сделать и он уже не очнется. Не хочу умирать, думал он, не хочу умирать, не хочу умирать. Возможно, он произнес это вслух, потому что Гарриетт странно посмотрел на него и дружески похлопал по спине. Гарриетт все делал правильно, надо уходить. Но благодарности Йормунганд не чувствовал, только боль.

От такого не умирают, думал он, не умирают, боль пройдет. Он попробовал уцелевшим глазом смотреть на дорогу, но ресницы набухли от крови, и глаз едва открывался. Хорошо бы не истечь кровью, подумал он и скользнул-таки в темноту.

Первое, что почувствовал Йормунганд, едва очнувшись, зуд и жжение в глазнице.

— Плохо? — спросил его незнакомый женский голос. Йормунганд не ответил, лишь

качнул головой. Он ощутил крепкую профессиональную перевязку, перетянувшую ему пол головы.

— Сколько пальцев видишь? — в поле его зрения показалась рука с аккуратными розовыми ноготками. Рука уже немолодая, с тонким колечком на мизинце, и показывала она два пальца.

— Два, — едва слышно произнес Йормунганд.

— Хорошо, — женщина придвинулась, и Йормунганд разглядел дородную Дочь с большими обвислыми грудями и неровной линией подбородка. Глаза ее пожелтели, как радужка, так и белок, лицо покрывали темные пигментные пятна. Белое покрывало небрежно лежало на плечах, открывая неожиданно темные, без признаков седины, короткие волосы. Йормунганд ощутил исходящий от Дочери характерный тонкий запах мяты и сушеных трав и неожиданно для себя успокоился. То, чего он страшился все эти годы все же случилось.

Говорить было тяжело, поэтому он просто смотрел на нее единственным глазом.

— Какой красивый мальчик, — проворковала Дочь. — Ничего, ничего, жить будешь. Где это видано, чтобы такие молодые умирали.

— Да много где, — оказалось, что Гарриетт стоял неподалеку. Косился на Дочь и с тревогой наблюдал за другом.

— Да только не у меня в гостях, — сказала Дочь укоризненно.

Выздоровление шло медленно, Гарриетт пропадал целыми днями, возвращался под вечер, приносил хозяйке зайца или горсть сладостей в качестве подношения. Йормунганд как только смог встать, бродил по дому или прятался за ширмой, когда к Галете приходили посетители. Галета служила Дочерью уже тридцать с лишним лет, имела обширную практику, пользовалась уважением и признанием среди сельчан. Будучи молодой и легкомысленной, она закрутила роман с юным и настойчивым галантерейщиком, что носил Дочерям цапки для ногтей.

— Ах, какой милый мальчик был, — сокрушалась Галета. — Лицо что фарфор, белое, тонкое, глаза как две миндалики и такие же темные. А как он целовался, этак проведет сначала язычком по губам, а потом будто душу хочет выпить.

И она хихикала и заливалась краской от воспоминаний. Дочерям не возбранялись романы, даже поощрялись, если было выгодно для дела или просто для здоровья. Но Галета пошла дальше — она забеременела и, осознав что случилось, сбежала. Рожать Дочерям строго нельзя. Как Галета допустила такой конфуз, она не рассказывала. У Дочерей существовали собственные способы предотвращения нежелательной беременности: чай, травы, а в случае оказии всегда можно было прибегнуть к помощи сестер.

Галете не удалось спрятаться. С большим животом, уже на восьмом месяце, ее нашли и принудительно сделали аборт. Ребенка выволокли живым, но сильно искалеченным повитухой и тут же, при матери, убили. Йормунганд понимал, что в действиях Дочерей не было ни особой злости, ни стремления к жестокости. Просто ребенка для них не существовало, лишь необходимость от него избавиться.

Провинившуюся Дочь сослали в далекий уголок и больше про нее не вспоминали. Лишь изредка молодые паломницы заходили в ее дом, но задерживались на день два, не больше.

Историю Йормунганда она знала, так что скрывала его от чужих глаз, хорошо кормила, лечила и получала за это плату от Гарриетта по тройной цене. Тот, в свою очередь,

нисколько не скрываясь, шатался по округе, выспрашивал у местных всякий вздор и вообще вел себя подозрительно.

— Есть только одно объяснение, как тебя смогли подловить, — объявил он однажды, вваливаясь по обыкновению в грязных сапогах и устраиваясь на лавке рядом с Йормунгандом.

— И? — колдун сосредоточенно мешал в тарелке уже остывшую кашу похожую на сопли.

— Там был еще один маг.

— Хм, по-моему, я окривел от удара молотом, а не от чего другого.

— От удара молотом ты бы умер, — сказал Гарриетт, — ничего бы от твоей головы не осталось.

— О, значит, глаз у меня сам собой выбился? Вылетел... вывалился?

— Йорд промахнулся, — сказал Гарриетт. Он замолчал, уставившись невидящими глазами в одну точку.

— Гарриетт, — окликнул его Йормунганд, обеспокоенный странным молчанием.

— А? Я спросить хотел: тебе здесь не скучно? Нам пора возвращаться.

— Без отряда? — Йормунганд беспокойно потер повязку.

— Князь, наверняка, уже знает о его судьбе и может даже, хех, беспокоится.

— Сомневаюсь.

— Ты так и не рассказал, что произошло.

— А нечего рассказывать, — Йормунганд сел на свою лежанку. — Мы уже добрались до парома, он как раз был на нашей стороне. Только паромщика не было. На той стороне ожидал другой отряд. Я крикнул им, чего они ждут и где паромщик, просто так, без задней мысли, а мне ответил Йорд. Я едва узнал его голос из-за ветра над рекой и вообще, было далеко.

Было далеко, дул ветер и волны реки Анк разливались по берегу. Йорд и его люди стояли на другой стороне, и как он мог узнать человека, похитившего его возлюбленную?

— Эй, — крикнул Йорд, сложив ладони рупором, — назовись!

— Не твое дело! — крикнул Йормунганд. Их разделала река.

— Не дерзи мне, щенок! — Йорд смеялся. Даже через расстояние и ветер Йормунганд слышал смех в его голосе.

— Я не щенок, дедушка.

Краем глаза Йормунганд отметил, как спешивается его отряд. Сытые, ленивые, недовольные скорым отъездом, и теперь они пользуются возможностью отдохнуть. От противника их отделяет река.

Йорд махнул рукой, его люди поплелись вдоль берега, кроме одного, что сел почти на самом берегу и подставил лицо ветру.

— Кто же ты такой, что смеешь так говорить с самим Йордом?

— Эээ, я просто мимо проходил, — Йормунганд развел руками. Его люди засмеялись. Некоторые улеглись на собственные плащи, чтобы подремать. Сквозь ветви деревьев светило солнце, и пятнистые тени лежали на траве. В прозрачной глубине реки мелькали серебристые рыбки, мелкие возле берега, крупные — подальше. Ветер порывистый, но не холодный, обещал привести тучки с мелким дождиком к вечеру.

Йормунганд стоял по одну сторону реки, Йорд — по другую. Между ними река. Рядом с Йормунгандом отряд вооруженных воинов. Йорд — с мальчишкой, что прячет лицо за

капюшоном и бросает камешки в воду.

— Скажи мне. Может, я тебя знаю?

— Нет, ты меня не знаешь, — Йормунганд стоял, уперев руки в бока. — Как и я тебя.

— Я Йорд.

— И что?

— Что? — Йорд престал улыбаться. — Я, мать твою, Йорд. Я один из сыновей Альфедра, я убил множество людей и лишился девственности, когда тебя еще на свете не было.

— Как будто это что-то значит, — сказал Йормунганд.

— Я самый сильный из них, к моей помощи прибегают, когда больше некого позвать.

— Да, только когда звать больше некого, вспоминают о тебе.

— Я истребитель великанов.

— Мне-то не говори. В Ирмунсуле нет великанов.

— Вы как разведенные супруги, — подал голос молодой парень, что сидел у реки. — пора заканчивать.

Йормунганд и Йорд посмотрели на него с недоумением. Парень поднял руку и Йормунганд вздрогнул.

Золото, прямо перед ним густо переливаясь, текло золото. Йормунганд поднял голову.

— Значит, это ты? — спросил он зачем-то.

— Что я? — не понял парень. Он выглядел знакомо — темные волосы, карие глаза. Йормунганд протянул руку к сияющему золоту, растекшемуся перед ним, потому что мог и знал, как это делается, но тут мир вспыхнул краснотой и болью.

А потом Йормунганд лежал, скорчившись на земле, и, видимо, потерял сознание на какой-то момент, потому что его не добились. Паром никуда не исчезал. Они просто забрали его и использовали как плот, чтобы перебраться на другой берег. Вот и все.

Галета тоже слушала рассказ неподалеку. Сидела у окна и вязала толстые, из некрашеной шерсти, носки. Носки уже больше походили на гетры, когда Галета отложила вязание.

— Славная байка, — сказала она. — Еще и песню сложат. Стаккард зовут того мальчика, и он куда сильнее тебя, Йормун. Он с Йордом не ладит, так что недолго они вместе, но опасаться тебе следует обоих. Убирайся-ка из моего дома. Не сейчас, на рассвете. Все равно новый глаз я тебе не выращу, а в остальном ты здоров.

Гарриетт и Йормунганд собрались еще до рассвета. Галета, заспанная и осунувшаяся сунула Йормунганду в руки мешок с провизией. Йормунганд потянул носом воздух. Пахло свежим хлебом, сушеной рыбой и мясом. Он и не сомневался, что найдет там и несколько яблок. В последний раз он присел на застеленный домотканым покрывалом сундук, хозяйка присела рядом, сложила морщинистые руки на коленках. Гарриетт стоял, сложив руки на груди, как страж их недолгого прощания. Тогда-то Йормунганд и спросил Галету, ненавидит ли она Дочерей, что сотворили с ней такое. Она пожевала губу, прокашлялась.

— Нет, — сказала она. — Вина тут моя, виновата только я. Не смогла ничего сделать. Решила родить того ребеночка, потому что думала, что смогу, и не смогла. Я не должна была пытаться. Надо было следить за собой внимательнее, а я оказалась слишком самонадеянна.

Я могла бы родить ребенка, ехать в такую же глушь и родить, вместо этого я пряталась разве что не на виду, не хотела расставаться со своим хахалем. Я — плохая мать, Йормун. Да и Дочь из меня никудышная.

Она вздохнула. Йормунганд показала, что она сейчас всплакнет, но Галета лишь протянула ему широкополую шляпу скрыть лицо, и заштопанный синий плащ. Йормунганд нахлобучил шляпу на самые брови.

— Настоящий волшебник, — восхитилась Дочь.

Гарриетт не зря лазил по окрестностям. Он раздобыл Йормунганду новую лошадь, пегую, куда хуже той, что была. Йормунганд легко взобрался на нее, отказавшись от помощи Гарриетта.

— У меня глаза нет, а не ноги, — сказал он.

Он побледнел, черты лица заострились за время поведенное в доме Галеты, но стал и тверже. Боевой молот висел теперь у пояса Гарриетта, как трофей. На заднем дворе Йормунганд пробовал метать его, но в итоге, едва не разрушил сарай для инструментов. Галета выскочила прямо от посетителя, молча отобрала у Йормунганда молот, поставила ему щелбан и удалилась прочь, к страждущему. Гарриетт потом здорово веселился, убирая вместе с Йормунгандом последствия его тренировки.

— Лучше я его возьму, — сказал он. — А то еще в глаз себе заедешь.

Путь обратно занял времени меньше, чем в Уллаильм. На этот раз их было меньше, всего двое вместо целого отряда. Йормунганд грыз травинки и смотрел больше под копыта лошади, чем по сторонам. Отсутствующий глаз зверски чесался, так что Йормунганд молча страдал.

С Гарриеттом он говорил мало, лишь однажды сказал тихо:

— Дочь сказала, что этот парень, Стаккард, куда сильнее меня.

Гарриетт оглянулся на него с беспокойством.

— Хочешь сказать, мы проиграли?

— Нет, но он сильнее меня. Я могу справиться с Йордом... так и произойдет, в будущем.

Гарриетт покосился на Йормунганда. Обычно, когда Йормунганд закусывал губу, то непроизвольно лез во внутренний карман за рунами. Но теперь Йормунганд только смотрел под копыта лошади.

— Раньше я страшился своей судьбы, вернее, ее неотвратимости, теперь же желаю, чтобы она свершилась скорее.

— Тебя в голову сильно приложили, — сказал Гарриетт. Оставалось только надеяться, что Йормунганд не зарежет его во сне. Гарриетт слышал и не такие истории. Тревожнее всего стало, когда Йормунганд резко остановил лошадь и указал в сторону непроходимого леса.

— Что это? — спросил Йормунганд прищурившись. Шляпу он сдвинул на затылок, так что стала видна повязка закрывающая израненное лицо. Зрачок единственного глаза расширился и уставился сквозь деревья.

— Где? — сказал Гарриетт нервно.

— Там! Вроде вода мерцает. Подъедем поближе — надо бы воды набрать.

И Йормунганд свернул в сторону стеной стоящих деревьев. Гарриетт помедлил, выругался и все-таки припустил за ним.

— Стой! Нет там ничего. Надо было сказать Галете, что у тебя видения. Она же оставила тебе лекарства? Может, примешь?

— Что ты несешь?! — Йормунганд обернулся к Гарриетту. — Всего-то набрать воды.

Рядом с деревьями неожиданно оказалась узкая тропинка, как раз для лошадей, а стоило проехать чуть вглубь, то чаща стала не гуще, а наоборот, за зарослями пряталась полянка с озером прозрачным и спокойным как зеркало.

— Видишь? — сказал Йормунганд и спешил.

Берега озера оказались каменистыми, покрытыми крупной калькой. Жухлая трава пробивалась между серых каменных глыб, все так же хрустела галька под ногами. На некоторых камнях явно видны были отпечатки ракушек. Гарриетт заметил кое-что странное. Некоторые камни были оплавлены, как от ударов молний. Много молний подряд. Гарриетт не увидел ни притоков в озеро, ни вытекающего из него ручейка.

— Озеро посреди леса, — сказал Гарриетт. — Уйдем отсюда, Йормун. Его охраняет злобный дух.

— Никто его не охраняет, — сказал Йормунганд. Он уже вытащил флягу и направился к неподвижной глади воды.

— А если это то самое озеро... с драконом?

— И что с того?

Гарриетт спешил и положил руку на рукоять меча.

— Глупые сельчане принимают его за бога, путники — за хранителя, есть те, кто не верят в его существование, даже если споткнутся о драконий хвост, — сказал Йормунганд.

Йормунганд развернулся к встревоженному Гарриетту.

— Я... ты был мне хорошим другом, Гарриетт.

— Ты же не собираешься?... Йормун, в последнее время произошло много всякого, но топиться причин нет. Все будет хорошо.

Глаз Йормунганда расширился на мгновение.

— Топиться? Я и не собирался... — Йормунганд улыбнулся и пошел к берегу озера, ближе к воде. Гарриетт ожидал, что из водной глади вынырнет огромная драконья голова, или сам хозяин озера поднимется из глубин, или сияющая влага поднимется и соберется в тело дракона, прозрачное и сияющее в солнечных лучах.

Гарриетт огляделся. Лошади тревожно перебирали копытами, но солнце светило и грело как всегда, от воды долетал легкий ветерок, пели птички. Зелен лишь начала отступать перед осенней прохладой. Но, как и тогда, перед встречей с демоном, Гарриетт чувствовал, что-то не так.

— Ты умрешь в хороший день, — сказал ему умирающий демон.

Гарриетт поднял голову и вдохнул полной грудью.

— Эй, — крикнул он. — Эй, Урд!

Йормунганд подошел к озеру, заглянул в его прозрачные воды и увидел огромную шипастую голову с гребнем посередине. Белая чешуйчатая кожа, золотые глаза. Йормунганд знал, что увидит, но все равно инстинктивно отпрянул.

— Айе, Урд! — сказал Йормунганд одними губами.

— Не слишком ты любезен, — огромная шипастая голова, не мигая, смотрела на него. Она не шевелила пастью, но Йормунганд слышал густой голос, как если бы ему шептали на ухо. Дракон и не собирался подниматься над гладью. Серебристое тело терялось в водной глубине.

— Приветствую тебя, Йормунганд, — сказал Урд, — сын Лодура, сын Ангаборды, поверенный смерти, отец чудовищ, Великий Змей. Убийца богов, и то, что только пожелаешь, мальчик.

— И я приветствую тебя, Хранитель времен, — сказал Йормунганд, становясь перед озером на колени. — Ты ведь знаешь, зачем? — с головы Йормунганда порывом ветра сорвало шляпу, белая полоса перевязки затрепетала на ветру, круглый амулет на длинном шнурке свешивался из-за ворота куртки.

— Из нас троих ты пришел именно ко мне. Ты принес кровавую жертву четыре года назад, на пиру Альфедра. И ее приняли.

Йормунганд улыбнулся.

— Я не ожидал другого, — сказал он.

— Ты думаешь, что этого достаточно что пора уже и что-то получить. Но ты ошибаешься.

Улыбка слетела у Йормунганда с лица.

Йормунганд молчал, повязка на голове ослабла и теперь спиралью свисала до шеи, ветерок дул в обезображенное шрамом лицо. Единственный глаз горел золотом.

— Моя жизнь? — спросил Йормунганд. — Но я еще не...

Смешок дракона был похож на бульканье. Йормунганд отстраненно заметил, как мимо драконьей ноздри проплыла серебристая рыбка.

— Не полностью. Лишь маленький кусочек. Болезненный, который будет мучить тебя всю оставшуюся жизнь, отравит и, наконец, изменит.

— Йормун, — подал голос Гарриетт, — ты там уснул, что ли?

— Прямо сейчас ты должен выбрать, — сказал дракон Урд, — кого ты любишь больше: мать, сестру, брата. Ты давно не видел их, не знаешь что с ними и как они. Твое сердце забыло о них, может быть, и не будет так больно.

— Я, — Йормунганд задохнулся.

— Я могу забрать душу твоего отца, или той женщины, что стала для тебя чужой, — продолжал дракон.

Йормунганд видел их, будто забытые призраки слетелись на утробный голос дракона. Он с удивлением смотрел на седого уже зеленоглазого мужчину с хитрым и одновременно грустным выражением лица. На властную Фрею с ногтями кроваво-красными и печальными морщинками у глаз. Он едва узнал в молодом человеке своего брата, сильного, с широкой открытой улыбкой. Сестра одета в меха, три пса сидят у ее ног, а взгляд ее холоден и надменен. И мама. Сердце Йормунганда сжало ледяной рукой, мама в сером шерстяном покрывале надвинутом на лоб, руки и без того худые, превратились в птичьи лапки, на губах полуулыбка. Истончившуюся шею украшало золото, а голубоватое платье придавало ее светлой коже мертвенную бледность.

Йормунганд протянул руку, и видение растаяло.

— Сделать выбор непросто, — сказал дракон, — Но ты можешь выбирать. Может быть, твои родители? Он уже прожили свое. Мать и без того скоро умрет, а без отца мир станет только лучше. Ты не впервые жертвуешь ими. Помнишь, как ты использовал брата как наживку? Фенрир мог умереть тогда. Ты разбил сестре сердце. Твоя мать состарилась раньше времени, без опоры, без ненаглядного первенца. Ты уже пожертвовал Бьярне, цвергом, что принял тебя в лютый час, пожертвуй им еще раз.

Все возвращается, малыш Йормун, и ты тоже укусишь себя за хвост.

— Гарриетт, — сказал Йормунганд, — Я пришел сюда с Гарриеттом. Его жертвы должно быть достаточно. Ты прав, когда говорил, что я разорвал старые связи с семьей. Гарриетт — моя новая семья и я...

— Как скажешь, — безмятежно сказал дракон.

— Моя семья, могу посмотреть еще раз?

— Нет.

— Какую жертву должен принести в следующий раз? Своего первенца?

Дракон утробно засмеялся, по озеру пошла рябь.

— Прохожий, друг, враг. Всего трое, а дальше — ты потеряешь им счет.

Через несколько минут Йормунганд одиночестве побрел мимо пощипывающих траву лошадей. Через несколько шагов он очнулся. Вернулся, поднял оброненный боевой молот Йорда, взобрался на свою клячу и поехал прочь не оглядываясь.

Знамена развевались на ветру. За время перехода они потеряли нарядный вид и выглядели выцветшими и грязными, как и полагалась боевым знаменам. Перед боем из обозов достанут другие ярко раскрашенные полотнища и водрузят на пики.

Стаккард, юноша шестнадцати лет, раньше не участвовал в сражениях, теперь же, после совершеннолетия, его отправили вместе с Йордом покорять земли принадлежавшие некогда Альфедру. Иногда, просыпаясь на вонючем спальнике, почесываясь от блошиных укусов, Стаккард задавал себе вопрос: зачем он здесь? Фригга велела не спускать глаз с Йорда и по возможности втереться в доверие. Йорд же не переносил одного его присутствия. Умасливать его, преподносить на блюде свое сердце и клясться в вечной дружбе Стаккард считал бесполезным.

В то утро Стаккард вышел из шатра чуть позднее обычного. Завтрак ему и так подадут, он же не простой солдат. А с Йордом встречаться не хотелось. С тех пор, как он помог ему одолеть Йормунганда на переправе, Йорд не просто обозлился, а обозлился по черному. В спешке напавший отряд не подобрал любимый его молот, Йормунганд, как говорили, жив, пусть и не здоров. Проку от союза с Ингви оказалось мало.

Дочери расположили свой шатер как всегда на западе. Рядом с их шатрами ошивались праздные вояки, поглазеть на девушек. Еще вчера специально для Дочерей отловили черного барана. Такого жирного и тупого животного Стаккард в жизни не видел. Черный, с близко посаженными глазками-бусинками, он меланхолично мекал и жевал сено, припасенное для лошадей.

В лагере царило то возбуждение, что всегда предшествует ожиданию смерти. Воины опохмелялись со вчерашней попойки и спешно разбирали оружие. Возле обозов стояли очереди. Стаккард бродил среди всеобщей занятости как призрак среди живых.

— Айе! — крикнул ему Маркус, единственный его друг во всем этом вшивом лагере, да и во всем мире, наверное. Маркус всего на полголовы уступал невысокому Стаккарду, медвяные кудри торчали во все стороны, создавая вокруг головы ореол как у одуванчика. Улыбка Маркуса всегда широкая и белозубая. Даже Дочери заглядывались на паренька, когда он бодро гарцевал мимо их шатров на гнедой лошадке. Маркус сын кормилицы Стаккарда и все детство они провели вместе. Порой Стаккард думал, подружились бы они, если бы не общее детство?

Маркус как всегда безмятежно улыбался, поигрывал пряжкой на ремне и шурился на солнце.

— Хорошие вести, — сказал он, — Поймали лазутчика прямо возле лагеря. Подкрался с северной стороны и наварлся на часовых.

— С северной стороны? — переспросил Стаккард, — Он что, обошел наш лагерь и попытался проникнуть со стороны обозов?

— Ага, — сказал Маркус. — Дурачье, верно? Там больше всего охраны.

— Гм. Йорд уже допросил?

— Я его не нашел, — сказал Маркус, — Так что пришел к тебе, может тебе интересно?

— Интересно, — согласился Стаккард. — Тем более Дочери говорили, что им нужен кто-нибудь получше барана. Посмотрим, может этот сгодится.

— На вид он еще не старый, может и сгодится.

— Он назвал себя?

— Да, сразу же. Йормунганд из Ирмунсуля, — Маркус хохотнул. — Из Ирмунсуля, представляешь? Он и в самом деле похож на тамошних жителей, но ирмунсулец здесь? Проще увидеть рыбу, ползущую по суше.

Стаккард жевал уголок нижней губы.

— С севера, говоришь? Рыжий, бледный, высокий, в синем плаще?

— Да, в синем плаще и широкополой шляпе. Одноглазый к тому же, жуткий такой шрам на пол-лица. Ты его знаешь?

— Ну, когда мы виделись в последний раз, он как раз этот шрам и заработал, — Стаккард ускорил шаги. — Молот Йорда при нем?

— Что?! Нет. А должен быть? — Маркус даже с шага сбился.

Стаккард выругался.

— Вообще парень странный, сидит тихо и ухмыляется все время. Будто это он нас, а не мы его взяли в плен. Кто это, Стаккард?

— Йормунганд из Ирмунсуля.

Рядом с обозами, как было принято, между двух костров сидел уже без плаща и шляпы Йормунганд. Он поджал к себе связанные ноги и неловко облокотился на колено. На лице помимо шрама красовались новые ссадины и разбитая губа. Ворот плаща разорван, змейку с изумрудным глазком опять сорвали.

Не было причин думать, что Йормунганд проживет долго. Йормунганд смотрел в огонь. Если он вернется к Эдегору, будут ли шарахаться от него, думал он, если узнают, что он послужил гибели Гарриетта. Хотя он не мог спасти отряд, но Гарриетта, он закрыл глаз, под веком разлились оранжевые пятна, Гарриетта спасти мог.

Меня все равно убьют, думал Йормунганд, просто удивительно, как Дочери уже не погадали по его внутренностям и не напророчили победу своему жалкому походу. Мимо ходили люди, потом он увидел колесо повозки, знакомое колесо. Бедный Ругер, его он тоже подвел. Йормунганд шевельнулся. Как распутывать узы он узнал еще в прошлый раз, когда сидел между кострами. На этот не понадобилось видений, сестры упустили отличный момент поболтать с ним, подумал Йормунганд.

Запаястья затекли, да и на ноги он вряд ли сможет легко подняться. Рядом стоял всего один солдат, и молчал, погруженный в свои мысли. Время близилось к обеду, по лагерю разносились запахи свежесваренной похлебки.

— Айе! — сказал Йормунганд, поднимая голову, разбитые губы расползлись в зловещей ухмылке.

— Айе, — сказал Стаккард и остановился. Маркус деловито обошел Йормунганда сзади и ткнул его кончиком ножа в шею, как пережарившегося цыпленка. Солдат охранявший пленника неловко попятился.

— Я ожидал увидеть Йорда тоже, — сказал Йормунганд. — У меня для него гостинец.

— Куда ты дел молот? — спросил Стаккард.

— Какой молот? — вполне искренне изумился Йормунганд, зеленый глаз расширился в наивном удивлении.

— Тот, что разнес тебе твою долбанную черепушку, — сказал Стаккард.

— А этот молот. Я потерял сознание, знаешь ли, поэтому ничего не помню о молоте.

— Лжешь.

При этих словах Маркус нажал кончиком ножа на шею Йормунганда посильнее. Капелька крови прочертила тонкую линию к вороту. Йормунганд бросил на Маркуса косой взгляд и вновь обратился к Стаккарду.

— Пытками ты, конечно, можешь многое у меня выведать. Я даже совет дам: убей сразу. А потом допроси труп — пользы будет ровно столько же. Ты же умеешь спрашивать у мертвых?

— Ты был не один, верно? — сказал Стаккард, — Вижу, что угадал. Где твой сообщник теперь?

— Не знаю. Вероятно, на том свете. Если тебе и вправду интересно, то молот был у него.

Стаккард наклонился к Йормунганду:

— Сейчас, уже скоро, сюда придет Йорд, и Дочери, а они и в самом деле могут выесть у тебя многое. Скажи мне, зачем ты пришел, где молот и куда делся твой спутник, и, возможно, окончание твоей никчемной жизни окажется не таким болезненным, как может быть.

— Меня уже садили меж костров, — прошептал Йормунганд в ответ, — И говорили те же слова, что и ты. Про окончание никчемной жизни, боль и смерть. Только человек, угрожавший мне, умер. Быстро и прилюдно.

— Хмм, — Стаккард отступил, обошел Йормунганда и стоящего на одном колене рядом с согнувшимся пленником Маркусом — А неплохая идея с допросом трупа.

— Ага, свидетелей побольше позови, — сказал Йормунганд с усмешкой. — Отличное развлечение для воинов.

Маркус поморщился.

— Не будешь же ты в самом деле..., - обратился он к Стаккарду.

— Не буду.

— Позвать Йорда? — Маркус уже жалел, что не сделал этого с самого начала

— Нет!

Маркус еще чуть сильнее нажал на нож.

— Слушай, — прошептал он едва слышно, — не знаю, что ты задумал, но я и в самом деле могу тебя убить. Стаккард разозлится, но мне все равно. Просто расскажи то, что он хочет знать. Я тебя могу по кусочкам разрезать или медленно шею перепиливать, ты знаешь?

— Ого, — Йормунганд попытался отстраниться от Маркуса. — Тут такой опасный парень.

Солдат, все еще стоящий на страже, бросил беспокойный взгляд. Йормунганд догадался, что он ищет предлога уйти и позвать командира. Вражеский лагерь не произвел на колдуна впечатления. Людей мало, всадников среди них недостаточно. Из прославленных воинов только Йорд, и тот, похоже, желал бы оказаться где угодно, только не в этом походе. Стаккард разделял его мнение. Только еще хотел оказаться и подальше от Йорда. Кто организовал эту авантюру? Чего они хотят добиться, просто пограбить окрестности?

— Начнем сначала, — Стаккард остановился перед Йормунгандом. У обоих выступила испарина. Йормунганд облизнул верхнюю губу. Стаккарду тоже было не по себе, он любил пламя, но костры давили и на него, начинало ломить в висках.

— Где молот?

— Не знаю.
— Где твой спутник?
— Мертв.
— Зачем ты здесь?
— Остановить тебя.
— Вот как?

— Он уже сказал, где молот? — голос застал Стаккарда врасплох.

— Айе! — крикнул Йормунганд, — Как поживаешь, милый друг?

Йорд лишь бросил на него уничижительный взгляд.

— Он сказал? — спросил он Стаккард.

— Нет, — неохотно ответил Стаккард., - Молчит. Я понял, что он был не один. Он дал понять, что его спутник подобрал молот, а потом погиб.

Йорд длинно и замысловато выругался.

— Где погиб твой спутник? — спросил он Йормунганда.

— В пасти дракона, наверное, — ответил тот. — Я не смотрел.

Йорд пнул его под колено. Йормунганд клацнул зубами и сжался в комок.

— Где?

— Я сказал!

— Отлично, тогда пора кончать его!

— Но мы даже не знаем, зачем он пришел, — принялся было протестовать Стаккард.

— Да мне все равно, зачем явился этот щенок, — Йорд снова от души пнул Йормунганда. — Он него одна вонь.

— Жертвоприношение в честь Альфедра? — предложил Стаккард.

Йорд посмотрел на него как на идиота.

— Мой отец не бог, — сказал он, — и не нуждается в жертвах.

— Немного крови раззадорит войско перед битвой, — заметил Стаккард.

— А, ну тогда конечно, — Йорд махнул рукой. — Делай что хочешь, лишь бы падаля стала падалью.

— Хельга очень счастлива, — сказал Йормунганд глядя на тора с земли. — Очень, никогда она не была такой счастливой. Ты же хотел о ней спросить, но постеснялся, верно?

Йорд пнул его еще раз, на этот раз по предплечью, так что Йормунганд замолчал, скривившись от боли.

— Если хочешь что-то делать, — бросил Йорд Стаккарду. — делай быстрее. Пока до него не добрались Дочери. Эти могут и замучить и, — он сплюнул, — отпустить. Я не знаю о планах Ванадис на счет него. И мне плевать.

Маркус стрелой пролетел по лагерю. Воины собрались быстро. Йормунганд сидел прислонившись спиной к ясеню, к которому его притащили как куль с мукой. Маркус как будто радовался больше всех. Йорд тоже присутствовал, сложил руки на груди и встал впереди всех остальных. Стаккард отправил слугу за своим копьём — древко темного дерева, стальной наконечник, Йормунганд усмехнулся, поняв, что наконечник работы Бьярне, и украшен развивающимися лентами цветов Альфедра.

Стаккард повысил голос, обращаясь к воинам:

— Раньше был отличный обычай, позволяющий воинам побеждать. Я хочу возродить его! — он сделал паузу. — Жертвоприношение во имя Альфедра!!

Воины взревели.

— Первая кровь, — подумал Йормунганд. Он содрогнулся, представив себе различные виды жертвоприношений, самые изощренные способы мучительной смерти. В сторонке от собравшихся стояли две Дочери, надвинув покрывала на лица. Они внимательно следили за происходящим и не вмешивались.

— Не бойся, — сказал Стаккард. — Я проявлю милосердие. Тебя убьют быстро, хоть и не так быстро, как ты хотел бы.

Маркус накинул веревку Йормунганду на ноги и завязал крепкий узел. Вторым концом веревки перекинули через сук,

— Эй, ну помогите же! — крикнул Маркус и к нему присоединился широкоплечий дюжий парень в оцарапанном шлеме. Вдвоем они подняли Йормунганда над землей.

У Йормунганда зашумело в ушах, когда он увидел, как Стаккард замахивается копьем. Стаккард сделал пару шагов и с силой бросил копье. Разноцветные ленты описали дугу. В последний момент глаз Йормунганда окрасился золотом.

— Брат!

Тело тяжело бухнуло о землю. Молчание воцарилось вокруг.

Парень в оцарапанном шлеме выпустил незакрепленную веревку из рук. Тело светловолосого Маркуса бухнулось оземь. Тонкие руки раскинулись в стороны, изо рта текла струйка крови, а открытые гала невидяще уставились в небо.

— Жертва принесена, — сказал Йорд.

— Бестолочи, — прошептал Йормунганд. Йорд и Стаккард в немом ужасе таращились на пронзенное копьем тело Маркуса. По идее, Йормунганд должен был оказаться с другой стороны веревки, там, куда уставился сейчас Стаккард. Йормунганд все же помедлил секунду, чтобы насладиться его замешательством. Вот так-то, Альфедров сыночек, так-то.

Йормунганд скользнул в тень и в сторону, пока все находились в замешательстве. Тихонько сопя, Йормунганд неосознанно пригибаясь и сутулясь, пошел прочь из лагеря. Сторожевые собаки лишь морды подняли с лап и проводили его равнодушными взглядами.

В редком подлеске Йормунганд нашел ручей и долго пил. Он уткнулся в воду ничком и опустил в прозрачную воду ладонь, набираясь сил. Напоследок Йормунганд ополоснул лицо и стряхнул грязь с одежды.

Ждать пришлось недолго. Вскоре со стороны лагеря раздался шум. Не в силах побороть любопытство, Йормунганд взобрался на высокое дерево, откуда был виден лагерь и любовался на разгорающееся пламя и короткие кровавые схватки, которых все равно не рассмотреть. Мимо проскакало несколько всадников с Йордом во главе. На этот раз не споют про него героических песен, подумал Йормунганд. Стаккарда среди всадников не было.

На нос Йормунганда упала капля. Совсем еще недавно ясное небо затянуло серое покрывало облаков и прямо над Йормунгандом покрывало темнело и плакало крупными каплями.

— Мне удивительно везет. — пробормотал Йормунганд. И через мгновение хлынул дождь.

Самой большой неожиданностью оказалось наткнуться на лагерь под знаменами Эдегора. Йормунганд, как и в прошлый раз, сдался часовому, в надежде, что его здесь кто-нибудь узнает. По счастью, возглавлял военный отряд Валонхейм.

Ключник Эдегора пришел сам, бряцая стальными доспехами работы Бьярне и теребя вычурную рукоять меча, но больше от нервов, чем с угрозой. Усики Валонхейма отросли и стали гуще, но лицо все равно хранило детскую округлость неподходящую взрослому мужчине.

— Выглядишь ужасно, — сказал Валонхейм оглядывая Йормунганда. Тот и в самом деле выглядел жалко в разорванном плаще, черные пряди волос свисали мокрыми сосульками. — Я даже не поверил, что это ты.

— Ты тоже не богиней поцелован, — ответил Йормунганд. Валонхейм не выглядел

враждебно, и появление Йормунганда его удивило, но не насторожило, не испугало, и колдуна он видеть был неожиданно рад.

Валонхейм задержался взглядом на его лице.

— Эй, — позвал Йормунганд, Валонхейм вздрогнул.

— Лекаря? — спросил он.

— Повара, — сказал Йормунганд. — Есть хочу — умираю. Мы попали в засаду и...

Валонхейм кивнул и лишь спросил, хотя и так знал ответ.

— Гарриетт?

— Нет, как и всего отряда.

— Жаль, храбрый был мужик.

— Да.

Больше Йормунганда ни о чем не спрашивали.

Обедать пришлось в компании бастарда конунга. Йормунганда привели в главный шатер, просторный, украшенный снаружи вышивкой ручной работы. Йормунганд просто не мог поверить, что кому-то пришло в голову заказывать вещь, над которой пришлось трудиться не один год, стоила уйму денег, и отдать ее бастарду, в мелкий, мало что значащий поход. То, что Эдегор не считал угрозу явной, было ясно из размеров отряда, уступающего и в численности и вооружении отряду Йорда и Стаккарда. Хотя вряд ли стоит воспринимать Стаккарда как военачальника.

Стоп! Йормунганду захотелось выругаться, едва он увидел Валонхейма в его обычном длиннополом халате. Ведь Валонхейм не просто бастард князя, он еще его и ключник, заведует всем хозяйством. Неудивительно, что он мог выбрать лучшее. Наверняка мачеха отослала его в поход, в надежде захватить власть над хозяйством. Как малыши в песочнице, подумал Йормунганд, низко кланяясь, чтобы скрыть ухмылку.

Обед подали на широких серебряных блюдах, какие подавали Эдегору по праздникам. Валонхейм наслаждался походом, либо постарался любым способом скрасить его для себя. Властным движением руки Валонхейм отослал слуг.

— Садись, — сказал он Йормунганду. — Уверен, у тебя есть пара занимательных историй для меня.

Йормунганд не стал спорить. Он все еще надеялся вернуться к Эдегору как можно

скорее.

Полчаса спустя колдун все так же сидел перед Валонхеймом и едва смог притронуться к пище.

Валонхейм макал хлеб в молоко и буравил Йормунганда взглядом.

— Я не виноват, что так вышло, — в десятый раз повторил Йормунганд. Несмотря на голод, кусок не лез в горло. — Я не мог их спасти. Я же, выдру за ногу, не всемогущ!

— Судьба отряда на твоей совести, — сказал Валонхейм. — Потеря Гарриетта никого не обрадует. Особенно отца.

— Я знаю это, и скорблю о нем. О Гарриетте, он же, — Йормунганд сглотнул, — был моим другом.

— Что Ингви? — сменил тему Валонхейм, поняв, что большего от Йормунганда уже не добиться.

— Хранит нейтралитет.

— Действительно? Его отец давний союзник и наследник Альфедра.

Йормунганд вздохнул.

— По личным причинам.

Валонхейм молчал, ожидая продолжения.

— Он все-таки мой сводный брат, — сказал Йормунганд. — Моя мать вышла за его отца, и они все еще вместе.

Он не стал добавлять о трудностях, которые переживал их брак. Его мать... Стоило увидеть ее образ в драконьем образе и тоска снова сжала сердце. Он так надеялся на ее счастье, что уж она-то живет полной жизнью, как и сестра, и Фенрир. Мелькнула даже мысль бросить все и вернуться в холодные северные земли, вновь ступить на мощные дороги Ирмунсуля.

— Йормунганд!

— Что? Да-да, я слушаю.

Валонхейм смерил его взглядом.

— Что будешь делать? — спросил он чуть мягче.

— Что обычно делают волшебники? — Йормунганд улыбнулся. — Лечить, утешать, пророчить победу.

— А мы победим? — спросил Валонхейм.

Йормунганд сунул руку в потайной карман. Несмотря на все злоключения, руны так и остались при нем. Валонхейм привстал в ожидании.

— Пустая? — спросил он.

— Имей мужество принять все, что уготовано судьбой, сказал Йормунганд, глядя на костяшку.

— Руны, — проворчал Валонхейм. — Может, все-таки, барашка заколоть?

— Разве на жаркое.

— Мы редко разговаривали с тобой раньше. Прости, если я чем-то досаждал тебе. Я забываю, что по происхождению мы равны, пусть при дворе Эдегора...

— Мы не равны, — сказал Йормунганд, все еще вертя в пальцах пустую костяшку. — Я сын Ангаборды и Лодура, соединившихся законным браком, наследник Ирмунсуля... в изгнании. Не ровняй нас, бастард.

— Я бы мог убить тебя за такое слова, Йормун, — произнес Валонхейм ровным голосом.

— Я бы не хотел, чтобы между нами было недопонимание, — сказал Йормунганд. Он наконец убрал костяшку в карман.

— Еще часа не прошло, как ты мялся и страдал передо мной, — сказал Валонхейм. — Что произошло?

Йормунганд закусил губу.

— Я вроде как будущее увидел, — сказал он.

— Вроде как? — прищурился Валонхейм.

— Ага.

— И что же ты разглядел там, что тебя воодушевило?

— Валонхейм, я принесу победу твоему маленькому походу и вернусь ко двору Эдегора.

И ты станешь моим поручителем вместо Гарриетта, если не хочешь потерять больше, чем уже потерял. Вот что я увидел в будущем... А еще мне не нравится, когда меня принимают за бастарда. Я не бастард. Даже если ты считаешь иначе.

— Я наступил на твою мозоль, — улыбнулся Валонхейм. — Надо же, а я думал, что у тебя нет больных мест.

Высокий худой мужчина вышел навстречу едва занимающемуся утру. Дождь накануне залил дороги, превратив их в непроходимое месиво. Посреди лагеря красовалась лужа, в глади ее отражалось голубеющее небо. Мужчина поежился под шерстным синем плащом. Отросшие темно-рыжие волосы падали на уродливый шрам на левой стороне лица, прикрывая пустую глазницу.

Йормунганд посмотрел в небо. Ясно. Уже к полудню дороги высохнут. Валонхейм с основными силами отступили, оставив Йормунганда с небольшим отрядом. Йорд сметет их не заметив. Оставшиеся воины смотрели на Йормунганда со смесью страха и надежды. В основном старики, но и несколько молодых лиц. Одно показалось даже знакомым.

— Вы не помните меня, господин? — будто в ответ на мысли Йормунганда, спросил его совсем юный, все лицо в конопушках, юноша. Глаза блестели из-под великоватого шлема, а зубы все еще белые ровные и в полном комплекте. Не то что у старых солдат, что теряли их от дурной еды и многочисленных драк. — Я Магнар.

— Не помню, — честно сказал Йормунганд.

— Ну как же, господин Гримнир, — мальчишка, похоже. озадачился. — Вы останавливались у нас ненадолго, тогда, когда отец князя Ангмара еще преставился, говорят, с вашей помощью.

— А, — Йормунганд все же не вспомнил его, но на всякий случай сделал вид, что что-то припоминает.

— Мы вот с матерью перебрались, да с братиком. В том городе жизни совсем не стало. да и вдруг вспомнят про приговор и казнят, всякое бывает, — Магнар разразился целым потоком сведений про людей, которых Йормунганд не знал, либо не помнил. мальчишка улыбался, будто встретил давнего друга. Йормунганд же терпеливо кивал и рассеяно оглядывался по сторонам, будто первый раз видел и деревья, и глубокие лужи, голубеющие от отражающегося в них неба, и само небо, что обещало долгий жаркий день.

Магнар продолжал говорить, даже когда Йормунганд начал неспешный обход лагеря. Колдун подобрал длинную палку, вроде посоха и волочил ее за собой.

— Вам только бороды подлиннее не хватает, — заметил Магнар, — и были бы вылитый волшебник с картинки.

Йормунганд снисходительно улыбнулся. Кончиком посоха он водил по влажной земле, рунические заклинания тут же наполнялись водой. Для Йормунганда они выглядели как тончайшая золотая вышивка на буром песке.

— Трапезничать время, — робко напомнил притихший Магнар. — А что вы делаете, господин?

— Накладываю заклинания на лагерь, чтобы враг лишился присутствия духа, чтобы ему пришлось задержаться здесь, пока не подойдут основные силы и не сокрушат их, испуганных и плачущих от страха.

— Страх? — Магнар оживился. — Вы наведете на войско неприятеля морок?

Йормунганд надменно глянул на него.

— Мне нет нужды наводить морок, — сказал он. — Иди поешь. И постарайся остаться в здравом уме после всего. — добавил он чуть мягче.

Как Йормунганд и предполагал, Йорд явился в авангарде, с флагом реющей белобрысой бородой, словно цверг-переросток. На подступах их встретили лучники, залпом обстреляли с двух сторон. Вокруг лагеря уже опрокинули повозки, за ними прятались от ответных стрел немногочисленные вояки.

Дело обещало оказаться несложным. Разведка утверждала, что в передовом отряде всего человек тридцать. С десятков лучников и человек двадцать мечников да копейщиков. Кавалерии нет, помощи ждать неоткуда. Слишком похоже на ловушку и Йорд собирался броситься в нее очертя голову.

— Если ты боишься, — сказал Йорд Стаккарду, — то не ходи. Маменькин сынок.

— Будто ты — папенькин сынок, — ответил Стаккард. Он облокотился о походное кресло Йорда. Этот бастард таскал с собой настоящее кресло обтянутое телячьей кожей. — Я всего лишь говорю тебе, что впереди ловушка. Жаль, Тиу не поехал с нами, его бы ты послушал.

— После того, как Волчонок оттяпал ему руку, малец совсем расклеился, — сказал Йорд с сожалением. — Ты его видел? Он все больше похож на Ингви. Стрижется так же и этот его лиловый плащ... Того гляди, люди усомнятся в отцовстве Альфедра. И если не стыдится увечья, зачем прячет под плащом?

— Его спроси.

— Спрашивал. Да, жаль, что не поехал, его совет бы пригодился. Привезу ему золота на новую руку. Пусть цверги выкуют.

— Он откажется, — сказал Стаккард. — В любом случае, Тиу здесь нет.

— Все еще переживает из-за Волчонка. — Йорд, похоже, был не против поговорить о сводном брате. А может, хотел таким образом отвлечь Стаккарда от горечи по Магнусу. — Ты заметил, они же с Йормуном братья, но Волчонок вырос совсем не похожим на него.

— Надеюсь, еще будет возможность сравнить, — сухо ответил Стаккард. Если Йорд и хотел развеять его разговорами о родне — не помогало.

— И чуть мне говорит, что Йормун все еще там, в маленьком лагере, это он готовит нам ловушку. — сказал Йорд.

Стаккард пожал плечами.

— Больше некому. Не могу представить, что он приготовил, и это беспокоит меня. Я и предположить не мог, что он может такое...

— Жертва Магнуса не будет напрасной, — сказал Йорд.

— Нам нельзя туда лезть, — сказал Стаккард. — Нельзя.

— Мы должны. — возразил Йорд.

Йормунганд не предполагал, что битва выйдет настолько тяжелой. Он не в первый раз попал на поле боя. С точки зрения же настоящих сражений, поляна на подобное звание и вовсе не могла претендовать. Что могли противопоставить небольшая кучка вояк хорошо вооруженной армии? Утешало только то, что по всем законам битвы и вовсе не должно было быть. Йормунганд думал, что Йорд ограничится небольшим отрядом, который просто сметет их и все.

То есть, он мог бы так думать, если бы никогда не встречал Йорда. Величайший из воинов человечества Йорд не мог не пойти против Йормунганда сам. И, поскольку он боялся. То он взял с собой чуть ли не все людей, что у него были. Это было понятно по тому шуму, с которым их окружали. Стрелы летели в опрокинутые повозки. Минус два. Отметил Йормунганд. Надо действовать быстро, но не раньше, чем кольцо вокруг них сомкнется.

В плену его заклинание сработало не так, как надо, жертвой должен был стать вовсе не рыжий. Но теперь времени подготовиться было куда больше и не нужно было прятаться. Йормунганд вышел на середину лагеря, несколько стрел свистнули совсем рядом.

— Господин! — раздался испуганный возглас того молодого парнишки. На короткое мгновение Йормунганд ощутил укол сожаления. «Йормун», произнес его собственный внутренний голос, так похожий на голос его отца, «ради Богини, они все равно умрут»

Когда-то давно, еще мальчиком, Йормунганд выходил вместе с дядей воевать против

мелких соседей ради их земли и того, что на ней росло. Он даже строил планы на военных советах. И он знал, что люди умирают. Он шел по полю после Дочерей, собирающих свою долю.

Теперь он оказался в гуще сражения, когда летящий болт попадает в глаз твоего соратника. Случайный выстрел или нет, Йормунганду было все равно, он обеими руками ухватился за копье, поднял над головой и крикнул:

— Посвящаю вас... мне!

Грудь охватил жар, Йормунганд зажмурился и выкрикнул заклинание. Он хотел пропеть его, но звуки вокруг внезапно оборвались. Йормунганд открыл глаза, мир сверкал золотом.

Тонкие золотые нити тянулись прямо из земли, опутывая замерших воинов.

— И что ты сделал?

Женский голос. Йормунганд не поверил своим ушам, женский голос.

Посреди золотого безумия стояла девушка, почти девочка. Темные волосы, карие глаза.

— Кто ты такая? — спросил Йормунганд. Девушка улыбнулась в ответ. Йормунганд вспомнил ее белозубую улыбку. Запах яблок.

Шум сражения обрушился на него.

— Все хуже и хуже, — побормотал Йормунганд. Вокруг него нарастал крик. Молодой воин зажал уши руками и катался по земле, будто был объят пламенем. Магнуса уже не было рядом, и Йормунганд искренне понадеялся, что тот уже мертв.

Воин приподнялся, тяжело перенес вес на руки. С его лицом творилось неладное. Оно покрылось буграми, похожими на огромные прыщи, грозящие вот-вот лопнуть и залить лицо белесоватым гноем. Йормунганда больше не защищала золотая вуаль, но он все равно не двигался, зачарованный зрелищем.

Воин сел на колени и раздирал ногтями взбугрившееся лицо, из-под его пальцев струилась светлая жижа отдаленно похожая на кровь.

Губы Йормунганда шевельнулись:

— Ну?

Молодой воин был не один в своих страданиях. Рядом нарастал вопль, со всех сторон. Удивительно, сколько звуков могут издавать всего тридцать человек, хотя, прикинул Йормунганд, прямо сейчас их чуточку поменьше. Не время беспокоиться о мелочах.

Йормунганд сосредоточился, вызывая в памяти самое грозное существо, что он видел. Пахнуло тревогой, как будто кто-то большой оказался рядом, кто-то вроде Гренделя. Йормунганд даже оглянулся, в ожидании увидеть светящиеся желтые глаза. Потом он подумал о драконе таившемся в глубине вод.

Йормунганд потер переносицу. В него больше не стреляли, он понял это через минуту. Движимый любопытством, он сдвинулся, наконец, с места, добежал до перевернутой повозки и осторожно выглянул из-за нее. Позади него, ревело и раскачивалось, распространялось тяжким запахом железа, многоголовое чудовище.

Йорд осадил лошадь, что-то не так, подумал он, совсем не так. Желание победить любой ценой вдруг показалось ему несущественным, куда менее значимым, чем порыв немедленно обратиться отсюда. Скакать или бежать сломя голову сквозь заросли подальше от злополучной поляны.

Такое случалось и раньше. Йорд припомнил как вышел против собственного отца, еще в те годы, когда был молод и упрям. Йорд и сейчас упрям, но тогда, тогда было проще повернуть реку вспять, чем убедить Йорда, что его отец заслуживает уважения, а не смерти. «Ха», вспомнил он собственные слова, «Может, мне еще и почтительность проявить?!»

Альфедр заставил-таки проявить бастарда почтительность, но все-таки Альфедр его отец и кроме него Йорд никого не боялся. Даже Лодура, отца этого щенка, что призвал странную гадину бушующую на поляне. Чудовище вытягивало маслянистые шеи и ревело низким тяжелым ревом. До откуда оно взялось?!

— Лучники! — крикнул Йорд. Несколько стрел попали в одну из голов, заставив ее пригнуться к земле. Морды чудовища напоминали песьи, с приплюснутыми носами и жестяными перьями вокруг головы. Пораженная голова отряхнулась, ломая древки стрел, и взвыла еще громче.

Йорд гордился своими ребятами. Даже теперь они не дрогнули.

— Сомкнуть ряды, — крикнул Йорд, — Продолжайте стрелять! Запалите стрелы!

— Ну же, — пробормотал Йорд, — У него должны быть уязвимые места. Глаза? Брюхо?

Он вынул меч, воздел его над головой, проследив за тем, чтобы солнечный блик сверкнул на лезвии.

— Вперед! — заорал Йорд, — За мной!

И бросился вперед. Он не заметил, как за ним выбежала босая Дочь, она придерживала покрывало на плечах и с немым ужасом смотрела на тварь.

— Как же он мог? — крикнула она, — Как же ему духу хватило?

И закричала пронзительным голосом:

— Ухоооооодим!

Под Йордом споткнулась лошадь, он едва не выронил меч и схватился за поводья. Воины же как будто ждали ее сигнала, многоголовая тварь тяжело переваливаясь двигалась к ним, нелепо размахивая в воздухе песьими головами. Следы ее дымились, и от самой ее как будто исходил пар.

— Что ты делаешь, дура! — рывкнул Йорд, но остановить людей уже не мог. Он соскочил с коня, поднял меч, и развернулся к наступающему чудовищу. Рядом с ним осталось лишь несколько человек. Йорд постарался запомнить их, хорошие ребята. И тут тварь плюнула. Густая вонючая жижа пролетела мимо Йорда обдав зловонием. Он оглянулся. Дочь стояла на коленях, тонкое покрывало сорвало с плеч, и оно летело прозрачным призраком. Дочь попыталась стереть с лица зловонную жижу и упала навзничь.

Рука Йорда дернулась к поясу, но молота не было. Те воины, которые сохранили присутствие духа, уже подняли щиты, отгораживаясь от ядовитых плевков. Тварь продолжала продвигаться, оттолкнула повозку, вытянула длинные шеи, высматривая. Ни одного противника не было видно в разрушенном лагере. Даже лучники как будто растворились меж деревьев.

Тварь убила Лею. Эгна всхлипнула. Остальные Дочери спешно собирались, скидывали покрывала, подвязывали волосы, обувались, не выглядывая за расписные пологи шатров, чтобы тварь случайно или специально не посмотрела в их сторону. Эгна подтянула колени к груди. Это она виновата, но юноша показался ей таким милым, таким... безобидным. Он посмотрел на нее так, будто недоумевал, как вообще можно убивать людей магией. Зря она не слушала Йорда. Йорд был ей противен, огромный мужлан, слишком шумный, слишком беспардонный. А теперь тварь убила Лею. Та самая тварь, создание которой Эгна бездарно прозевала. Она догадывалась о способах создания этой твари, от чего становилось еще хуже.

Зеленоглазый юноша, на лице которого зиял шрам слишком сильно напомнил ей другого, того, что хирел в изгнании вдали от нее. похожи, словно родные братья.

Дочери занятые своими делами ее не замечали. Рядом то и дело пробегала какая-нибудь из них. Эгна злобно уставилась на голые ноги Дрей. темноволсая, смуглая, конопатая, помесь ирмунсульца и женщины из Муспельхейма. Жесткая, как дерево, и такая же глупая. Вчера они провели обычный перед битвой ритуал, распотрошили еще живого барашка, погадали на внутренностях, а потом, к вечеру славно зажарили его и съели. Эгну от них тошнило. Барашек был миленький, с темными влажными глазами. Теперь он мертв, как и Лея. Эгна уткнулась носом в коленки и заплакала.

— Что ты делаешь? — окрикнула ее другая Дочь — Лиса Дале. — Хочешь здесь

остаться?

Лиса круглая, с ямочками на щеках и холодными бирюзовыми глазами. Она стояла над Эгной с ножом в руке, будто собиралась выпотрошить и посмотреть, что их ждет.

Дуры, подумала Эгна. Никто не увидел вчера этого ужаса. Никто. Барашек умер зазря. Даже Лея не спаслась.

— Ничего, — услышала она свой заплаканный голос. — Я сейчас встану и побегу вместе со всеми. Лиса, — она подняла глаза на толстушку, — Эта тварь, он сделал ее из собственных людей, да?

— Собирайся! — бросила Лиса Дале, нож исчез у нее в рукаве. — Скоро оно будет здесь.

Эгна поднялась, сердце болело. Такой милый мальчик, с таким прозрачным зеленым взглядом. Даже шрам на половину лица не портил его. Такой милый.

— Люди гибнут? — спросила Эгна все еще стоящую перед ней Лису.

— Гибнут, — сказала та. — Никто не может победить тварь, стрелы в ней вязнут, а мечи проходят насквозь, как будто она из воздуха или...

— Воды?

— Верно, откуда знаешь? И если это вода, то она очень-очень ядовита.

Судя по всему, во время разговора толстушка взяла себя в руки.

— Хитти, — сказала она, — Ты можешь что-нибудь сделать?

Эгна потерла кулачками заплаканные глаза

— Должно погибнуть еще больше людей, прежде чем я смогу. Давай, просто уйдем? Пусть эта тварь останется здесь одна, пусть она пожрет своего создателя!

— Создателя? Кто же пожирает создателей, девочка? Если ты можешь что-то сделать — сделай. — сама Лиса явно не собиралась следовать своему совету. Она отвернулась и пошлепала босыми ногами в сторону, откуда доносилось отчаянное конское ржание. От скорости бегства во многом зависит последующая жизнь, будет она или нет.

Эгна беспомощно посмотрела ей вслед.

— Валите повозки! — раздался совсем рядом голос Йорда. — Лучники, цельтесь в брюхо!

— Бесполезно! — крикнул один из лучников. — Куда бы мы не стреляли, все без толку!

— Отходим! Отходим! — кричал Йорд.

— Куда? — спросил другой воин.

— Тут недалеко деревня, заманим тварь туда. Пока будет расправляться с деревенскими, мы успеем уйти.

Эгна зажала уши руками.

Шум усиливался. Она первый раз была на поле боя.

Эгна встала и выпрямилась во весь рост. Опустевшие шатры хлопали полотнищами на ветру. Хрупкая Дочь медленно вышла, переступая через опрокинутые ящики и рассыпанные мешки с зерном. Дочери хранили свои запасы сами. Но теперь Эгна не видела ни одной, кто охранял бы шатры и зерно. Жалобно блеял запасной барашек.

Люди Йорда отступали. Перевернутые повозки загораживали выход из лагеря, Йорд гарцевал на гнедом скакуне и выкрикивал команды. Хаос творился повсюду, и все же Эгна успела удивиться нежному дуновению ветра и мягкому цветочному запаху с поляны. И влажному запаху деревьев, и теплу набирающего силу дневного солнца.

Рядом с Эгной плюхнулся сгусток вонючей жижи.

— Тот, кто в ветер превратился,

Кто упал и не простился.

Кто на смену не пришел, те, кто смерть свою нашел.

— Что за детские стихи? — Йорд вперился взглядом в фигурку в белом покрывале.

Эгна воздела руки. Полыхнуло пламя. Опрокинутые повозки пылали.

Один из воинов уже начал приближаться с воздетым мечом, когда на его рукаве повисла неведомо откуда взявшаяся Дрея.

— Оставьте! — причитала она. — Оставьте ее. Он желает спасти всех нас. Она спасет всех нас!

Йорд остановился. Не спускал с Эгны глаз.

Такое случалось с Эгной всего пару раз. Считается, что посадить колдуна между

костров — верный способ лишить его магической сил. С Йормунгандом, если верить рассказам, не сработало, но сил ему не прибавило. А Эгне огонь давал силу, как вода — рыжему колдуну. Эгна улыбнулась этой мысли на задворках сознания, если судить по внешности, то огонь больше подходил огненноволосому Йормунганду. Ее бирюзовым глазам следовало бы любить воду. Но все вышло наоборот.

Тварь больше напугала, чем убила. Большинство покалечилось при хаотичном бегстве. Но и тех, что пали, должно хватить, подумала Эгна.

Земля как будто издала стон. Оставшиеся воины попятились. Один из них неловко упал, споткнувшись со сверзившегося и сломавшего себе шею, с дерева лучника.

— Эрьян, — сказал воин. — Ты, что ли, жив?

Эрьян абсолютно точно не мог быть жив. Его голова, повернутая под неестественным углом, оставалась такой же незрячей. Руки Эрьяна пошевелились, ноги согнулись в коленях, и он начал неловко, точно пьяный подниматься.

Воин назвавший его по имени закричал тонко, по-бабьему. Отполз в сторону и кинулся бежать. За ним побежали остальные.

— Стойте! — беспомощно крикнул Йорд, но его уже не слышали. Его войско бежало, те, кого не смогла утешить гидра, улепетывали едва увидев оживших соратников.

— Что ты сделала, ведьма? — рявкнул Йорд обращаясь к Эгне.

— Я не ведьма, — сказала она спокойно, — Я Дочь благой Богини, я в ладонях ее и...

— Что ты сделала?

Эгна наконец скосила на него глаза.

— Они все равно уже мертвы, — сказала она. — Какая разница? Пусть мертвое борется с мертвым.

— Ты обесчестила мое имя, мое войско!

— Кому интересно твое имя, где будет твое войско, если все они падут?

— Не учи, меня, девка!

— Ну так иди. — крикнула Эгна не владея собой. — Иди. Сражайся с ним!

Чудовище подобралось уже близко, смрад его тела уже доносился до них, как и шипение голов, как и молчаливое шуршание мертвых атакующих. Под их мечами тело чудовища

расступалось и тут же срасталось вновь, оно не преставало реветь и отравлять землю вокруг. Мертвецы же не замечали яд, лишь продолжали монотонно рубить многочисленные головы.

С той стороны, за чудовищем, Эгна увидела колдуна. Он шел, приподняв край своего плаща, чтобы не запачкать.

— Отвратительно, — шепнули его губы. Эгна разозлилась.

— Отвратительно?! — крикнула она. — Отвратительно? Ты создал чудовище из все еще живых людей, я использую только мертвых! Ты — отвратителен! Ты меня заставил!

— Они бы все равно погибли. — возразил ей колдун. Она не знала, как он говорит с ней, приносит ли его слова ветром или они раздаются прямо в ее ушах. Она не сомневалась, что он тоже слышит ее.

— Они бы все равно умерли, — возразил он. — Вы пришли сюда убить их и меня. Я защищаю земли, людей, от вас. Вы заставили меня. Убирайтесь!

— Нет! — Эгна собрала всю волю в ответ, — Уничтожь свою тварь, чтобы она не докучала людям.

— Упокой мертвых!

— Нет!

— Упокой их! — Эгна не сразу поняла, что эти слова произносит уже не Йормунганд, а Йорд. Великий воитель стоял рядом с ней с перекошенным бледным лицом.

— Упокой их! — сказал он, глядя в ее расширенные от ужаса глаза.

— Мы не сможем победить его, если я завершу заклинание, — сказала она, — Я не должна останавливаться. Я не могу. Мы должны одолеть его! — сорвалась она на визг, — Он убил Лею!

Йорд оглянулся на тело в белых одеждах, которые уже покрыла грязь и копоть.

— Ее ты не подняла, — заметил он уже спокойно.

— Что? — Эгна посмотрела на тело подруги. Оно продолжало лежать там же, в том же положении. — Конечно, она уже у Богини. Не надо...

Эгна не договорила. Йорд пронзил мечом ей сердце.

— Не таким способом, — сказал он, — Чудовищ должны убивать люди. А не колдуны.

Умертвия, вопреки его ожиданиям, не повалились на землю, едва Эгна умерла, но и другие, вновь умершие воины не начали вставать.

— Что теперь делать? — к Йорду подбежал один из командиров отрядов. Губы тряслись, меч плясал в руке.

— Уходим, — сказал Йорд, — пусть чудовища разберутся между собой. Теперь это не наша битва.

Командир кивнул, через несколько минут отступление приняло более упорядоченный вид и количество нелепых и случайных смертей уменьшилось. Чудовище и вправду застряло посреди леса с вновь и вновь нападавшими на него мертвецами.

Дочерей на всякий случай казнили.

Через неделю бесплодного ожидания, пришла весть, что основные силы противника прибыли. Йорд ушел, не вступая в сражение. На этом военный инцидент оказался исчерпан.

Путь до замка составил две недели. Йормунганд ехал в обозной повозке и большую часть времени спал, завернувшись в шерстяное одеяло. Мерное покачивание убаюкивало его и, зарываясь лицом в шерсть, он думал, что вот теперь-то все будет хорошо. Теперь он будет больше ценить то, что у него есть. И теперь он один из самых могущественных магов, что есть на земле. Осознание этого пришло к нему как факт, как отсутствие глаза, который постоянно чесался, лекарь сказал, что это нормально и все так и должно быть, и как смерть Гарриетта. Иногда Йормунганду снился большой серебристый дракон. В его снах дракон вылетал из озера, и в лунном свете его тело извивалось над темной поверхностью воды. Такие сны пугали его, но и тогда он не просыпался, а лишь чуть скрипел зубами.

В темном лесу свирепая тварь плюется ядом, выгибает шеи, ее не берут ни сталь, ни стрелы. Мечи проходят сквозь тело как сквозь воду, стрелы застревают как в болотной тине. Она никогда не останавливается.

Покрытые ядом с головы до ног, со свернутыми головами, с недостающими конечностями мертвые люди все атакуют и атакуют тварь. В их движениях нет ни страха смерти, ни желания победить. Они никогда не останавливаются.

В полутемном длинном коридоре сквозняк гулял по каменному не застеленному полу. Ни один факел не освещал древнюю кладку, и сырость пропитала воздух. Прислонившись к стене, сидела дочь князя. Она не вышла встречать придворного мага, не взглянула на него ни разу, но это не значило, что его возвращение не волновало ее.

За прошедшие месяцы она похудела, превратилась в тень самой себя, еще тоньше стали пальцы, еще прозрачнее кожа. Кормилица умоляла отца сделать что-нибудь, выдать ее поскорее замуж, в страну с хорошим климатом, солнечными днями и теплыми мокрыми зимами. Элоди не желала покидать родные края, да и отец не хотел с ней расставаться. Да еще отправлять так далеко. Но Элоди видела, что он задумчиво смотрит на ее худое лицо и истончившуюся талию. Рано или поздно он решит ее судьбу, и ей придется покориться.

Если бы Йормунганд решил вернуться в свою северную страну, стал бы он там принцем, думала она. Если бы не случилось того, что случилось при дворе у Альфедра, если бы его положение оставалось бы таким же высоким, хотя бы в стране северян, отдал бы отец ее за Йормунганда? Нет. Она с ним никогда бы не встретилась, твердил ей разум. Но так было бы лучше, думала она. Лучше бы им не встречаться, а если бы встретились, то как равные.

Жизнь шла своим чередом. Всякий раз именно это обстоятельство больше всего удивляло Йормунганда. Случалась трагедия, люди гибли, судьбы ломались, но отступи на шаг — и все та же жизнь продолжается.

В замке Эдегора готовились к праздничному пиру. Во дворе ворочали привозные бочки с вином. Слуги носили безобразные туши животных, которым вскоре суждено стать прекрасными жаркими, обрамленными нежным гарниром из овощей и яиц. Корзинами носили фрукты, в глиняных горшочках перетаскивали запасы меда, сновали мальчишки с кочанами капусты и пучками моркови в маленьких тележках.

Эдегора в расписных деревянных палатах не было. Он не любил всю эту хозяйственную суету, когда замок не принадлежал ему, и всем заправляла его жена. Властная Раннвейг надевала в такие дни самое простое шерстяное платье, убирала волосы под золоченый обруч и ходила широкими шагами по длинным коридорам, раздавая указания и распоряжения. Обычно ее сопровождали две или три служанки, что зорким взглядом следили за остальными слугами и подгоняли лентяев. Не к лицу княжеской жене устраивать выволочки челяди. Если только это не особая челядь, вроде мага, что никак не мог найти двух маленьких ребятишек запропавших неизвестно куда.

Подлива из помидоров подгорела, тесто на пироги получилось пресным, а пыль от гобеленов, которые выволокли во двор проветрить, серым слоем покрыла на два раз вымытые полы в пиршественной зале. Раннвейг была раздражена и шла в крыло, откуда разносился тонкий сладкий запах, устроить выволочку придворному магу за свое плохое настроение.

— Разве у тебя нет теперь собственного мага? — спросил ее Йормунганд вместо приветствия. Он стоял к ней спиной, рукава засучены до локтей, а на руках перчатки из толстой кожи. Из-за его спины Раннвейг не видела, над чем это он так склонился, ей пришлось обойти его со стороны.

Йормунганд чуть ли не носом уткнулся в кипящий в стеклянной бутылочке раствор. Зеленый сладковатый пар поднимался из узкого горлышка и маленькие пузырьки лопались один за другим на мутной поверхности зелья.

— Тебе бы котелок, — сказала Раннвейг. — Да ведьминскую шляпу.

— А эта чем не хороша? — сказал Йормунганд и кивнул на висящую на стене широкополую шляпу с облезшими краями. Как и его старый плащ, она уже утратила цвет, но темно-синий оттенок все еще угадывался в посеревшей шерсти. Раннвейг потрогала ее мягкий край.

— Ничем не хороша, — сказала она.

Йормунганд со вздохом выпрямился. Глаза покраснели и слезились, стеклянные линзы, которые он носил во время опытов, потерялись за время его отсутствия. Теперь он щурился на Раннвейг и вид имел еще более кислый, чем у нее.

— У тебя теперь есть собственный маг, — сказал он, — Поори на него, если очень хочется.

Раннвейг фыркнула.

— Стаккард... — она замялась, раздумывая, что сказать дальше, — Стаккард оказался очень полезен.

Йормунганд поднял руку.

— Даже не буду спрашивать чем, — сказал он.

После поражения Йорда на поляне у деревни, Стаккард успел в одиночку нагнать Валонхейма и предложить взять себя в плен. Поэтому вернувшийся Йормунганд решил было, что опять остался не у дел. Не хватило сил ни рассердиться, ни на удивление. Но князь как будто не заметил возвращение опального князя, а Раннвейг, вопреки ожиданиям, отнеслась к Йормунганду даже благосклонно. Настолько, насколько могла.

—хлопоты, хлопоты, — Йормунганд вздохнул, он часто теперь вздыхал. — Ты собиралась отчитать меня, помнишь?

— Разве? — Раннвейг рассеяно потерябила ожерелье. Круглый белый камешек обрамляла тонкая филигрань. Бьярне постарался на славу. — Почему так получается каждый раз? Я злюсь на тебя и собираюсь разнести в пух и прах, но стоит перекинуться с тобой парой слов и гнев уходит.

— Это любовь.

Раннвейг рассмеялась.

— Вот уж нет, — сказала она.

Йормунганд улыбнулся. Глаза все еще слезились, так что он утирал их тыльной стороной ладони.

— Ты так и не рассказал, что случилось с Гарриеттом, — сказала Раннвейг.

— Разве? Я рассказывал твоему супругу, Стаккард оглушил меня, а всадники Йорда перерезали весь отряд вместе с Гарриеттом.

— Стаккард говорит другое.

— Да ну? Какая неожиданность. Я оглушил его, а потом перерезал его отряд, а потом впал в раж и перерезал свой? Кровь рекой, кишки наружу, так опьяняет.

— Не ерничай.

— Ох, да ладно тебе, Раннвейг. Стаккард мог что угодно наплести, но его слово против моего, кому ты больше веришь?

— Про тебя всякое говорят.

Йормунганд фыркнул.

— Тогда пожалуйста своему новому личному магу.

— Опять ты за свое.

— А как же.

— Йормунганд, Стаккард говорит, что мои дети... в опасности.

Повисла пауза. Йормунганд не отрывал взгляд от напрягшихся рук. Раннвейг посмотрела на него.

— Это правда? — спросила она дрогнувшим голосом. — Ты поэтому не можешь найти их?

— Я, знаешь ли, маг, а не бог, — тихо сказал Йормунганд, — будь я всемогущ, то был бы я здесь?

— И все-таки?

— Я не могу их найти. Они грозились уйти из дома, вероятно, ушли.

— Йормунганд...

— Я не знаю, где они.

— Их больше нет?

— Я найду их, Раннвейг, — последние слова дались ему с трудом.

— Ты обещаешь?

Боже, как это по-женски, — подумал Йормунганд отстраненно.

— Обещаю.

Раннвейг величаво кивнула.

— Так, — сказала она уже властным тоном хозяйки замка. — Фейерверк будет после ужина, как раз зайдет солнце, сразу после песен и обмена дарами.

— Хорошо.

— Изобрази что-нибудь нейтральное. Без излишней скромности, как в прошлый раз. Будут гости.

— Хорошо.

— Что-нибудь такое, изящное, ты сам понимаешь.

— Конечно.

— Нанеси руны на те новые кубки, чтобы не украли.

— Хорошо.

— И вообще, на самое ценное тоже нанеси, понял?

— Да.

— И еще, — сказала Раннвейг почти у двери, — Элоди приболела, ее все время тошнит. Посмотри, что это с ней. Она должна быть на пиру, а не то так в старых девах и останется.

Йормунганд поклонился, прижав руку к сердцу. Едва затворилась дверь, дернул не глядя сумку с инструментами. С потайной полки за камином достал непечатую бутылку зелененькой и затолкал в сумку, сверху всякий тонких силосов и деревянных обрезков. Варено в стеклянной колбочке так и осталось остывать на столе.

Уже в коридоре он едва не налетел на Элоди. Девушка поймала его за рукав, не дав сбежать.

— Да? — сказал Йормунганд, устремив взгляд вверх ее макушки. С тех пор, как он вернулся, он избегал смотреть на нее, да и вообще старался уклониться даже от случайных встреч.

— Йормун, — пробормотала Элоди — у нас было недопонимание в прошлом.

Йормунганд кивнул в знак того, что слушает. Коридор вовсе не был безлюдным, мимо сновали служанки. Передники их пахли пылью и чем-то сладким. В замке готовили комнаты для гостей. Краем глаза он отметил хорошенькую девушку из новеньких. Она несла охапку цветов и несколько небольших вазочек под мышкой. Вазы вот-вот грозили выскользнуть прямо на каменный пол, а цветы сильно помялись и выглядели скорее жалко, чем мило. Раннвейг на нее всех собак спустит, подумал Йормунганд, надо будет вечером утешить малышку. Что же, за всем не доглядишь.

— Йормун! — настойчиво повторила Элоди, — ты все еще здесь?

— А? Что? Я слушаю тебя, слушаю.

— Одна из моих служанок беременна, — выпалила Элоди так, что сразу несколько девушек вокруг замерли и наострили уши. Йормунганд посмотрел на нее, взгляд его уперся в ложбинку, которая стала еще глубже, чем в прошлый раз. Он поймал себя на невольном желании потрогать, взвесить грудь Элоди в руке.

— Я здесь ни при чем, — быстро сказал Йормунганд. По возвращению он не нашел женщину с перьями. никто не знал ни куда делась она, ни ее ребенок. Элоди как будто забыла бывшее притяжение к нему и старалась вести себя непринужденно. Должно быть, внушение Эдегора подействовало.

— Ни при чем? — Элоди заметила, что он заглядывает в ее декольте, вспыхнула и разозлилась. — Поэтому я прошу тебя о помощи. А не призываю к ответу... развратник ты этакий.

— А как ты себя чувствуешь? — спросил он, вспомнив недавние слова Раннвейг, — Я слышал, тебя тошнит?

Элоди топнула ножкой.

— Разве что от тебя, — бросила она, решительно взяла его за руку и потащила за собой. Дуэнья метнулась было за ними, но девушка упреждающе вскинула ладонь.

— Что такое?

Элоди затащила Йормунганда в неглубокую нишу и постаралась загородить своим небольшим телом.

— Моя служанка ждет ребенка, ты можешь ей помочь?

— Я не повитуха. У меня нет такого опыта.

— Да нет, — Элоди поморщилась. — Ты можешь помочь ей избавиться от ребенка?

Йормунганд вздохнул, провел рукой по лицу.

— Пусть обратится к кому-нибудь другому, — сказал он.

— Она не может.

— Почему?

— Потому! Не может и все тут.

— Элоди, можно я поговорю с ней?

— Нет!

— Иногда девушкам кажется, что избавиться от ребенка единственный выход, но это не так.

— А что, лучше будет выбросить его потом в корзине, собакам на съедение?

Йормунганд скривил губы. День явно не задался.

— Я могу дать снадобье, — сказал он, — Если срок небольшой, но, Элоди, от этого снадобья иногда умирают. Никто не даст гарантии, ни я, никто другой.

— От родов тоже иногда умирают, — сказала Элоди отступая. — Дай мне это средство,

а я передам ей.

— Элоди, — сказал Йормунганд, — на каком ты месяце?

По коридору будто ураган пронесся. Топот маленьких женских ножек сопровождали крики испуганных расталкиваемых служанок, звякнула разбитая посуда, упало и покатилося что-то по полу. Следом послышался топот мужских сапог.

— Что там такое? — Стаккард с интересом высунулся из кухни, где Раннвейг поставила его надзирать за приготовлением блюд. Он как раз закончил дегустировать столовое вино, припасенное для ужина. В любом другом месте он решил бы, что подобным поручением его хотят унижить, но здесь остаться на кухне оказалось высшим благом.

Любопытный поваренок высунулся вместе с ним.

— Леди Элоди и господин Йормунганд опять поссорились, — сообщил он авторитетно.

— Откуда ты знаешь? Ты же их не видел.

— А никто из служанок не ругается, значит пробежал кто-то из благородных. Ну кто, если не они?

Стаккард ухмыльнулся.

— И часто они так вздорят?

— Как заговорят, так каждый раз. Редко, в общем.

— Йормун влюблен в Элоди? — ухмылка Стаккарда растянулась еще шире.

— Не, она в него.

— А он?

— Ни одной юбки не пропустит, кроме благородной дочери конунга. Марза говорит, это от уважения, а я думаю, ему просто плевать. А может быть, и так и эдак.

— Может быть, — согласился Стаккарад.

— Господин, — мальчик уставился на него наглыми глазами, — а вы вино все допили или осталось чего?

Стаккард не больно шлепнул его по затылку.

— Работать иди, — сказал он, — винишко есть, да не про твою честь.

В Голдсшейне часто любили поговорить, как Йормунганду удалось провести князя и получить место рядом с ним. Рассказы о его похождениях обрастали вымыслом, и Стаккард не верил и половине того, что слышал. Но теперь, теперь он сомневался.

«Втереться в доверие», хах. Как будто старик доверяет кому-нибудь. Он и собственной жене не доверяет, даже собаке у своих ног относится с подозрением. Разве что дочь он беззаветно любит, но и то потому, что она так похожа на него. Как собственное отражение, только в платье. Вот только дочь еще опасливей отца, и как она умудрилась влюбиться в проходимца вроде Йормуна? Стаккард и сам не заметил, как начал называть его Йормуном.

Йормунганд пробудил чудовище, создал чудовище, они и сам является чудовищем. Нет ни семьи, единственного друга, Стаккард не сомневался, он предал. И даже то, как легко он заводил романы, указывало лишь на то, что Йормунганд никого по-настоящему не любил.

Даже его отец более человечен, чем сам Великий Змей, как называли его за пределами владений Эдегора. Интересно, знает ли Йормун о собственном прозвище? Он часто путешествует неузнанным, мог и слышать.

Из размышлений Стаккарда вырвала повариха, что бесцеремонно потрясла его за плечо.

— Вино где? — густым басом спросила она. — Все вылакал или осталось чего?

Йормунганд перепрыгнул через корзину с покотившимися фруктами, едва не споткнувшись о ковер и все-таки нагнал Элоди у входа в главный зал.

— Не делай хуже, чем есть, — прошипел он.

Он ожидал слез или истерики, но Элоди лишь посмотрела на него круглыми глазами и сказала:

— Не преследуй меня.

— Что?!

— Если ты будешь преследовать меня, я позову стражу.

— А я скажу о твоём положении во всеуслышание. Прямо сейчас!

— А я, а я, а я скажу, что это твой ребенок. И тебе придется на мне жениться!

— Ну уж нет! Пусть лучше голову снимут!

Элоди ударила его. Йормунганд прижал ладонь к пылающей щеке.

— И кстати, — сказал он, — а чей ребенок?

Элоди ударила его по другой щеке, так что через мгновение Йормунганд напоминал собой удивленную кумушку с вздетыми к лицу руками.

— Прекрати, — сказал он с угрозой. Элоди насупилась.

— А то что?

— А то придется справляться со своей маленькой проблемой самостоятельно.

Элоди замерла, тут же моргнула и отвернулась.

— Ты pomoжeшь мне?

Йормунганд вздохнул.

— Помогу, но, — Йормунганд улыбнулся краешком губ, — ты будешь мне должна.

Порой Элоди жалела, что отец ненавидел Дочерей. Будь при дворе хоть одна из них, проблемы можно было избежать. Она упорно отказывалась думать о проблеме, как о ребенке. Опухоль, думала она, — внутри меня опухоль и она растёт. Ее тошнило при одной мысли, что опухоль остается внутри нее.

Йормунганд велел ей показаться на пиру, потом сослаться на плохое самочувствие и уйти, ставив вместо себя служанку. Он долго наставлял ее по поводу нового мага жены конунга, чье имя Элоди никак не могла запомнить.

Странное дело, думала Элоди, с ней случилось несчастье, большое несчастье, а Йормунганд впервые стал так добр к ней, что она даже немного счастлива. Продлится ли его доброта хоть сколько-нибудь долго, размышляла она, выбирая шелковые ленты для жемчужно серого платья, в котором она выглядела не такой бледной и распухшей. Йормунганд поддержал ее, кто бы мог подумать.

Элоди даже собиралась намекнуть ему, пригласить ее на танец, пусть проявит вежливость перед лицами гостей. Голубые шелковые ленты, решила она, голубые шелковые ленты и жемчуг в волосах.

Из маленькой шкатулочки на столе Элоди вынула еще одну шкатулочку, совсем малюсенькую. В ее краях женщины покусывали себе губы, чтобы те выглядели яркими и пухлыми, как после поцелуев. Элоди же использовала средство зовущее к поцелуям — нежно-красную помаду. Лишь немного на верхнюю и нижнюю губу и вот, ее лицо преобразилось.

Элоди улыбнулась себе в зеркало и тут же скривилась от приступа тошноты.

Негромкий стук в дверь разбудил Бьярне. Он спал сидя на крышке сундука, уронив голову на грудь. Тыльной стороной ладони цверг едва успел стереть слюну с подбородка, как вошел явно обеспокоенный Йормунганд. Он выглядел похудевшим, даже плечи заострились под дорогим, и изысканном черном кафтане с серебром. На голове Йормунганд носил платок, сдвинутый на один глаз. Бьярне даже не сразу разглядел, что платком Йормунганд прикрыл огромный уродливый шрам.

— Айе! — сказал Йормунганд, шурясь от полумрака и бьющего по ноздрям и глазам застоявшегося воздуха. — А ты выглядишь лучше, даже пополнел. Что-то хорошее случилось?

— Что хорошего? — пожал плечами цверг. — Ты вот выпивку принес и хорошо. Принес же, а?

— Принес, — сказал Йормунганд. — и спасибо, что выполнил мою просьбу.

— Ну и долго же тебя не было. Что за царапка на лице?

Йормунганд предпочел не отвечать. Зеленая бутылка была не такой вычурной, как в прошлый раз, но наполнена по самое горлышко. Бьярне аж сглотнул, едва увидел ее.

— Расскажешь о своих приключениях? — спросил он.

— Недосуг. Сегодня пир и меня заставляют готовиться, как и всех прочих. Выгляни ночью в окошко, будет фейерверк.

— Грохоту, верно, будет.

— Не без этого.

Йормунганд невидящим взглядом окинул кузницу и повернулся уходить.

— Слышь, Йормун, передай тут кой-чего Эдегору, будь другом.

Бьярне неловко завожился возле сундука. Йормунганд остался наблюдать за его стараниями возле двери.

— Что это? — только и спросил он, когда Бьярне передал ему два приличного размера кубка, оправленных в металл.

— Подарок, — сказал Бьярне, ухмыляясь в спутанную бороду.

— Зачем? — удивился Йормунганд.

— Ну как, я же узник, чтобы смягчился, проветрил тут, да и вообще. может кормить лучше стане. С бабой же его получилось, может и этот раздобьется.

— Судя по твоей разъевшейся харе, тебя и так неплохо кормят, — заметил Йормунганд.

— Ну уж, — прокрихтел цверг. — Передай ему, скажи, что от меня. Пусть вспомнит обо мне.

— Передам, — сказал Йормунганд и бодро пошел к двери.

— Эй, — позвал Брагни, — я спросить хотел... поговорить.

— Я найду еще, попозже.

И не дожидаясь прощаний, Йормунганд вышел за дверь. В замке провернулся ключ, грохнул засов. Бьярне опять остался один, только сон к нему больше не шел.

Спускаясь по длинной винтовой лестнице, Йормунганд насвистывал. Он и не думал выполнять добрую половину поручений Раннвейг. Кто-нибудь обязательно украдет ценную вещь во время пира. Если пропажу заметят, он либо найдет ее, либо вору повезло. Но слух о том, что на каждом кубке есть невидимые начертанные им руны против воровства, надо все-таки распространить, подействует лучше реальных заклинаний.

Когда Йормунганд вышел на залитый солнечным светом двор, уже начали собираться гости. Неприкаянно ходил туда-сюда по каменистой дорожке господин Лейф Дидериксен. У Лейфа пышная темная шевелюра, благодаря которой он выделялся как черный баран в овечьем стаде. Нрав он имел вспыльчивый, и Йормунганда откровенно недолюбливал.

— Айе! — сказал Йормунганд проходя мимо и чуть наклонил голову в знак приветствия.

— Айе! — ответил Дидериксен. — Йормун, мои люди заглянули под каждый куст, ребятишек нигде нет.

— Каких ребятишек?

— Детей госпожи.

— А да. верно, — Йормунганд вздохнул. Дидериксен упер руки в бока, на этот раз отступить он не намеревался. Йормунганд прикинул еще несколько неотложных дел: нанять нового расторопного слугу, не такого пронырливого как прошлый. Библиотека серьезно пострадала, так что придется заказать переписчикам несколько книг для коллекции. В руках он все еще держал подарок цверга.

— Меня подрядили на поиски малышей, — сказал Дидериксен, — а вы, вроде как. Должны нам в этом помочь.

— Вроде как, — повторил Йормунганд. — Думаешь, у меня сейчас других дел нет?

— Важнее этого нет.

— Хорошо, идем.

Первое время Йормунганд считал странным, что солдаты не боятся его. С его точки зрения он должен был быть в их глазах чудовищем наподобие того, что он создал. Или даже страшнее, потому что гидра могла лишь убить, а Йормунганд давал «вторую жизнь», которую сложно было принять. Или, размышлял Йормунганд, слухи просто не распространились. Обычно хватало намека, даже полунамека, чтобы пожар домослов разгорелся в сухостое ежедневной скуки. Но не теперь.

Никто даже не сокрушался о смерти Гарриетта, будто он всего лишь отправился в очередной поход и вот-вот вернется. Дидериксен занял его место так легко, будто только для него оно предназначалось.

Дидериксен рассказал, что организовал три отряда, которые прочесывали местность вокруг замка. В замке детей уже искали. Заглядывали в чуланы и чердаки, под лестницы, в самые тайные уголки. Но и следа их там не было. То есть след- то нашелся.

Йормунганд повертел в пальцах деревянную свистульку. Такими играли деревенские дети. Наверное, кто-то из слуг дал ее маленькому Хельмуту. Ногтем он нацарапал на деревянном боку игрушки руну поиска, сжал ее в ладонях и прислушался. Тишина.

— Надо подождать дождей, — сказал Йормунганд.

— Чего? — спросил Дидериксен.

— Надо подождать дождей, — повторил Йормунганд. — Едва пойдет дождь, дети отыщутся.

Дидериксен побледнел, потом его лицо стало покрываться красными пятнами.

— Если мы не найдем их... — начал он.

Йормунганд кивнул.

— Скорее всего, — сказал он тихо, — уже поздно.

— Это не повод, то есть, это не значит, что мы должны...

— Прекращать поиски, — закончил Йормунганд. — Верно. Я могу ошибаться. Я же, мать вашу, не Богиня.

В памяти всплыло воспоминание о громадной голове и низком голосе дракона. Мужского тот дракон пола или женского? Или драконы бесполой? А может быть, гермафродиты?

— Эй, — окликнул его Дидериксен, — Йормун, что с тобой?

— А?

— Ты как вернулся ходишь как в воду опущенный. Как будто... потускнел что ли. Хандришь, что ли? Ты скорее завязывай с этим. Нам надо ребятишек найти. Если на тебя сверху воды налить — поможет?

— Вряд ли. Но давай попробуем, — сказал Йормунганд натянуто бодро.

Уже скоро Йормунганд сидел в замковом саду и любовался на пыльный каменный забор. Волшебник разделся до пояса и сидел, подвернув под себя ступни. Ноги уже начали затекать, когда Дидериксен вместе со слугами притащил еще четыре бадьи с водой. Рядом с Йормунгандом уже стояла батарея из наполненных водой бочек.

Слух о затеянном лесным пожаром разошелся по замку. За кустами с хихиканьем сновали служанки, им не терпелось посмотреть как на бледное, но симпатичное тело Йормунганда из Ирмунсуля полетит вода и он начнет колдовать. Йормунганд больше догадывался, чем слышал, о чем они говорят. У него начнется трясучка, как у северных шаманов. Нет, он врастет в землю, опутается травами. Нет, нет, все не то, он обратится в кого-то другого, воспарит и увидит все окрестности волшебным взором, ничего от него не скроется.

В саду цвели глицинии. Знатоки и путешественники говорили, что на землях южнее этот цветок по-настоящему прекрасен, здесь же он тень от тени собственного великолепия. Однажды князь едва не приказал ее вырубить. Редкие бледно-голубые соцветия только-только набрали силу, их печальные кисточки свешивались то тут, то там, к радости садовника. Он планировал высадить их вокруг беседки в следующем году, рьяно защищал любимые «вьюнки» от вредителей да непогоды, а сам умер от чахотки зимой.

Хороший был человек, думал Йормунганд, преданный своему делу. Глициния осталась только у стены, опутала подгнившие подпорки и цвела все теми же редкими светло-голубыми кисточками.

Хорошо бы посмотреть разок, как она должна цвести на самом деле. Подумал Йормунганд, когда на него обрушился поток воды и больно ударил по затылку.

— Холера! — заорал Йормунганд пригибаясь к земле.

— Сработало? — спросил Дидериксен.

— Что сработало?! Что это было вообще? — Йормунганд злобно уставился на него, сидя в большой лужи. С подбородка капало.

Дидериксен почесал затылок.

— Ты вроде в транс вошел, — сказал он, — уставился перед собой пустыми глазами, вот я и решил, что пора.

— Нет, — рявкнул Йормунганд, — Не пора. Я задумался просто.

— А, вот оно как выглядит, — ухмыльнулся Дидериксен.

— Не строй из себя Гарриетта, — сказал Йормунганд, успокаиваясь.

Дидериксен отвернулся, через мгновение поднял руку.

— Готов? — спросил он.

— Сейчас готов. Лейте медленно, и разбрызгивайте воду, чтоб получалось вроде дождя.

— Хорошо, — натужно ответил слуга, засевший с бадьей на каменном заборе.

— Готов.

Дидериксен дал отмашку.

Слуга наверху начал медленно наклонять бадью. Прозрачная струя устремилась на макушку Йормунганда, он дернулся, будто его ударили.

— Да что ж такое! — не выдержал он, — мне нужно подобие дождя! Дождя, когда вода льет с неба такими, понимаешь, брызгами, моросит вокруг. Оо, Богиня, я не могу, — он смахнул влагу со лба.

— Давай еще раз, — сказал Дидериксен и махнул рукой.

На этот раз получилось куда лучше. Слуга одной рукой наклонял тяжелую бадью, и тут же разбрызгивал воду ладошкой. Он сияющими брызгами разлетелась в стороны и устремлялась вниз, на плечи и волосы волшебника. Йормунганд зажмурился, постарался вернуть дыхание в норму, а потом и вовсе задержать его.

Под стеной прохладная тень не давала слепить его солнцу, цветы глицинии вздрагивали, когда на них попадали случайные брызги. Челядь собравшаяся ради зрелища затихла. Дидериксен ждал.

— Ну что? — спросил он через пару минут.

Йормунганд вздернул ладонь в упреждающем жесте.

— Не так быстро, — сказал он, — Это же не несостоящий дождь, — добавил он, почти извиняясь.

— Еще бадью, — сказал Дидериксен. Два дюжих молодца потащили полную бочку к забору, и с пытением принялись затаскивать ее наверх. По дороге половина расплескалась, но остальное все-таки полилось вниз, на насквозь мокрого уже Йормунганда и влажную до черноты землю. Вокруг мага почва потемнела от влаги.

За кустами захихикали.

— Как мокрый котенок, — произнес девичий голос.

— Змей он, а не котенок, — возразил густой бас, как у главного повара.

— Змей не змей, — протянула девица, — а как хорош собой. В этих его хламидах и не поймешь. А тут — все красоты наружу.

— А ну, не смотри, — рявкнул обладатель баса. За кустами снова захихикали и все стихло.

— Ничего не получится, — сказал Йормунганд, — Нужно ждать дождей, я ничего не чувствую.

Он открыл глаза и обмер. Он сидел в центре расплавленного золота, озером расплывшегося вокруг него. Дидериксен не двигался, и, судя по взгляду, едва его видел. Золотые нити свешивались с волос и носа, струились по плечам и по спине, он весь оказался опутан ими, как жертва огромного золотого паука.

Небо оставалось все таким же синим, глицинии чуть тронутые золотом, раскачивались под порывами ветра. Йормунганд впервые почувствовал, что ему холодно, хотя раньше в таком состоянии он не чувствовал ничего.

Йормунганд протянул руку вниз, ладонью к сверкающей глади. На нее было больно смотреть и он вновь зажмурился. Тонкие нити окутали его влажной нежностью, обернулись вокруг тела, вошли в сознание, пробились сквозь висок.

Йормунганд увидел ее, сморщенную, старую, как печеное яблочко.

— Айе, — сказал Урд не глядя на него. Ее седые волосы собраны в косу и закинута назад, пальцы непрерывно двигаются, пропуская полотно человеческой жизни.

— Айе, — отозвался Йормунганд.

— Хочешь узнать, как ты умрешь?

— Нет, но я ищу детей. Двух мальчиков. — он замялся, думая, как же описать их этой старой леди, чтоб она узнала их.

— Их здесь нет, — сказала она.

— Нет? — переспросил он с надеждой.

— Нет, — сказала она не глядя на него, — Они же дети. Дети не задерживаются здесь.

Йормунганд продолжал смотреть на нее.

Раздался шорох, мимо него, раздвигая кусты, прошагал великан. Йормунганд не видел его лица, но на плече его сидела белка.

— Как? — спросил Йормунганд одними губами.

Старуха указала откуда пришел великан. В свете полуденного солнца башня- кузница торчала как гнилой зуб среди пустой десны.

Йормунганд закрыл лицо ладонью, и все кончилось.

Дидериксен тряс его за плечи, Йормунганд слышал его испуганные «эй» и чесночное дыхание обожгло ему щеку.

— Я здесь, — пробормотал он, отодвигаясь и чуть не шлепнулся в скользкую лужу. Что налили специально для него. Раздался откровенный смех, который тут же прервался разгневанным:

— Что за балаган!

Йормунганд сглотнул. Дидериксен поспешно встал и вытянулся перед хозяйкой замка. Хильда уперла руки в бока и явно ждала объяснений.

— Мы, ээ, искали детей, ээ, волшебством.

— И как, — спросила Раннвейг ледяным тоном, — получилось?

Дидериксен неуверенно обернулся на сидящего в луже Йормунганда.

— Госпожа, — сказал Йормунганд, — Я...

Раннвейг повернулась к нему и прищурилась.

— Я сожалею, госпожа, — начал он.

Сделал паузу, посмотрел в лицо Раннвейг.

— Мы продолжим поиски, — сказал он.

— Ходишь как в воду опущенный, — заметила Элоди. — Все хорошо? Наш уговор в силе?

— Конечно, — под уцелевшим глазом Йормунганда пролегла тень, а шрам выглядел ярким и воспаленным.

— Как тебе мое платье?

Йормунганд бросил на нее быстрый взгляд.

— Прекрасно, — сказал он, стараясь добавить больше жизнерадостности в голос.

Элоди нетерпеливо дернула его за рукав. У Йормунганда не было времени переодеться, и сейчас он заметно проигрывал разряженным придворным и особенно Стаккарду, который умудрился раздобыть себе бирюзовый кафтан с золотым шитьем. Платье Стаккарда к тому же удивительным образом сочеталось с платьем Элоди. Подглядывал, не иначе.

— Что? — спросила Элоди.

— Он подглядывал, не иначе, — сказал Йормунганд и Элоди решила не переспрашивать. Ей нравилось стоять рядом с Йормунгандом, пусть он и не смотрел в ее сторону, а больше наблюдал за соперником. Но вот то, что короткое пребывание на пиру ограничится для нее торчанием в углу, ее совсем не радовало. Престарелая дуэнья зорко следила за ними издали, Элисбуа скорчила ей рожу. Дуэнья погрозила подопечной пальцем.

Стаккард сидел поодаль от Раннвейг. Эдегор, погрузневший и раздавшийся в поясе, слушал чернобородого посла из соседних земель, о которых Йормунганд почти ничего не знал. Глаза посла выглядели необычно узкими, а лицо широким, шуба же на нем была похожа на ирмунсульский пошив, мехом внутрь, но узоры совсем другие.

— Пора? — опять дернула его за рукав Элоди.

— Не торопи меня, — сказал Йормунганд. Девчонка ему и шагу не давала ступить. а Стаккард уже прислушивался к разговору с послом и даже делал комментарии. Зараза, думал Йормунганд, ну как это мелкий так быстро приобрел доверие и благосклонность Эдегора и его жены? Йормунганд поискал глазами Валонхейма, тот скорее пропадал в кухнях, раздавал приказы поварскому войнству.

— Йормун! — дернула мага за рукав Элоди.

— Хочешь к столу? — спросил Йормунганд.

— Нет, меня мутит от еды. Здесь жарко и душно и я хочу уйти и скорее покончить со всем этим. Но если желаешь, я подарю тебе танец.

— Я не умею танцевать под вашу музыку, — сказал Йормунганд.

— А что не так с нашей музыкой?

— Все так, но танцевать под нее я не могу.

— Так ты уладишь мое дело или нет? Мне уже падать в обморок?

— Не нужно падать в обморок. Я должен поднести Эдегору, то есть твоему отцу, подарок, а потом мы оба удалимся в разное время. Сначала я, потом ты, чтобы не было кривотолков. И никаких обмороков, если не хочешь, чтобы тебя показали хорошему лекарю или Стаккарду, которые разгласят твой секрет.

Элоди поджала губы.

— Хорошо. Мне идти сразу в твои покои?

Йормунганд вздрогнул.

— Ради Луноликой, нет!

Он провел рукой по лицу, чуть сдвинув черную повязку на лице. Элоди отвернулась.

— Ни в коем случае нельзя устраивать нечто подобное прямо здесь, в доме твоего отца. Что будет, если кто-то узнает?

— Позор, — выдохнула Элоди.

— Казнь, изгнание, у нас за подобное... Никто, никто не должен видеть, как ты заходишь ко мне или обращаешься с просьбами. Более того, мы поссоримся и я демонстративно уйду, а ты скажешься больной и последуешь за мной. Выйди через сад к задней калитке, там буду ожидать тебя в плаще и широкополой шляпе. Оденься неприметно. Ах, был бы Ругер, он бы устроил все гораздо лучше! Или были бы у тебя подруги, чтобы якобы погостить у них пару дней.

— Мои подруги слишком знатны и их семьи слишком уважаемы, чтобы впутывать их в недостойные занятия.

— А я не уважаем? — фыркнул Йормунганд раздраженно.

— Я не то хотела сказать.

— Да, не то, — согласился Йормунганд. — Я дам тебе снадобье, от которого у тебя может начаться сильное кровотечение и слабость, но не бойся, ты не умрешь. Я буду рядом и проведу тебя тропами тьмы, — он усмехнулся своим словам. Для Элоди предназначалась ободряющая улыбка.

Элоди кивнула.

— И все же. — сказал Йормунганд, глядя на ее белое лицо с острым подбородком, — кто отец ребенка? Вы были с ним близки или мимолетное увлечение?

И тут же почувствовал, как внутри Элоди с грохотом запираются двери ее души.

— Мимолетное, — сказала она. — Все не просто. Не спрашивай.

Йормунганд посмотрел в сторону Эдегора. Он уже наговорился с посланцем и как раз Валонхейм явился за его спиной и склонился, прошептать князю что-то на ухо. И по скользкому взгляду, брошенному в его сторону, Йормунганд понял, что это что-то касалось его. Он коснулся руки Элоди и направился к Эдегору, восседавшему во главе среднего стола, так, чтобы видеть всех гостей, и чтобы каждый гость видел его.

— Знаю, что время неподходящее, — сказал Йормунганд, склонившись чуть ниже обычного, — но я бы хотел поприветствовать тебя, князь. Прими скромный дар, потому как другого у меня нет.

Эдегор протянул руку за поднесенными кубками. В свете факелов сверкнули золотые кольца.

— Прекрасная работа, — сказал Эдегор, развернув кубки. — Кость?

— Эм, да, — сказал Йормунганд.

— Тонкая огранка, изысканный рисунок, только взгляни, душа моя, тебе придется по вкусу.

Раннвейг приняла подарок из рук мужа, повертела перед глазами.

— Мастерство создателя такой красоты выше стоимость иного драгоценного камня. У такого и стекло заиграет как бриллиант.

— Не стоит расточать похвалы скромному дару, — Йормунганд и в самом деле стало не по себе. Он медлил, ожидая, что Эдегор позовет его для беседы, но князь махнул рукой,

отпуская. Йормунганд закусил губу и повернулся было уйти, как его окликнула Раннвейг.

— Валонхейм рассказал нам о твоих славных делах. И мы скорбим вместе с тобой о смерти Гарриетта, он был твоим другом. Однако, я должна спросить тебя, знал ли ты о некоторых делах Гарриетта?

Йормунганд непонимающе развел руками.

— Гарриетт и в самом деле называл меня другом и мы много тягот делили вместе, но к чему ты клонишь, госпожа? Я не виновен в его смерти и готов поклясться, что...

— Не нужно, — прервал его Эдегор.

— Что не так с Гарриеттом? — спросил Йормунганд. — Я думал, все погрузится в тоску, он был веселым и добрым малым, многим помогал, но люди как будто избегают даже упомянуть его по имени.

— Никто не хочет марать себя предателем, — подал голос Стаккард. Он сидел у ног Раннвейг, как псы у ног Эдегора.

— Не тебе говорить о предательстве, — сказал Йормунганд.

Стаккард скривил тонкие губы.

— Ты о том, что убил я собственного названного брата по колдовскому наущению и был отринут сородичами?

— И не тебе говорить про колдовское наущение, — Йормунганд уже начал всерьез опасаться, что вскипит и тем опозорит себя перед князем и унижится в глазах княжеской четы, не говоря уж о гостях. Только не на пиру, только не здесь. Он же даже не пьян.

— Гарриетт, как известно, шпионил в пользу Ванадис, — сказал Стаккард

— Врешь!

— Могу поручиться, что правда, — ухмылка Стаккарда стала еще шире. — И вот еще что. Я не видел его тела среди погибших в тот день.

— Тот день, что поубивали вы славных ребят Эдегора, — сказал Йормунганд. — Но после того дня даже меня не всякий узнает. Ты же ни разу не видел Гарриетта в лицо. Так что не говори нелепости с такой уверенностью.

Стаккард раскрыл рот, но Йормунганд резко поклонился, пробормотал:

— Прошу простить, — и размашистыми шагами ушел в другой конец зала.

Раннвейг и Эдегор проводили его взглядами.

— Подарок и впрямь хорош, — заметил князь, снова беря со стола кубок с птицами. — Интересно, что за кость?

— Какое-нибудь животное, — пожала плечами Раннвейг.

— Знакомая работа. Похоже. наш колдун захаживает к цвергу в башне.

— К тому ужасному коротышке? — Раннвейг передернуло.

Он хорош, и больше не по мечам, пусть они и ценятся как ничто другое. Его уродливая душа позволяет создавать прекрасные вещицы.

Раннвейг захотелось прислониться к плечу мужа, но столь фривольный жест выглядел бы неловко, если бы его сделал она, да еще на пиру, где все смотрят. Но на самом деле никто не смотрел. Раннвейг с возвышения созерцала скромный, по меркам Гладсшейна, пир, где бывала она лишь раз с Йордом, и зареклась подвергать себя новым унижениям встреч с его родней. Йорд. Он выжил, и втайне Раннвейг об этом сожалела. Йормунганд не справился, вернулся израненный и как будто не знал, куда себя деть. Она не знала, таким ли он был до изгнания, или ее прихоть изменила его. Она и сама изменилась. Сила Йормунганда возросла многократно, пусть он и несчастен, это она почувствовала, а вот ее воля засыхала как

гербера без воды.

Стаккард поднял на нее взгляд темных карих глаз. Раннвейг толкнула его ногой, чтоб не смотрел.

— Умеешь петь? — спросил Эдегор.

— А? — удивленно откликнулся Стаккард. Раньше Эдегор его не замечал и не заговаривал с ним, после того, первого допроса. — Нет, пою я ужасно. У кота с прищеленным хвостом получится лучше.

— Молодежь. В мое время каждый уважающий себя колдун непременно умел петь и слагать стихи.

— В наше время колдуны предпочитают не называться колдунами, — сказал Стаккард.

— А, может, все же умеешь? Ну-ка, спой!

— Даже если вы прикажете мне, музыкальные таланты у меня не появятся, — терпеливо сказал Стаккард.

— Да что такое!? Еще и перечит мне!

— Успокойся, солнце мое, он не умеет петь, пусть поют те, кто умеет, — мягко сказала Раннвейг.

Эдегор хмыкнул в усы.

— Ни петь, ни искать пропажи, на что же ты годеи?

— Детей госпожи и Йормун... — начал Стаккард, но Раннвейг снова легонько пнула его.

— Пойди, взгляни, не нужна ли помощь Валонхейму. Он сегодня из сил выбивается.

Стаккард украдкой посмотрел в сторону Йормунганда. И так было понятно, что он не собирался долго оставаться на пиру. Слуги рассказали Стаккарду о сложных отношениях Йормунганда и Элоди, но догадаться, что из рассказанного правда, а что нет — невозможно. Бесспорным оставалось лишь то, что Йормунганд и в самом деле нравился дочери князя, но насколько глубоко ее чувство, этого Стаккард понять еще не мог.

Случись такое со Стаккардом, и он бы уже стал зятем и наследником Эдегора. Валонхейма же можно и вовсе не брать в расчет. Как слепо он доверился гардарикскому шпиону Гарриетту, а потом и Йормунганду. Стаккард с удовольствием унаследует лабораторию одноглазого, едва его казнят за пособничество в шпионаже. Вот только, похоже, Эдегор, хоть и не показывает виду, но все же ценит победу над Йордом, пусть и бесчестным способом. Стаккард и подумать не мог, что Йормунганд способен на такую магию. Тогда бы с самого начала прикончил его меж костров без разговоров.

Покровительство Раннвейг дало Стаккарду фору. И теперь, едва поднявшись от ног госпожи, он снова оказался в своей стихии, в окружении недоверчивых, злых и насмешливых чужаков.

— Эй, ты новый шут княжны, нэ?

— Шапку с бубенчиками потерял?

— А станцуй что-нибудь!

"На могиле твоей станцюю" — Стаккард ловко избегал столкновений с подпившими гостями. Есть дела и поважнее.

Элоди выбралась из угла, где стояла рядом с Йормунгандом, и теперь восседала на почетном месте, как и подобает дочери Эдегора. Она почти ничего не ела, морщась от запаха проносимых мимо блюд. Дэунья качала головой и изредка уговаривала хотя бы пригубить вина.

— Прекрасное платье, госпожа, — сказал Стаккард вместо приветствия. — Серые ленты особенно прекрасны.

— Подходят к цвету лица? — спросила Элоди.

— Разве что к моему. Поскольку вы забыли мое имя, я — Стаккард.

— Все равно не запомню.

— Со временем?

— Думаю, его у нашего знакомства будет не слишком много.

Дуэнья покачала головой.

— Вы ведь уже не подросток, — сказал Стаккард, — но все так же молоды в душе. Могу пригласить вас на танец?

— Мне нездоровится.

— Госпожа моя, — Стаккард придвинулся ближе, так, что его дыхание коснулось щеки Элисбет. — Я могу излечить любую вашу горечь.

Княжна отшатнулась. Тут же за Стаккардом образовался дюжий слуга, готовый защитить госпожу. Стаккард в недоумении уставился, как она, едва не сметая тарелки и опрокидывая кресло, вскакивает и тянет дуэнью за рукав. Под нарумяненными щеками вспыхнул настоящий румянец, но Стаккард знал, что это не смущение — испуг.

Смолкла музыка, гости уставились на него, дамы переговаривались, прикрывая рты ладошками.

Странная семья, — сказал он себе, — странные люди, странные отношения. Как будто из хрусталя, только тронь — звон и трещина. Будь Маркус жив, он бы здорово посмеялся над затруднениями Стаккарда. Маркус умел нравиться людям, его любили куда больше Стаккрада, даже то, что проклятый одноглазый был виновен в гибели его лучшего друга, Стаккарду пришлось уходить так спешно, как только мог. Йорд, похоже, надеялся, что Стаккард сгинет в местных лесах, но нет. Теперь Йорд возвращается домой без славы, без чести, и без Раннвейг. Даже Дочери не помогли.

— Витаешь в облаках? Раздумываешь, как бы напугать невинных дев? — голос Валонхейма заставил Стаккарда вздрогнуть.

— Твоя сестра слишком пугливая даже для невинной девы, — сказал он.

— Смотри, укусит со сраху, — сказал Валонхейм. Он выглядел усталым, как будто подготовка к пиру и сам праздник и в самом деле измотали его.

— Тебе нужна моя помощь? — осведомился Стаккард.

— Можешь подмести залу после пира, — сказал Валонхейм.

— Могу зачаровать метлы, так, что они сами подметут.

— Не надо. Слышал я об одном таком случае, но все закончилось плохо.

— Как друг Йормуна, ты удручен положением, в котором он оказался?

Валонхейм пригладил тонкие, торчащие над губой усики.

— Я не друг Йормуну и я не враг ему, я не слежу за его судьбой. Мне по-настоящему жаль Гарриетта, он было хорошим человеком, пока Йорд с твоей помощью его не убил.

— Эй, не вини меня, это война и...

— Да, потому ты еще жив и рассказываешь сказки, которые Гарриетт не может не подтвердить, ни опровергнуть.

— Господин мой...

— Ох, не паясничай. Я редко демонстрирую свое пренебрежение в лицо, но ты у нас исключение. Захочешь помочь по хозяйству, жду тебя с метлами после пира, но лучше — не

утруждайся.

Валонхейм отряхнул невидимые пылинки с плеча и едва наклонил голову, прощаясь. Даже в шумном зале Стаккард расслышал мерный звук его удаляющихся шагов.

— Меня отчитал бастард, — Стаккард взъерошил короткие волосы. — Будет сложно.

Он пригляделся к остальным гостям. Отдаленность от Гладсшейна давала о себе знать, люди не особо походили на разношерстный двор Альфедра, но и здесь интересных людей хватало. Когда они подходили с выражением почтения к Эдегору, Стаккард постарался запомнить некоторые имена. Ближайшего соратника Эдегора зовут Хальдор. Высокий, с густой коричневой бородой, в которую едва закралась седина. Вот он обняв жену, подливает ей темно-красное неразбавленное вино. Он прячет губы в ее волосы и улыбается. Тонколицый, угловатый как подросток, но уже с плешивой головой Сёрен перебирает звенья золотой цепи на шее, пальцы желтые, костяшки торчат. Он немногословен и часто кашляет в кулак. Как ясень среди степи сидит Хенриэтте, дальняя родственница Раннвейг, принятая ко двору из милости. На ней платье не по фигуре, слишком обтягивающее могучие прелести, но сотрапезнику она нравится. Лицо Сверре пересекает шрам задевший часть щеки и губы, так что застыла вечная ухмылка. На женщинах многослойные украшения, одежда мужчин вышита камнями и бисером. Стаккард склонил голову, Магнус назвал бы собравшихся божками переполненными подношениями, каких видели они во время путешествий, покоряя новые земли воле Альфедра.

Темное одеяние с капюшоном приготовлено заранее. Дуэнья подала его Элоди, едва они оказались вне замковых стен. Дождей не было, но земля почему-то потемнела от влаги, прямо посреди лужи лежал бородой кверху внучатый племянник Эдегора Йенс. На молодом лице можно было бы рассмотреть следы от оспы, если бы дуэнья прихватила бы с собой факел. Луна еще только народилась, так что переодеваться пришлось в ее тусклом свете. тишина, нарушаемая лишь храпом Йенса пугала. Губы у Элоди дрожали, пусть и старалась она держать лицо.

— Ох, не доверялись бы вы вертихвосту этому, — причитала старушка, помогая Элисбае попасть в рукава.

— Я пила твой отвар, и он не помог, — шикнула Элоди. — Не надо было меня жалеть и дать верное средство, а не водичку.

— Так я все как надо заварила, — сказала дуэнья, старательно прилаживая шнуровки прятанные блеск праздничного платья. — Колдун лучше не справится. А ну как потом и вовсе родить не сможете?

— Пусть, — сказала Элоди.

— Госпожа моя...

— Хватит!

— Да что же он с вами делать будет? Неужто вы ему в таком виде покажетесь?

Элоди нахмурилась. До этой минуты она не думала, что будет делать с ней Йормунганд. Не верилось, что он намеренно причинит ей боль, и что перед ним придется раздеваться, и он будет... А что он будет?

— Не ходите, — взмолилась дуэнья.

Элоди опустила взгляд на начавший полнеть уже живот.

— Он даст мне другой отвар, — сказала она с долей сомнения, — сильнее. Я усну и проснусь уже без... опухоли.

— Да как же вы так о дитя?!

— Это не дитя! — вспылила Элоди. — Дрянь внутри меня! Поди, посмотри, ждет меня или нет?

Йенс всхрипнул, обе женщины притихли, прислушиваясь к спящему. Но здоровяк повернулся на бок и неожиданно надул в штаны, так что Элоди поморщилась, а дуэнья покачала головой. Йенс потер затылок, почесался, но так и не проснулся.

Дуэнья недовольно шурша юбками выглянула за ворота.

Йормунганд стоял у самой калитки. Рядом ожидала крытая повозка, возница нервничал и крутился, будто сидел причинным местом на занозе.

— Ждет, — шепнула дуэнья, вернувшись к Элоди.

— Хорошо, — сказала Элоди и громко вздохнула.

— Берегите себя, госпожа, — пробормотала дуэнья.

— Я уже разок себя не поберегла, но теперь-то все будет хорошо, — сказала Элоди.

Дуэнья слышала, как стукнула калитка и через минуту шум удаляющейся повозки.

— Не убежишь от судьбы, от судьбы-то не убежишь, — бормотала старушка, возвращаясь темными коридорами в каморку при покоях госпожи.

Подготовить что-нибудь толковое за короткий срок Йормунганд не успел. Он рассчитывал на отчаяние Элоди, которой не терпелось избавиться от плода. Йормунганд не сомневался, что она уже пила отвары из ягод можжевельника и морского лука. Оставалось только поразиться цеплянию за жизнь существа внутри нее. Йормунганд прикидывал, как сможет использовать княжну в будущем, но пока он был ей нужен больше, чем она ему.

Хуже всего, что он не совсем представлял себе, что нужно делать. Когда он лечился у Галеты, старая Дочь делала абортс деревенским женщинам, продавала отвары, но его на процедуры, естественно, не пускала. Да он и не любопытствовал особо, но кое-что все же разузнал.

Во-первых, палочка из руты с заостренным концом, во-вторых ванна из отвала алтеи. Ничего хитрого, и Элоди ему достаточно безразлична, чтобы без содрогания копаться у нее между ног. Бедная девочка, как она прихорашивалась перед ним, как топорщила свои перышки, маленькая птичка. Йормунганд поглядывал на бледное лицо Элоди, едва видимое в темноте повозки. Множество мужчин готовы были на все ради одного взгляда молодой княжны. Интересно, в чьи же объятия она бросилась, стоило Йормунганду скрыться из виду?

— А отец ребенка знает, что... он отец ребенка?

— Думаю, того он и добивался, — сказала Элоди.

Йормунганд не ожидал, что она ответит. Думал, отмахнется или обидится.

— Вы уверены, что хотите избавиться от дитя? — спросил он осторожно.

— Конечно, это же позор! — воскликнула Элоди и вся сжалась.

— Нет позора, чтобы появилась новая жизнь, — возразил Йормунганд, чувствуя кислый привкус на языке от собственных лицемерных слов.

Элоди посмотрела на него долгим взглядом. В повозке никого кроме них не было, и темнота скрадывала лица.

— Я бы оставила ребенка, — сказала она, — будь он твоим. Даже если бы ты никогда больше не прикоснулся ко мне. Даже если бы отец отказался от меня, даже если бы я лишилась всего, что имею и имя мое произносилось бы только с порицанием, я была бы счастлива носить твое дитя.

Йормунганд почувствовал, как кровь приливает к щекам и порадовался, что в повозке темно.

— Но ребенок нежеланный, и ничего его в этом мире не ждет, кроме моей ненависти да безразличия. Поверь, я бы хотела чувствовать что-то иное, но пусть лучше у меня вовсе не будет детей, чем он родится.

— Понимаю, — произнес Йормунганд.

— Приехали, — крикнул возница, и Йормунганд выскользнул из повозки, и подал руку Элоди, чья фигурка потеряла былую легкость, но пока еще оставалась изящной.

— Где мы? — спросила Элоди, приподнимая край капюшона с лица.

— Все еще в вотчинах твоего отца, — улыбнулся Йормунганд, — там, где приличные люди стараются не бывать.

— Хм, — сказала Элоди, оглядывая пыльную разбитую мостовую, покореженные, как будто стремящиеся забраться под землю от своей неказистости, хижины, вдохнула воздух с запахом нечистот, — подходящее место для таких как я.

— Не будьте к себе суровы, госпожа моя, — сказал Йормунганд. В руке он держал кожаный мешок с инструментами, за другую руку держалась Элоди и беспокойно озиралась.

— Ну же, — сказала она, — быстрее.

— И верно, — сказал Йормунганд и повел ее к ближайшей двери завалившегося набок двухэтажного домика. Меньше всего Элоди ожидала увидеть в дверях высокую немолодую даму в широкой шляпке украшенной длинными потрепанными перьями, чей цвет еще угадывался, если приглядеться. Платье ее пестрело заплатами, да и изначально было пошито из разных кусков ткани. На плечах дама держала что-то вроде шарфа тоже из перьев.

— Это называется боа, — сказала она низким томным голосом, заметив взгляд Элоди. От дамы разлило кислым вином и запахом сирени. Элоди не выносила сирень и теперь тошнота вновь подступила к горлу.

— Ну-ну, девочка, — сказала женщина, заботливо поддерживая капюшон Элоди, пока та согнулась у стены, — скоро все закончится и сразу полегчает.

Йормунганд подхватил Элоди под руку и практически втащил внутрь. Дама в перьях вплыла следом.

— Мама? — маленький ребенок выглянул из комнаты, выставив грязный носик. темные глазки блестели от любопытства.

— Ну-ка, иди на кухню! Я тебе что сказала?! — прикрикнула женщина, сбрасывая с плеч боа. Без него она оказалась еще шире в плечах и кряжистой, чем казалась изначально.

Элоди смотрела на даму во все глаза, в горле застрял комок. Так значит, такие женщины нравятся Йормуну, так вот чье теплое жесткое тело он предпочел нежности княжеской дочери.

— Нагрела воды? — спросил Йормунганд даму. Он не спешил представить ее и не называл при Элисбабет по имени, как Элоди догадывалась, не случайно.

— Зачем мы здесь? — спросила она его тихо, вновь взявшись за рукав. — Давай уйдем.

— Передумала? — беспокойно спросил он, глянув единственным глазом.

Элоди не знала, что ответить. ей хотелось избавиться от проблемы, но теперь ей стало страшно находится в этом старом доме со скрипучими полами и кривыми стенами. Ее пугала подвыпившая женщина, а больше всего пугало, как непринужденно Йормунганд вел себя в такой обстановке. Как по-хозяйски вытащил железную бадью в середину комнатки рядом с кухней и наполнил ее водой. запахло алтеей.

— Раздевайся, — бросил Йормунганд Элоди, что стояла сжавшись у самой двери.

— То есть? — пробормотала она, — совсем?

— Да, раздевайтесь, — повторил он нетерпеливо.

— Детей-то, поди, не одетой делали, так и на свет вытаскивать их — надо одежду снимать, — сказала дама ухмыляясь. Элоди быстро освободилась от темной накидки с капюшоном. Платье с жемчужными лентами контрастом выделилось в полумраке дома. Женщина отпрянула, оторопев.

— Госпожа моя, да вы никак знатного рода, — сказала она. — Или содержанка чья? — добавила она прищурившись.

— Знатного рода, — сказал Йормунганд. Он достал бутыль светло-зеленого стекла, пахнущую полынью и чем-то еще, сладким, алкогольным. Элоди без слов поняла, чего он от нее хочет и прильнула к горлышку бутылки. Жидкость обожгла ей рот и горло, в голове зашумело и Элоди принялась неловко освобождаться от наряда. Дама забежала возле нее, помогая с веревочками и застежками.

— Красивое платье, — восхищенно бормотала она. — В жизни такого в руках не держала.

Элоди сделала еще глоток.

— Йормун, — спросила она, уже едва ворочая языком, — а ты правда любишь вот, — она ткнула пальцем в сторону женщины с перьями, — вот ее?

Дама фыркнула не сдержавшись, у Йормунганда появилось забавное выражение лица.

— Я никого не люблю, госпожа моя, — сказал он. — давайте уже в ванну, холодно.

Элоди неловко переступая ногами, зашлепала по воде и так же неловко села, по наитию раздвинув ноги, насколько позволяла бадья, которую Йормунганд назвал "ванной".

— Что теперь? — спросила она. Дама в перьях тем временем подхватила бутыль с остатками поила и быстро украдкой все выпила.

— Погоди немного, — сказал Йормунганд. Он старался не смотреть на Элоди тщательно затачивая прут руты. Почему-то Элоди не могла смотреть, как он это делает. Зато дама в перьях пялилась во все глаза, оперевшись на бортик бадьи и наклонив голову для лучшего обзора.

— Ха, первый раз по эту сторону.

— Спасибо, что откликнулась, — сказал Йормунганд.

— Все для друга моего друга, — сказала дама. — Пусть ты ко мне и не ходишь больше, Гарриетт был хорошим человеком. Я помогаю тебе в память о нем.

— Гарриетт? — спросила Элоди, которую разморила выпивка и сидение в горячей воде. — А да, тот шпион.

— Шпион? — переспросил Йормунганд, обернувшись к Элоди с прутиком в руках.

— Да, сказала она. Шпион Ванадис и ее брата Ингви, все это время, представляешь? Папа думал, что и ты тоже, но ты так хорошо показал себя в битве с Йордом, что решили не спрашивать тебя. Вдруг ты выдашь себя как шпиона, а если нет, то тем лучше не унижать тебя обвинениями. Моя отец, — сказала она, расслабляясь, — очень умный.

Дама в перьях и Йормунганд переглянулись.

— Ты что-нибудь знаешь об этом, Симона? — спросил он.

— Ничего, — сказала она быстро. — Вода стынет, пора начинать.

— Верно, — сказал Йормунганд. Его плащ уже небрежно лежал на кровати, но он все еще оставался в темной одежде и тяжелых кованых сапогах. Склонившись как можно ниже,

он заглянул к Элоди между ног, она попыталась прикрыться, но он легко откинул ее руку. Симон зашла позади нее, готовая схватить и зажать рот в случае надобности

— Будет немного больно, — сказал Йормунганд.

В дверь раздался стук.

Йормунганд и Симона замерли над распростершейся в скабрезной позе Элоди.

— Что там? — пробормотала она пьяным голосом.

— Дверью ошиблись, — сказал Йормунганд, не спуская взгляд с входа.

— Постучат и уйдут, — согласилась Симона. Она положила руки на плечи Элоди.

Йормунганд подул на заостренный прут и развернулся к княжне, когда стук повторился.

— Вас кто-то видел? — спросила Симона у Йормунганда. — Вы привели с собой хвост.

— Хвост? — не понял Йормунганд. — Никого не было.

— Открывай, не то дверь поломаю! — взревел мужской голос. — По приказу Эдегора.

На кухне захныкал ребенок.

— Это Дидериксен, — произнес Йормунганд шепотом. — Зараза, зараза, чтоб его...

— Пойду посмотрю, — сказала Симона и подхватив юбки, поспешила к двери.

Йормунганд услышал, как заскрипел убираемый засов, а потом дверь распахнулась.

— Вам что надо, мужчинка? — высоким голосом заверещала Симона. — У меня клиент, мы тут полным ходом, а приходится бежать отворять двери, все удовольствие человеку портите!

— Помолчи, дура, — судя по топоту с Дидериксеном пришло не меньше взвода солдат. Ребенок продолжал плакать, забившись на кухне в угол. — А не то мы доставим тебе удовольствие. В каких отношениях ты состояла с Гарриеттом?

— Кем? Не знаю такого. Много кто приходит, да не каждый называется. У меня приличный дом, никто на меня не жаловался. Ребенка вот испугали.

— С нами пойдешь.

— А ребенок?

— Нужен нам твой ребенок.

— Он мне нужен, — запротестовала Симона уже всерьез. — С кем не его оставить, болваны? Если он умрет тут с голоду. каждого из вас прокляну так, что век помнить будете! Да кто же моего малютку приголубит! — взвыла она в голос.

Элоди стало холодно в остывающей бадье, она нетерпеливо пошевелилась и произнесла пьяным голосом:

— Уже все?

Йормунганд бросился зажимать ей рот. Так его и застукали Дидериксен, чья борода топорщилась, а лицо покраснело от напряжения, цепляющаяся за рукав Симона, и два солдата, в чьи обязанности явно не входило успокаивать разошедшихся детей и их мамаш.

— Йормун? — тупо произнес Дидериксен.

— Княжна? — сказал один из солдат и сделал шаг вперед.

Дидериксен перевел взгляд на раздетую, усаженную в бадью Элоди. Йормунганд все еще удерживал руку у ее лица.

— Что тут происходит? Что ты с ней делаешь? — начал он. Йормунганд медленно убрал руку, он уже представлял, что скажет, если его не повесят сразу, на первом же столбе.

— Княжне нужна помощь, — сказал он, — которую оказать могу только я. Она, эээ, женского свойства и...

Элоди наклонилась вперед и ее вырвало.

— Йормун, не хочу ребенка, — захныкала она, — ты уже вытащил его из меня?

Дидериксен поменялся в лице, как и двое солдат рядом с ним.

— Госпожа моя, — сказал Дидериксен. Его черная борода взъерошилась еще выше, а лицо покраснело еще больше, до самой шеи.

— Она не будет благодарна, когда очнется и поймет, что я помог ей по вашей вине. рано или поздно с вас причтется, — сказал Йормунганд, ткнув в сторону Дидериксена острым прутиком.

— Я знаю, что ты делаешь, — сказал солдат, — у меня шесть сестер и я самый младший. От того, что ты творишь — умирают.

— Не всегда же, — сказал Йормунганд и осекся.

— Взять его, — сказал Дидериксен. Через минуту Йормунганд уже со связанными руками стоял под открытым небом и вокруг него было достаточно людей, чтобы не думать о побеге. И все же Йормунганд предпринял попытку договориться еще раз.

— Князь все равно не примет ребенка, — сказал он Дидериксену. — Не мне, так кому-нибудь другому придется делать скорбный труд.

— Поговори мне еще, — прошипел Дидериксен. — Только потому, что мы ладили, у тебя еще рожа не в кашу. Так что поменьше болтай, не то передумаю.

— У меня тож так сестра померла, — немедленно начал рассказывать один из солдат. — Выпила, знач, настойки какой-то, кровью и изошла. Думали спасется, ан нет. Да и все дурость виновата. А некоторые так себя годами травят — и ничего.

— Так привыкшие, — сказал другой солдат. — Блядовать-то все бабы любят.

— Думаешь, колдун ей дитя и сделал?

— Кому?

— Да княжне.

— Ага, а потом сам же и выпростать хотел. Вот же блядский сын.

Йормунганд скрипнул зубами.

Элоди вели тут же, под руки. Кое-как надетое на нее платье волочилось подолом по земле. Изысканные кружева превратились в лохмотья. Временами она хныкала и пыталась вырваться, но Дидериксен держал крепко. Меньше всего ему хотелось докладывать, что вместо шпионского логова он обнаружил колдуна с раздетой госпожой, и, как говорили некоторые солдаты, собирался извлечь из нее греховный плод, который, возможно, сам и породил. Дидериксен вздыхал, вертел головой. Йормунганд шел позади него, и Дидериксен боялся, что тот найдет порчу единственным своим зеленеющим глазом. Эдегор наверняка уже спит, соображал Дидериксен, лучше будет доложить обо всем с утра пораньше, когда госпожа Элоди придет в себя и будет выглядеть получше. Нда, сходил за шпионкой.

— Стой! — рявкнул Дидериксен. Элоди икнула и остановилась. — Где та баба в перьях? Солдаты удивленно переглянулись.

— Какая баба? — спросил один из них, который заходил вместе с Дидериксеном в комнату с Элоди.

— Ну та, за которой мы и пришли.

— Так вы ее брать не приказывали, мы и не взяли, — сказал солдат, почесывая затылок.

Дидериксен охнул, махнул паре ребят, чтобы вернулись. проверили дом. те неохотно, отошли уже на приличное расстояние, пошли в обратную сторону.

— Вы и в самом деле думаете, что Симона шпионка? — сказал Йормунганд. Руки уже саднило от веревки.

— Гарриетт передавал сведения о делах Эдегора прямиком во двор Ингви, а тот — своей сестре, — сказал Дидериксен, — это уже дело верное. А вот ты — вредитель по своей злобе, умыслу или наущению, предстоит только выяснить. ну да у нас мастера такие, все расскажешь, и даже сверх того.

— Не сомневаюсь, — сказал Йормунганд кривя уголки губ.

— Ворожить после того вряд ли сможешь, — продолжал Дидериксен. — Да и в измене обвинят, это точно. Ведь дружбу водил с Гарриеттом, сукиным сыном.

— Да с чего вы взяли, что Гарриетт — шпион? Стаккард сказал? Он же его оговорил, чтобы спасти свою шкуру! Я не могу поверить, что Эдегор принял признания Стаккарда на веру.

— Стаккард привез переписку, — сказал Дидериксен. — Депеши, все-все-все, написанные рукой Гарриетта, и прямо ко двору Ингви доставляемые. Потом их требовалась сжечь по-хорошему, но Ингви тот еще бестолочь хранит что надо и не надо на всякий случай. Вот случай и представился. карта от Гарриетта самая точная, какая есть. Хорошо рисовал, зараза.

— И путешествовал много, — произнес Йормунганд одними губами.

— Верно, и везде умудрялся без мыла пролезть. Дружбу водил полезную, с тобой вот, с Валонхеймом, ну и досталось же ему, и еще достанется. Хотя и не как тебе, хе-хе. Куда ж тебя на ночь определить? Не в камеру же садить, сбежишь колдовством своим. О, точно, в цвергу тебя посажу. Вы с ним давние приятели, разделите все тяготы, хе-хе.

Йормунганд прикусил губу.

— Пусть так, — сказал он.

— Ну, спасибо что разрешил, — ухмыльнулся Дидериксен.

Тяжелый засов отодвинулся со скрипом, будто распахнулись двери преисподней. Пахнуло застоявшимся воздухом, вонью и жаром. Запах немытого тела довлел надо всем. Печи потушили лишь недавно, Бьярне собирался отходить ко сну. Он лежал на куче грязного тряпья на сундуке, подтянув колени к подбородку.

На пороге стоял Йормунганд. Всклоченный, глаз горел как у дикого кота, руки стягивали веревки. Солдат толкнул его в спину, так что он едва не растянулся на полу засыпанным скользкими опилками и мусором. Дверь тут же захлопнулась, заворочался засов.

— Отличая идея, посадить меня в башне с кучей острых предметов, — пробормотал Йормунганд.

Бьярне тряхнул головой, прогоняя видение, но Йормунганд не исчез. Повязка размоталась и свисала с уха, обнажив повал на месте глаза и длинный шрам пересекающий правую часть лица. На лице наливались багровым ссадины, видимо, Йормунганда все же как следует приложили по дороге. Колдун передернул плечами и веревки опали с шелестом упав к ногам.

— Какими судьбами? — поинтересовался Бьярне. — Почему без бухла?

— Ты еще про фейерверк спроси, — огрызнулся Йормунганд.

— Какой еще фейерверк? — Бьярне едва успел отшатнуться, когда Йормунганд резко оказался у маленького смотрового окна.

— Меня, вероятно, казнят завтра, — сказал Йормунганд, вновь обматывая голову повязкой, — вряд ли будут держать взаперти годами.

— Чего натворил? — спросил Бьярне с любопытством.

— Хотел сделать аборт дочери князя.

Бьярне присвистнул.

— Получилось?

— Нет.

— Вот и славно.

— Что славного? — Йормунганд обернулся к цвергу.

— То, что ребятенка моего не изничтожил. Хех, будет теперь мой сын всем здесь заправлять.

— О чем ты говоришь?

— Не скумекал шголь? Я ребятенка Эдегороской девке заделал, пока она тут от тоски к тебе плакаться ходила. Я ж единственный друг твой, долговязого ты с собой забрал. Хотела поговорить о тебе, душу облегчить. Я и помог чем смог.

Йормунганд не сводил взгляда с посмеивающегося цверга. Маленький, с перерезанными жилами, заросший и вонючий, он походил на злобного старичка-боровичка, что сладкими ягодками заманивает вглубь леса детей.

— А ты что думал — скучно мне без бабы, а тут сама пришла. Тебя и впрямь казнят, хе-хе, думал — за другое, но и так сойдет.

— За что еще меня должны были казнить? — цвер явно повредился умом и нес околесицу.

— За убийство невинных отроков, — сказал цверг. — Ты и кубки из черепов их подарил, за свое творение выдал же, да?

— Те кубки?..

— Те, мальчишка, те самые.

Йормунганд прошипел проклятье на ирмунсульском.

— Хех, — Бьярне поднялся опираясь на древко, — нет, так просто не возьмешь.

Он расхохотался.

— Как я их, Йормун, а? Как я их?

— За что ты так со мной? — Йормунганд начал медленно подбираться к цвергу вдоль стены.

— Из мести, — сказал Бьярне. — Да и скучно же, говорю.

Йормунганд двигался неуверенно. Ноги будто не держали его, глаза слезились от вони и он задыхался в спертom воздухе кузни.

— Я пока сидел тут, все время думал, — сказал Бьярне, — все кумекал, как ты меня вытащить собираешься, пока не скумекал, что никак. Ты уж и звать меня как забыл. Бросишь бутылочку, и я уже готов хвостом вилять, да? Так ты думал, да?

Он схватил почти готовый, но не заточенный еще топор и крутанул его над головой. Раздался грохот. Йормунганд отпрыгнул и налетел плечом на металлические слитки сложенные в подобие башенки.

— Ты же все равно умрешь, — сказал Йормунганд. — Я тебя сейчас убью, а нет, так с того света достану.

Йормунганд нырнул за горн, — Бьярне метнул в него железный брусok, металлическая пыль взвилась клубами. На лестнице внизу раздался топот. Йормунганд попытался достать его из-за горна, но едва успел уклониться от топора.

— А боец-то ты никудышный, — сказал Бьярне.

— Не в этом мой талант, — ответил Йормунганд.

— Все никак не переваришь, а? Не можешь понять, как так получилось? — Бьярне ухмылялся.

— Нет, — сказал Йормунганд. Он прижался к стене, прикрыл глаза и лицо его потеряло всякое выражение. Бьярне поудобнее подхватил топор.

— Все, значит, — сказал он. — И даже последнего разговора с тобой не получилось.

— Даже так, — Йормунганд протянул свободную руку к Бьярне, — я ведь в самом деле считал тебя другом, — сказал он.

Бьярне поперхнулся.

— И что? Долговязый тебя тоже за друга принимал, и где он теперь?

Темное небо за маленьким окошком осветилось разноцветными огнями. Грохот сотряс башенку, красные искры залетели в окно. Йормунганд бросил в сторону окна быстрый взгляд, цверг чуть отстранился.

Йормунганд незаметно вынул из рукава длинный узкий кинжал. Стражники уже добрались до двери, отодвинули засов, и теперь замешкались, не решаясь вваливаться по одному.

— Все хорошо! — крикнул Йормунганд. — Он мертв.

Бьярне уставился на него разинув рот. Йормунганд развернул кинжал лезвием к себе и всадил в шею, почти до самой рукояти.

— Эй! — крикнул Бьярне, но его голос потонул в шуме вбегающих мужчин. Первый же

снес ему голову.

— Эй, — сказал стражник, разворачиваясь к Йормунганду.

Золото выплеснулось из шеи Йормунганда, мир утратил краски, и лишь оно блистало в подступающей тьме. Башенка опять содрогнулась от нового взрыва петард.

Он разглядел старуху за спиной у молодого воина, пока тот шел к нему с озабоченным лицом.

— Не так уж страшно, — хотел сказать Йормунганд, но из горла вырвался лишь хрип.

Старуха подняла на него белесые глаза. В ее руке красовались костяные ножницы.

— Вот и свиделись, — сказала она низким, почти мужским голосом.

— Как глупо все получилось, — сказал Стаккард Хенриэтте. Ее глаза покраснели и опухли от слез, голова покрыта черной вуалью, а с рук исчезли все украшения. Стаккард задержал взгляд на ее бледном лице и отвернулся. Сверре погиб под обломками рушившейся башни. Башню словно разорвало изнутри, а осколками и раскаленными кирпичами побило народ внизу.

Искать выживших в башне казалось бесполезно, да и от тел-то мало что осталось. Наверное, это и к лучшему, думала Элоди. Все еще бледная, она выглядела ровесницей собственной дуэньи. Теперь доподлинно известно, что ее сводные братья мертвы. Раннвейг вне себя от горя и, похоже, не ровен час, тронется умом.

Смерти Йормунганда не радовался даже Стаккард, хоть и ненавидел его. Он подолгу бродил среди обломков, в надежде разыскать круглый камушек у того с шеи. Почему-то ему казалось, что найти и похоронить что-то связанное с Йормунгандом было бы правильным.

Стаккард не обратил внимания на цокот копыт за спиной. В конце-концов, на пир собралось много народа. Любопытные сновали туда сюда, и благородные господа с интересом разглядывали разрушения.

— Эй! — окликнул его всадник. Стаккард обернулся. Против света разглядеть лицо оказалось невозможным, Стаккард понял лишь, что окликнувший плечист и бородат.

— Эй, что здесь произошло и где я могу найти ирмунсульского мага?

— Ирмунсульский маг здесь произошел и он все еще где-то здесь, разбросан среди этого мусора, — и Стаккард кивнул себе под ноги.

Всадник дернулся. сжал губы. Лошадь фыркнула, чувствуя изменившееся настроение хозяина.

— Стаккард, верно? — спросил всадник. — Похож на отца.

— Ты знаешь мое имя, — сказал Стаккард, — но себя так и не назвал.

— Лодур, — сказал всадник и, тронув поводья лошади, поскакал в сторону конюшен. Стаккард проводил его взглядом. Перепачканный с головы до пят он не мог винить Лодура в том, что тот принял его за слугу. Стаккард вновь устремил взгляд к камням и продолжил методично разбирать их. Никто не находил круглый белый камешек и Стаккард все еще надеялся хоть ненадолго завладеть им.

— Ты опоздал, — сказал Эдегор Лодуру вместо приветствия.

— И тебе не хворать, — ответил Лодур. — Я опоздал лет на двадцать.

— Твой сын...

— Князь, все это время он был под твоей опекой и это я должен спрашивать с тебя. Но не буду, потому как я человек великодушный и зла не держу.

Князь лишь чуть сдвинул брови. Годы как будто миновали Лодура стороной. Все такой же бодрый, со смешинками в зеленых глазах. Волосы уже тронула седина, но полностью потушить рыжий огонь ей не удалось. Лодур не отличался ростом, зато мог похвалиться крепостью и уверенно стоял на ногах. Бордовый плащ он завязывал на ирмунсульский манер.

В лицо Лодура было тяжело смотреть. Его избороздили морщины, но они терялись между мелкими многочисленными шрамами, что принесли Лодуру его выходки в молодости. И все равно он нравился женщинам за ту жизненную силу, что чувствовалась в нем.

— Мне всегда казалось, — сказал Эдегор, — что твой сын похож на тебя. Был похож. А теперь уже и не уверен.

— Недостаточно рыжий? — сказал Лодур.

— Рыжий как надо, — сказал Эдегор, — был. Он умер, ты знаешь?

— Мне сказал Стаккард. Что это он бродит посреди пепелища с потерянным видом?

Эдегор пожал плечами:

— У него и спрашивай. А я спрошу у тебя — чем обязан твоему визиту? Вчера у нас был пир, а сегодня тризна. На что рассчитывал попасть?

Лодур почесал под бородой.

— Я сочувствую твоему горю, — сказал он, — но твои дети отомщены, а винить в смерти моего сына мне некого.

Он поглядел в сторону, закусив губу.

— Я хочу получить что-нибудь в память о нем, — сказал Лодур. — Где он жил?

— Слуги проводят тебя до его апартаментов, — сказал князь, — возьми что захочешь и уходи.

— Лодур, — окликнул Эдегор. — Неужели ты явился повидаться с сыном? После всех лет?

— Старею, — сказал Лодур.

Лаборатория встретила его тусклыми отблесками стеклянных реторт. На столе скопилась пыль, на лежанке покоилась недочитанная книга. Синий дорожный плащ висел в углу, казалось, будто человек стоит в полумраке. Полы плаща чуть шевельнулись от сквозняка, качнулась шляпа.

Там и тут валялись безделушки, присмотревшись, Лодур узнал изображения Богини из разных земель. На столе из открытого мешочка высыпались вырезанные из кости руны. Лодур протянул руку, собрал их одну за одной. Костяные руны стукались друг о друга с приятным глухим звуком. Лодур потряс мешочек и выудил одну руну наугад.

Он не был таким знатоком, как Альфедр, и понял лишь, что руна сулит ему дорогу. Ничего нового.

В дверь тихонько постучали. Лодур не ответил и стук повторился.

— Хозяина здесь нет, — негромко сказал Лодур. — Лишь я.

В дверь заглянула девушка, светлые косы ее растрепались и лежали в беспорядке. Лицо опухло от слез. Черное шерстяное платье едва закрывало лодыжки и обтягивало грудь, придавая скорбному виду странную непристойность. Девушка сдвинув брови, глядела на него и не спешила назваться.

— Лодур, — сказал мужчина, — отец Йормунганда. А вы, госпожа?

— Элоди, дочь Эдегора, — ответила она не опуская глаз. — Йормунганд очень на вас

похож. Был, — добавила она, чуть дрогнув.

— Мне все об этом говорят, — Лодур не сдержал скупой улыбки, и Элоди уставилась на него приоткрыв рот.

— А вы хорошо его знали, сударыня?

— Не так хорошо, как хотела бы.

— Но все-таки лучше, чем я. У него были друзья?

Элоди в раздумье поднесла к губам пальчик.

— Цверг погиб вместе с ним, чему все мы рады. Гарриетт сгинул. Ммм, может быть та, — она поморщилась, — тварь в перьях.

— Тварь в перьях? — переспросил Лодур.

Элоди сделала неопределенный жест.

— Он ходил к потаскушке в городе, в течение нескольких лет. Она слабоумная и рядится в перья.

Она нехорошо усмехнулась, но тут же прикрыла рот рукой.

— Спасибо, сударыня, — сказал Лодур и протянул девушке руку. Элоди чопорно протянула свою. Ручка у нее оказалась холодная, с тонкими пальчиками и нервной голубоватой жилкой. Лодур подержал ее пару мгновений, быстро коснулся губами и отпустил. Элоди кивнула и все так же холодно произнесла:

— Вы уже закончили свои дела здесь? Я оставляла Йормуну... Йормунганду кое-что из своих вещей и теперь хочу забрать их. Слуги слишком быстро все разворовывают.

— Закончил, — Лодур еще раз поклонился и вышел. Он замер рядом с дверью, прислушиваясь. Вскоре задались всхлипывания и шум разбиваемых реторт. Истинная дочь князя, с грустью подумал он.

Раннвейг он встретил на верхней лестнице. Она посмотрела на его лиловый ирмунсульский плащ, но ничего не сказала. И вовсе не узнала его. Лодур на всякий случай поклонился.

— Айе! — сказал он низким приятным голосом, каким говорил с женщинами.

Раннвейг кивнула. В лице ее не было не кровинки и она тяжело опиралась на перила, рассеяно поглядывая вниз. Недалеко от Раннвейг стояла, переминаясь с ноги на ногу, дородная служанка, такая, что хребет коню перешибет.

— Я не видела вас на пиру, — услышал Лодур голос Раннвейг, как будто она была погружена в дремоту и на секунду открыла глаза.

— Я опоздал. Только что прибыл. Ужасное несчастье, — сказал он имея в виду разрушенную башню.

Раннвейг кивнула,

— Я догадывалась, — сказала она, — только не хотела верить. Бедные мои дети.

Лодур не понял ее фразы, но на всякий случай сделал скорбное лицо.

— Я потерял сына, — сказал он.

Раннвейг пожала плечами,

— Для мужчин это легко, — были и не были. — Мой муж всю ночь напролет заливал горе вином. А я не могла уснуть и все думала, думала. Как мало мы властны над судьбой, даже Богиня не может отвратить беды, будто ей потребны наши страдания.

Лодур взглянул на служанку, та ответила ему тяжелым безразличным взглядом.

— Йормун не верил в Богиню. Делал вид, что верит, но на самом деле нет. Поэтому егс

сердце оказалось таким черным, или что-то другое сломило его? Он мне нравился, но я знала, что не могу ему доверять, — продолжила говорить Раннвейг.

Лодур постарался вникнуть в смысл ее монотонной речи, чтобы сказать хоть слово утешения, но, похоже, Раннвейг уже забыла о его присутствии и говорила сама с собой.

В городе жизнь шла своим чередом. Накапывал дождь, холодный ветерок шевелил вывешенные ради праздника разноцветные флажки на улицах, волочил мусор по дороге. Лодур ехал на любимом боевом коне ирмунсульских кровей, что объездил когда-то во дворе своей второй жены — Ангаборды. Йормунганд, старший из его сыновей, умер. Лодур вспоминал его рыжие вихры и зеленые большие глаза, так похожие на его, и представлял, как принесет Ангаборде скорбную весть и как подожмет она тонкие губы. И во взгляде ее будет — ты виноват. Но, конечно, не ничего он ей не принесет, весть разлетится сама собой, а его бывшая жена его и на порог не пустит. Теперь у нее новая жизнь, новые дети. Те, что родила она от него, разлетелись, вобрав от него самую его суть, поделив ее на троих. Фенриру — сила и воля. В одиночку он смог пережить предательство ближайшего друга, бороться, уйти в изгнание и даже там оставаться опасным. Хель — амбиции, и она сделала больше чем отец, стала правительницей обширных земель, которыми правит твердой рукой. И лишь Йормунганд, унаследовавший ум и талант, сгинул в далеких землях, останки его развеет такой же холодный ветерок.

Лодур поднес руку к глазам. Их щипало, будто ветром надуло.

Староват я стал, думал он, пока конь медленно перебирал копытами, староват.

Высунувшись из-за угла дома, его проводила взглядом женщина укутанная в шарф из потускневших разноцветных перьев, маленький мальчик цеплялся за ее подол.

В далеком Гладсшейне хоронили младшего сына князя, любимца матери, надежду отца, хорошенького Бальдера. И после смерти его лицо оставалось свежим, а щеки пылали как розы. Горожане перешептывались, что по-хорошему, голову покойнику следовало отрубить, а тело сжечь. Но кто же посмеет сказать такое князю, который вне себя от горя?

Еще говорили, что погубил парня побратим князя, Лодур, что терпение князя лопнуло и он так этого не оставит. И только Фригга посмела встать в защиту любовника. А в том, что Лодур точно наставил рога Альфедру никто не сомневался. Уж очень мужчина из себя Лодур видный, рыжий, могучий. Альфедр рядом с ним старый и потрепанный, как его псы.

Хоронили Бальдера. Вынесли во двор, положили на ладью и понесли в поле, сложить вокруг курган.

Заморосил дождь. Человек в плаще чихнул и утре нос рукавом.

Он взглянул на плакальщиц, на Альфедра, у которого дрожали руки, и на притихшую, будто пришибленную, Фриггу. Он подумал, огорчился ли его отец, когда узнал о его смерти. Он не знал.

На ладью возвели молодую женщину, ей помог подняться один из воинов. Окружающие не видят, но Йормунганд знает, что ей свернут шею. Так надо, так правильно. Теперь она лежит, закинув руку на грудь Бальдера, словно спит рядом с мужем. Возможно, они не были даже случайными любовниками.

Теперь ладью можно засыпать, а потом завалить валунами. Обычное дело.

Рядом с Альфедром стоит высокий рыжий человек. Йормунганд едва замечает его. Он смотрит на мать, она тоже тут. За ее юбку цепляется ребенок. Мальчик светловолос и

голубоглаз как и его отец. До Йормунганда дошли слухи, что ее супружеская связь прервалась и теперь они живут отдельно. Что ж, за матерью хотя бы оставили ее владения. Она постарела, а еще она поглядывает на высокого рыжеволосого мужчину рядом с князем. Йормун вновь взглянул на него. Двое подростков стоят по сторонам. Симпатичные, с тонкими изящными лицами.

— Будет поминальный пир, — сказал здоровяк рядом с Йормунгандом.

— Вот как.

— Я должен бы идти, да не хочу. А ты пойдешь, Гвальдеринг?

— Шутишь? А если узнают и вздернут во имя Альфедра?

— Дааа, он любит это дело. Почти так же как баб. Да только тебя не узнать, я-то еле признал.

— Как думаешь, что шепнул Альфедр на ухо Бальдеру? Ты видел, он наклонился над телом и что-то прошептал ему.

— Ну ты и спросил! Так пойдешь?

— Нет, мне нечего там делать. На пирах от меня одни неприятности.

Здоровяк расхохотался как хорошей шутке.

Йормунганд постоял под набирающим силу дождем, плащ его промок насквозь и капюшон не защищал от влаги. Здоровяк, его знакомый, ушел пить поминальное вино и желать Бальдеру легкого пути в преисподнюю.

После недолгих раздумий, Йормунганд явился прямо к началу пира. Возле дальних столов уже толкались, будто люди сроду не ели. Альфедр сидел на своем месте, будто и не двигался с тех пор, как Йормунганд видел его годы назад. Глубокие морщины легли возле глаз. Его жена уже не пыталась скрыть седину, хоть и выглядела моложе супруга. Ньрд оставался все тем же. Ангаборда сидела по правую руку от Ньрда. Хоть они и не жили вместе, однако супругами по-прежнему являлись. Йормунганду на мгновение захотелось чтобы она взглянула на своего первенца, но за ее юбку держался другой маленький мальчик. И он сдержался.

Дождь все усиливался, и уже стена воды непрерывно извергалась с неба. Йормунганд сделал несколько шагов, едва не шлепнулся в размокшую грязь, ноги предательски заскользили, так что разбег вышел неуклюжий. Времени осталось всего ничего. Йормунганд бежал под потоками воды, стесняясь, взмахнул руками, чтобы удержать равновесие. Мир привычно вспыхнул и тут же погас, ощущение дрожащего золота теперь не задерживалось. Вода оставалась водой, пусть и тягучей. Она прошла сквозь его тело, прошила насквозь, подняла над землей, так что ноги беспомощно затрепыхались в воздухе. Но тут же тело выгнулось, голова запрокинулась кверху и Йормунганд взлетел, наплавляя движение вдоль нитей.

— Мама, мама, — маленький белокурый мальчик дернул маму за рукав, — Смотри, радуга!

— Да какая же радуга? — сказала Ангаборда, — Дождь как из ведра. Вот закончится и будет радуга.

— А он закончился, — мальчик высунулся из узкого окошка, — там только золото и радуга.

Ангаборда отложила вязание с колен. С возрастом она стала совсем сентиментальной.

— Ну и ну, — только сказала она.

Она увидела лишь золотой всполох, и сердце сжалось, будто опаленное дыханием дракона.

Больше книг на сайте — Knigolub.net